

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12 2024
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 12 (511) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Алексей Владимирович Савватеев* (1973), российский математик и специалист в математической экономике, популяризатор математики, видеоблогер; доктор физико-математических наук, член-корреспондент РАН (2022), профессор Адыгейского государственного университета, ведущий научный сотрудник ЦЭМИ РАН.

Алексей Владимирович родился в Москве. Его дед по материнской линии — Исаак Александрович Лурье (1890–1956) — математик, профессор и начальник кафедры высшей математики Военно-инженерной академии РККА имени В. В. Куйбышева.

В 1990 году Савватеев окончил математическую школу № 57, после чего поступил на механико-математический факультет МГУ, который окончил в 1995 году с отличием. Продолжил обучение в Российской экономической школе (РЭШ), окончил ее в 1997 году — тоже с отличием.

По окончании РЭШ Алексей Владимирович стал младшим научным сотрудником ЦЭМИ РАН, где в 2003 году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата экономических наук по теме «Моделирование лоббирования и коррупции в переходных экономиках» (специальность — 08.00.13 «математические и инструментальные методы экономики»).

После защиты по приглашению профессора Шломо Вебера Савватеев уехал на полтора года на постдокторантуру в Бельгию в Центр исследования операций и эконометрики. После возвращения в Россию 8 лет работал в РЭШ.

С 2009 по 2016 год постоянно проживал и работал в Иркутске, наездами работая в Москве, а затем переехал в Москву, приняв приглашение Михаила Викторовича Поваляева стать первым ректором Университета Дмитрия Пожарского. Алексей Владимирович является организатором научных и научно-популярных мероприятий, среди которых МАСЭП (ежегодная Школа междисциплинарного анализа социально-экономических процессов), Байкальские чтения, Стекловский десант в Иркутске, социально-политические семинары Университета Дмитрия Пожарского и многие другие. Выступает с лекциями по математике в городах России, а также на многих зимних и летних школах для старшеклассников, ведет цикл «100 уроков математики» в Филипповской школе. Преподаёт в Университете Дмитрия Пожарского курсы «Теория игр», «Математика для гуманитариев», «Группы и геометрия». Кроме того, записывает в МФТИ видеокурсы по различным математическим дисциплинам в рамках Национальной платформы открытого образования и проекта Coursera — гло-

бального провайдера открытых онлайн-курсов. Алексей Савватеев является автором проекта «Маткульт-привет!», задача которого — сделать математику простой для любых категорий желающих приобщиться к царице наук.

«Задача, которую ставит перед собой данный ресурс, — это привлечь аудиторию, заинтересовавшуюся возможностью продолжить свое изучение науки математики, и облегчить людям поставленную задачу за счет дополнительной информации и структурной организации лекций в порядке следования тем, учёта логических взаимосвязей лекций и курсов лекций между собой, и т. п.», — пишет Алексей Савватеев на главной странице этого ресурса.

В 2013 году Алексей Владимирович защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора физико-математических наук по теме «Задача многомерного размещения: теоретико-игровой подход».

В 2021 году Алексей Савватеев принимал участие на выборах в Государственную думу по 219-му одномандатному округу (г. Севастополь) от партии «Новые люди». С 2022 года ученый не поддерживает отношения с этой партией.

Алексей Владимирович подвергает острой критике систему массового образования в России. По его мнению, она полностью разрушена и нуждается в коренном преобразовании. В 2022 году Савватеев опубликовал «Манифест спасения массовой школы в России», в котором выступил за повышение статуса учителя, сокращение его бюрократической отчётности, возрождение системы высшего педагогического образования, ревизию школьных учебников и пособий, против насаждения дистанционного обучения и натаскивания учеников исключительно на сдачу ЕГЭ, за большую вариативность этого экзамена.

В 2005 году Алексей Савватеев стал лауреатом премии имени Овсевича «за работы по математическому моделированию коррупции, связанной с уклонением от уплаты налогов», в 2018 году — финалистом литературной премии «Просветитель» в номинации «Естественные и точные науки» за книгу «Математика для гуманитариев. Живые лекции».

В 2020 году Савватеев попал в шорт-лист премии «Просветитель. Digital» за проект «Вехи математики: от Евклида до Галуа».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Аксёнова С. С.**
Проблемы привлечения к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными 199
- Антипов А. А.**
Соглашения государственно-частного партнёрства для систем метрополитенов в Российской Федерации..... 201
- Бабаев А. Ф.**
Уголовная ответственность за совершение автотранспортных преступлений 204
- Благушин М. М.**
Полномочия комитетов в составе администрации муниципального образования в сфере землепользования (на примере Одинцовского городского округа Московской области) 206
- Гайнуллин М. Р.**
Применение института суда присяжных заседателей в континентальной правовой системе на примере Французской республики..... 207
- Гарафутдинов И. М.**
Акции как цифровые финансовые активы: развитие правового регулирования..... 209
- Гафиятов Д. И.**
Общеизвестный товарный знак: вопросы судебной практики..... 211
- Данилогорская А. С.**
Международно-правовое регулирование консульских отношений 212
- Долган А. Р.**
Особенности предпринимательской деятельности в форме акционерного общества..... 215
- Енгибарян Е. А.**
Нарушение требований составления обвинительного заключения, обвинительного акта и обвинительного постановления как основание возвращения уголовного дела прокурору..... 216
- Заболоцкий Р. Р.**
Правовое регулирование кондикционных обязательств в современном российском гражданском праве 219
- Заболоцкий Р. Р.**
Невозможность исполнения обязательства как правовой институт 223
- Исаков О. О.**
Понятие и правовая природа отказа в возбуждении уголовного дела как института уголовно-процессуального права..... 226
- Капарова А. С.**
К вопросу о правовой природе социального предпринимательства 228
- Капарова А. С.**
К вопросу о соотношении корпоративной социальной ответственности и социального предпринимательства 231
- Киселёв Е. О.**
Контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания..... 234
- Косенко В. В., Кулакова И. А.**
Теоретические и прикладные аспекты при исследовании заключения эксперта 236
- Крое Е. В.**
Период охлаждения потребительского кредита 237
- Куцырь Н. А.**
Функции правовой системы 239
- Лебедев В. Е.**
Совершенствование государственного управления в области труда и социальной защиты граждан. Проблемы кадрового обеспечения (на примере Республики Башкортостан) 240
- Лихоманова Я. Ю.**
Направления совершенствования правового регулирования этики прокурорских работников 243

Мартынов Т. С. Термин «моральный вред» в рамках института «компенсация морального вреда» 245	Нестеренко В. В. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: проблемы и пути решения 252
Митяева В. А. Принципы взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации 247	Равилов А. Р. Проблемные аспекты отказа в возбуждении уголовного дела..... 254
Митяева В. А. Особенности взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации..... 249	Самар Д. В. Организационно-правовые проблемы раздельного содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных и пути их решения..... 256
Мординова А. С. Особенности уголовной ответственности и наказания за преступления, связанные с хищением чужого имущества..... 250	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы привлечения к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными

Аксёнова София Сергеевна, студент

Научный руководитель: Миرونюк Иван Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В настоящее время проблема жестокого обращения с животными стала одним из актуальных вопросов. Это явление предстаёт печальной реальностью нашего общества. В последнее время всё чаще поднимается вопрос о важности привлечения к ответственности за каждый акт жестокости по отношению к животным. Такие действия являются серьёзным правонарушением, которое может повлечь за собой уголовную ответственность. Нарушение прав животных не только влечёт их физическую боль и страдания, но и является отражением морального деградирования общества. Поэтому важно предотвращать такие деяния, устанавливая строгую уголовную ответственность для нарушителей. В нашем обществе всё больше людей осознают необходимость защиты прав животных и признают их статус существ с чувствами, которые способны испытывать боль и страдания. Однако, несмотря на это, многие случаи жестокого обращения с животными продолжают иметь место и требовать нашего внимания.

Понятие «жестокое обращение с животными» охватывает широкий спектр деяний, начиная физическим насилием, побоями и издевательствами и заканчивая пассивными формами жестокости, такими, как непредоставление питания, воды и медицинской помощи. В настоящее время существует легальное определение данного понятия, установленное в п. 5 ст. 3 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 27.11.2023) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Оно гласит, что жестокое обращение с животным — обращение с животным, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в том числе голодом, жаждой, побоями, иными действиями), нарушение требований к содержанию животных, установленных настоящим Федеральным за-

коном, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (в том числе отказ владельца от содержания животного), причинившее вред здоровью животного, либо не оказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии. Международные нормы по защите животных также придают особое значение регулированию животноводства. В соответствии с ними жестокое обращение с животными на сельскохозяйственных и коммерческих предприятиях также подпадает под уголовную ответственность. Регулирование использования животных в различных сферах и введение соответствующих контролирующих органов и мер призвано предотвратить страдания животных и поощрить социально ответственное поведение. В последнее время законодательство многих стран стало более жёстким по отношению к лицам, которые совершают жестокие деяния в отношении животных.

Исторически первые законодательные документы, защищающие права животных, появились в Европе в начале XIX столетия. В XX столетии вопрос о защите животных от жестокого обращения был поставлен на международный уровень. Понимая важность защиты животных, множество стран внедряют подобные законодательные механизмы. Их целью является наказание лиц, совершивших акты жестокости, и предотвращение дальнейших посягательств на животных. Одним из наиболее серьёзных критериев для квалификации подобных действий является причинение физической или психологической боли, страданий или смерти животным. Они могут включать в себя побои, нанесение травм, умышленное истощение и отсутствие должного ухода и внимания. Подобные действия могут рассматриваться как преступления против природы и общественных ценностей, причиняющих серьёзный вред не

только самим животным, но и широкому кругу людей, стремящихся создать гармоничную среду для обитания всех живых существ. Поэтому уголовная ответственность за жестокое обращение с животными включает в себя разнообразие преступлений, связанных с насилием, пытками, несанкционированным убийством и другими жестокими действиями. Степень ответственности может изменяться в зависимости от уровня жестокости, тяжести причиняемого вреда и мотивов правонарушителя. Органы правопорядка и специализированные службы по защите животных активно борются с подобными преступлениями. Квалификация жестокого обращения с животными как преступления — важный шаг на пути к созданию гармоничного общества, где уважение к животному миру является неотъемлемой частью культуры.

Но недостаточное осведомление и слабая правовая культура по-прежнему оставляют пробелы в сфере защиты животных. Это подчёркивает необходимость широкой информационной кампании, нацеленной на повышение осведомлённости о правах животных и последствиях жестокого обращения с ними. Борьба с проблемой жестокого обращения с животными не ограничивается только уголовными наказаниями. Её решение требует комплексных мер, таких, как пропаганда общественного осуждения жестокости, установления систем наблюдения и контроля, увеличение финансирования организаций, занимающихся защитой животных.

Также имеет место проблема, которая заключается в том, что законодательство о правах животных не охватывает все аспекты жестокого обращения. Часто происходят ситуации, когда совершённые акты жестокости считаются малозначительными, следовательно, многие подобные случаи остаются безнаказанными. Возникают сложности доказательства фактов жестокого обращения с животными, особенно, если это происходит в частном доме или на закрытой территории, а люди, даже обладая информацией о таком поведении, могут промолчать, опасаясь неприятностей или социального осуждения. Решение данной проблемы заключается в повышении общественного сознания и создании атмосферы неприемлемости подобных действий. А иногда назначаемое наказание не соответствует тяжести содеянного, в некоторых случаях нарушители даже не получают наказание, что может стать сигналом для дальнейшего нарушения законодательства в этой области. Иногда уголовные дела прекращаются вследствие деятельного раскаяния. Преступники избегают наказания за совершённое деяние. Поэтому необходимо совершенствовать законодательную базу и повышать эффективность работы правоохранительных органов.

Статьёй 245 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрено, что жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, если это деяние совершено из хулиганских побуждений, или корыстных побуждений, или с применением садистских методов, или в присутствии малолетних, — наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы, или иного до-

хода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев. Проанализировав статью, мы видим, что законодатель определяет общественную опасность данного преступления в негуманном обращении с животными. Деяние относится к категории преступлений небольшой тяжести. Объектом преступления является общественная нравственность и отношения в области содержания животных. Объективная сторона преступления выражается в жестоким обращении с животными, повлекшем их гибель или увечье. Под жестоким обращением понимается причинение боли, физических страданий в результате систематического избиения животного, оставления без пищи и воды на длительное время, использования для ненаучных опытов, причинения неоправданных страданий при научных опытах, мучительного способа умерщвления, использования в различных схватках, натравливания их друг на друга. Субъективная сторона преступления — прямой умысел. Виновный осознает, что жестоко обращается с животным, предвидит возможность гибели животного или причинения ему увечья и желает этого. Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Необходимо обратить внимание на то, что часто субъектами таких преступлений становятся лица в возрасте от 14 до 17 лет. В связи с этим законодателю следует рассмотреть вопрос о снижении возраста, с которого наступает уголовная ответственность за данное преступление, до 14 лет. Противоречием в данной сфере является тот факт, что животные в соответствии со статьёй 137 ГК РФ отнесены к имуществу, при обращении с которым граждане должны придерживаться принципа гуманности. При таком определении животных как вещи и появляется проблема наказания за жестокое обращение с животными. Например, если смерть домашнего животного наступила от простого отравления, то действия виновного можно квалифицировать как умышленное уничтожение чужого имущества. Исходя из вышеизложенного материала, проанализировав нормативные правовые акты по данной теме, можно сделать следующие предложения для изменения законодательной базы: снижение возраста уголовной ответственности за жестокое обращение с животными до 14 лет, а также введение отдельной категории «животные», что даст возможность установить правовые границы обращения с живыми существами.

В целом, жестокое обращение с животными — это не только преступление, но и проявление недостатка этики и социальной сознательности. Чтобы создать более справедливое и гуманное общество, необходимо активное участие каждого гражданина. Коллективные усилия, направленные на борьбу с жестоким обращением с животными, помогут нам стремиться к миру, где каждое живое существо имеет право на достойную жизнь без страданий.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25.

2. Федеральный закон от 27.12.2018 N498-ФЗ (ред. от 27.11.2023) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
3. Иксатова С. Т. Привлечение к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными. // Вестник ЧитГУ.— 2010.— № 7 (64).
4. Маслова, А. В. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными / А. В. Маслова.— Текст: непосредственный // Молодой ученый.— 2017.— № 5 (139).— С. 294–296.— URL: <https://moluch.ru/archive/139/39008/> (дата обращения: 13.03.2024).
5. Сычёва А. В. Проблематика привлечения к ответственности за преступления в сфере жестокого обращения с животными. Юридические науки.— 2015.— Т. 1 (67).— № 3.

Соглашения государственно-частного партнёрства для систем метрополитенов в Российской Федерации

Антипов Арсений Александрович, аспирант

Научный руководитель: Эрделевский Александр Маркович, доктор юридических наук, профессор
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В работе анализируется возможность введения систем метрополитена в качестве объектов концессии и государственно-частного партнёрства.

Ключевые слова: *государственно-частное партнёрство, концессионные соглашения, правовое регулирование, метрополитен, легкорельсовый транспорт.*

Российское законодательство закрепляет обширный перечень объектов концессионного соглашения, а также для соглашения о государственно-частном партнерстве, включая объекты уличного общественного транспорта, а также системы внеуличного транспорта, такие как железная дорога, монорельсовая система, канатная дорога и фуникулёр.

Однако ни Федеральный закон «О концессионных соглашениях» [1], ни Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» [2] не содержит в качестве объекта метрополитен, более того, во избежание неоднозначности толкования — оба закона прямо указывают, что объектами могут быть разные транспортные системы, кроме метрополитена.

Это означает невозможность регулирования строительства и эксплуатации метрополитена с помощью взаимодействия публичных органов власти и частных компаний в рамках вышеуказанных законов. Специальное законодательное регулирование данных общественных отношений, как например, гипотетически возможный Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве и концессии систем метрополитена» также отсутствует.

Важно обратить внимание, что законодательство не исключает привлечение частных компаний для непосредственно, строительства инфраструктуры метрополитена, нет прямого юридического запрета и на софинансирование проектов строительства станций и иных объектов инфраструктуры метро. Де-юре отсутствуют ограничения компании перевозчика и эксплуатанта исходя из его организационно-правовой формы, де-факто, все компании перевозчики, яв-

ляющиеся эксплуатантами организованы в форме унитарных предприятий.

Всё вышеуказанное демонстрирует, что частные юридические лица имеют ограничения только для разных форм государственно-частного партнёрства и концессии в отношении метрополитенов.

Нельзя не отметить, что государственные и муниципальные системы метрополитена за исключением московского не получают значительного развития, так за последние 10 лет в период с января 2014 по январь 2024, метрополитен Санкт-Петербурга открыл 4 станции, метрополитены Нижнего Новгорода, Казани и Самары увеличились на 1 станцию, а метрополитены Екатеринбурга и Новосибирска не открыли ни одной новой станции.

Строившиеся метрополитены Красноярска и Челябинска будут конвертированы в участки подземного скоростного трамвая — одной из форм легкорельсового транспорта. Единственная станция строившегося ранее метрополитена Омска законсервирована.

В активном строительстве за пределами Москвы находятся 4 станции метро в Казани, 2 станции в Санкт-Петербурге, по 1 в Нижнем Новгороде, Самаре и Новосибирске. Следует отметить, что темпы расширения систем метрополитенов во многих регионах России остаются незначительными [3].

Предполагается, что возможность использования различных форм государственно-частного партнёрства для строительства и эксплуатации новых участков действующих систем метрополитена, а также новых систем, позволит увеличить развитие данного вида транспорта, а также могло бы привлечь в отрасль новые технологии со стороны частных компаний.

Многие города в мире используют правовой институт государственно-частного партнёрства для расширения существующих систем или строительства новых. Город Осака в Японии имеет систему муниципального метрополитена, две линии которого полностью объединены с продлениями, построенными и эксплуатируемыми частными компаниями.

Муниципальная линия метро Тюо, управляемая муниципальным юридическим лицом технически и инфраструктурно объединена с линией метро Кейханна, которая находится под управлением частной железнодорожной корпорации Кинтесу [4]. При этом частный оператор наряду с муниципальным владеет своим подвижным составом, а для взаимного удобства между ними подписан договор о сквозном движении поездов, что позволило эксплуатировать две линии в режиме одной, разделив зоны ответственности по оговорённой сторонами территориальной метке. При строительстве компания Кинтесу руководствовалась стандартами метрополитена Осаки, несмотря на то что большинство линий данной компании построено по совершенно иному стандарту.

Полностью аналогичная ситуация в Осаке есть с муниципальной линией Мидосуджи и её частным продолжением Кита-Осака Кюко, владельцем которой является железнодорожная корпорация Ханкю [5]. По концессионному соглашению были построены и эксплуатируются системы метро в Мекке, Хайдерабаде и некоторые линии метро в Сан-Паулу.

Действующее в России законодательное регулирование строительства и эксплуатации метрополитенов оперирует универсальным понятийным аппаратом, не содержащим конкретизации организационно-правовых форм. Это означает, что типовые правила технической эксплуатации метрополитена, а также порядок их утверждения не потребуют внесения дополнительных изменений, что упрощает правотворческую задачу.

Межгосударственные, государственные, национальные стандарты содержащие требования к оборудованию подвижного состава, его техническим характеристикам, к инженерным и строительным параметрам рельсового полотна, туннелей, станций и иных сооружений также не требуется модифицировать.

Данное утверждение обосновывается тем, что все существующие системы метрополитена построены по единым нормам, поэтому для создания технически интегрируемых с ними новых систем, создаваемых в формате государственно-частного партнёрства, необходимо соблюдать уже закреплённые и подробно описанные стандарты. Это же сократит юридическую работу в части составления технических заданий для договоров концессии и иных форм государственно-частного партнёрства.

Контраргументы против легализации систем метрополитена в качестве объектов государственно-частного партнёрства в России, могут основываться на экономических, юридических тезисах, а также исходя из соображений безопасности.

Юридическое разграничение сфер ответственности потенциального концессионера и других собственников подземных сооружений, включая засекреченные объекты, не является существенной проблемой. Взаимоотношения между сторонами

могут быть урегулированы существующими нормами ГК РФ, Закона РФ «О государственной тайне» [6] и другими НПА, аналогично тому, как происходит сегодня между вышеуказанными собственниками и унитарным предприятием — владельцем системы метрополитена.

Двойное назначение метрополитена, как системы общественного транспорта и как объекта гражданской обороны существенно преувеличено с неюридической точки зрения, поскольку согласно пункту 12 Постановления Правительства Российской Федерации от 29.11.1999 № 1309, станции и линии метрополитена могут становиться объектами гражданской обороны после соответствующего приспособления, но только если они по своему предназначению пригодны для этого [7].

Существующие линии и станции метрополитенов могут быть как пригодны, так и не пригодны для их использования в качестве объектов гражданской обороны. Например, подземная станция метро «Тропарёво» в Московском метрополитене не оборудована гермозатворами, что затрудняет её использование в соответствии с абзацем 1, пункта 3 и абзацем 2, пункта 2 вышеуказанного постановления Правительства [8]. Действующие подземные станции метрополитена Самары — «Алабинская» и «Российская» в 2022 году были исключены из списков объектов гражданской обороны [9].

Вышеуказанная тенденция означает возможность публичной стороны государственно-частного партнёрства заблаговременно определять необходимость строительства станции или линии метрополитена с/без элементов, позволяющих использование/приспособление к использованию данного объекта для мероприятий по гражданской обороне.

Экономическая составляющая связана с тем, что деятельность государственно-частного партнёрства является коммерческой, что означает необходимость извлечения частной стороной прибыли от своей деятельности. Поскольку деятельность перевозчиков общественного транспорта как правило является убыточной, возникает риск дополнительной финансовой нагрузки на бюджет публичного образования. В вышеописанном случае публичному образованию будет необходимо производить доплаты в адрес концессионера для компенсации понесённых им убытков, а также доплачивать до определённого уровня прибыли, который как правило заблаговременно согласовывается сторонами.

Унитарным предприятиям, несмотря на их юридический статус коммерческих юридических лиц, теоретически можно производить выплаты только для компенсации убытков от их операционной деятельности, производя уровень доплат необходимы для того, чтобы уровень доходов соответствовал уровню расходов организации. Дополнительные затраты для обновления подвижного состава и другой деятельности могут иметь разовый характер. Такие затраты, как правило, закладываются в бюджет муниципалитета или региона заблаговременно.

Исходя из чего можно предполагать, что государственно-частное партнёрство для строительства и эксплуатации метрополитена обойдётся для муниципального, либо регионального бюджета дороже, чем аналогичные мероприятия, производимые через иные юридические конструкции.

Следует отметить, что приведённое выше может иметь место в реальности, однако следует учитывать, что государственно-частное партнёрство это способ для муниципалитета или федерального субъекта не имеющего достаточного количества финансовых средств, необходимых для строительства и эксплуатации системы метрополитена. Это одна из возможных форм привлечения субъекта, имеющего достаточный объём финансовых средств для достижения социально-экономических целей. Другой возможной альтернативой видится инфраструктурное государственное кредитование. Однако многие подобные способы заимствования финансовых средств теоретически могут оказаться более затратными в среднесрочной перспективе, чем использование собственных региональных или муниципальных финансовых средств.

Представляется более оптимальным наличие как можно большего числа гражданско-правовых и финансовых способов стимулирования и развития любой отрасли, в том числе отрасли метрополитена и эксплуатации городского рельсового внеуличного транспорта.

Особый интерес представляет опыт Казахстана в отношении правового регулирования метрополитена, как объекта государственно-частного партнёрства и концессии. В Законе Республики Казахстан от 21 сентября 1994 года № 156 «О транспорте в Республике Казахстан» [10] уже закреплены термины «метрополитен», «легкорельсовый транспорт» и «городской рельсовый транспорт». Правовой анализ соотношений данных понятий в законе представляет дополнительный научный интерес, который будет исследован в другой работе.

Для базового понимания ситуации необходимо, что исходя из предлагаемого законодателем понятийного аппарата, отличие метрополитена от легкорельсового транспорта в полной изолированности первого от иных участников дорожного движения, а также в больших по сравнению с легкорельсовым транспортом габаритами, грузоподъёмностью и скоростью сообщения.

Полная изолированность легкорельсового транспорта, согласно определению, не требуется, достаточно «отдельно выделенных путей», что позволяет понимать под данной категорией транспорта — трамвайную линию с высокой степенью обособленности, так и де-факто физически изолированную систему метрополитена, обладающую меньшими скоростными и вместительными характеристиками.

При этом определение «городской рельсовый транспорт» специально отделяет термин «легкорельсовый транспорт» от «трамвая» и «метрополитена». Согласно статье 3, рассматриваемого закона системы метрополитена не могут находиться ни в какой иной собственности, кроме государственной. Подобный законодательный подход жёстче российского, где юридического ограничения на форму собственности метрополитена нет. Невозможны договоры государственно-частного партнёрства.

Легкорельсовый транспорт в вышеуказанной статье не указан, а значит фактическая возможность владения систем полностью обособленного внеуличного транспорта частными компаниями сохраняется. Из обозначенного следует возможность передачи и отчуждения части прав на такие системы,

в том числе в формате государственно-частного партнёрства в разных его видах, включая концессию. Это подтверждается ст. 4 Закона Республики Казахстан от 7 июля 2006 года № 167 «О концессиях» [11] и ст. 6 Закона Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 379-V ЗРК «О государственно-частном партнёрстве» [12], где сферами применения государственно-частного партнёрства и концессии являются все отрасли экономики, кроме тех, что отдельно закреплены Правительством Республики Казахстан.

Действующее на сегодняшний день Постановление Правительства Республики Казахстан от 6 ноября 2017 года № 710 не включает в себя объекты легкорельсового транспорта, что означает допустимость любых форм государственно-частного партнёрства в отношении этих объектов [13]. Следует отметить, что не отмечены в нём и системы метрополитена, однако, представляется, что в связи с положением ст. 3, Закона Республики Казахстан от 21 сентября 1994 года № 156, как отмечалось выше, государственно-частное партнёрство в отношении этих объектов будет скорее невозможным.

Для Российской Федерации при отсутствии понятийного аппарата и юридической стандартизации для различных форм легкорельсового транспорта, а также с учётом отсутствия порядка юридического изменения регулирования при техническом переходе с одних стандартов на другие предлагается в первую очередь сконцентрироваться на возможностях государственно-частного партнёрства для систем метрополитенов, уже стандартизированного и унифицированного в юридическом смысле транспортных систем.

Разработка стандартов для легкорельсовых систем и их последующее регулирование как объектов государственно-частного партнёрства представляется также важной задачей, однако она будет более отдалённой и заслуживает проведения отдельного научного исследования.

Резюмируя вышеперечисленное, правовых проблем для решения государственно-частного партнёрства в отношении систем метрополитенов в Российской Федерации не имеется, за исключением, прямого запрета на это в соответствующих законах.

Однако для привлечения инвестиций в отрасль, для развития технологической базы, а также для появления возможностей строительства метрополитенов в субъектах Российской Федерации, предлагается изменить существующие нормы путём внесения в объекты концессий и государственно-частное партнёрство систем метрополитена.

В последующем аналогичные формы государственно-частные партнёрства могут быть использованы для строительных проектов в странах ближнего и дальнего зарубежья, если станут конкурентоспособными по сравнению с существующими консорциумами.

Следует понимать, что опасения по поводу экономической нерентабельности систем метрополитена оправданы, как и большинство систем общественного транспорта в мире они не выходят на уровень самоокупаемости, однако эффект от системы метрополитена предлагается рассматривать как инфраструктуру для экономического роста определённой территории в целом, налоговые поступления от которой косвенно

способны компенсировать затраты на строительство такой инфраструктуры. Частный партнёр как источник финансовых средств в краткосрочной перспективе позволяет частично снизить расходы государственного бюджета на реализацию такого рода инфраструктурных и социальных проектов.

В долгосрочной перспективе общественные отношения с частным партнёром могут обходиться дороже, чем отношения с унитарными предприятиями — оператором системы метро-

политена, что, теоретически может быть сопоставимо с расходами бюджета субъекта Российской Федерации по выплате процентов по инфраструктурному кредиту на строительство метрополитена.

Поэтому видится допустимым внедрение государственно-частного партнёрства как ещё одного финансового инструмента развития и обновления систем метрополитена и их инфраструктуры.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // Собрание законодательства РФ, 25.07.2005, № 30 (ч. II), ст. 3126.
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.07.2015, № 29 (часть I), ст. 4350.
3. Россия // Transphoto [электронный ресурс] // URL: <https://transphoto.org/country/1/> (дата обращения: 22.12.2023).
4. けいはんな線 // Kintetsu Railway [электронный ресурс] // URL: <https://www.kintetsu.co.jp/toppage/i-search.html?kw=%E3%81%91%E3%81%84%E3%81%AF%E3%82%93%E3%81%AA%E7%B7%9A&ie=u&api=on&site=kintetsu> (дата обращения: 29.12.2023).
5. 会社概要 // Kita-Osaka Kyuko line [электронный ресурс] // URL: <https://www.kita-kyu.co.jp/company/profile.html> (дата обращения: 22.03.2023).
6. Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» // Собрание законодательства РФ, 13.10.1997, № 41, стр. 8220–8235.
7. Постановление Правительства РФ от 29.11.1999 № 1309 «О Порядке создания убежищ и иных объектов гражданской обороны» // Собрание законодательства РФ, 06.12.1999, № 49, ст. 6000.
8. Метро Тропарёво, вход на станцию 08.07.2017 [электронный ресурс] // Youtube [сайт] // <https://www.youtube.com/watch?v=T-fX5EgWrmZA> (дата обращения: 02.01.2024).
9. Власти объяснили, почему «Алабинскую» не стали делать убежищем для людей // 63.ru — Самара Онлайн [электронный ресурс] // URL: <https://63.ru/text/transport/2023/05/30/72351449/> (дата обращения: 04.01.2024).
10. Закон Республики Казахстан от 21 сентября 1994 года № 156 «О транспорте в Республике Казахстан» // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан, 1994 г., № 15, ст. 201.
11. Закон Республики Казахстан от 7 июля 2006 года № 167 «О концессиях» // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2006 г., № 14, ст. 88.
12. Закон Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 379-V ЗПК «О государственно-частном партнерстве» // «Казахстанская правда» от 12.11.2015 г., № 217 (28093).
13. Постановление Правительства Республики Казахстан от 6 ноября 2017 года № 710 «Об утверждении перечня объектов, не подлежащих передаче для реализации государственно-частного партнерства, в том числе в концессию» // САПП Республики Казахстан 2017 г., № 54, ст. 354. Подписано в печать 29.12.2017 г.

Уголовная ответственность за совершение автотранспортных преступлений

Бабаев Асиф Фаигович, студент

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», представительство в г. Красноярске

Увеличивающиеся с каждым годом объем перевозок и количество автотранспортных средств выдвигают в качестве одной из первоочередных задач обеспечение безопасности движения и эксплуатации транспорта. В настоящее время, в условиях интенсивного развития инфраструктуры, основной составляющей которой является транспорт, одной из главных задач государства остается обеспечение безопасности дорожного движения. В последнее время, из-за увеличения числа дорожно-транспортных происшествий, все большую значимость

приобретает необходимость неукоснительного соблюдения действующего законодательства, изучение путей дальнейшего совершенствования норм уголовного закона, предусматривающих уголовную ответственность за посягательство на безопасность дорожного движения и эксплуатацию транспортных средств.

При разработке нового УК достаточно широко использовался опыт законодателей Германии, Франции и США в той части, во всяком случае, где речь идет о действии уголовного

закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов РФ, об экстрадиции, о так называемой «ограниченной вменяемости», о некоторых видах наказания и освобождения от него, о регламентации ответственности за отдельные виды преступлений, в том числе и транспортные. В свою очередь законодатели Азербайджана, Таджикистана, Казахстана, Грузии в своих УК 1998–2000 гг. воспроизвели многие положения Уголовного кодекса России об ответственности за транспортные преступления, а нормотворцы Беларуси и Украины продвинулись в этом направлении еще дальше.

Взаимопроникновение и взаимообогащение моделей УК различных стран мира на рубеже XX и XXI вв. стало возможным во многом благодаря сравнительному правоведению, широкому внедрению в законодательную деятельность компаративных методов исследования. Сравнительное правоведение в литературе обычно определяют как науку, изучающую правовые системы различных государств (отрасли права, или подсистемы, институты, отдельные нормы права, практику их применения), а также различные правовые теории с целью получения наиболее полного представления о специфических чертах и особенностях той или иной правовой системы и о тех общих чертах и закономерностях развития, которые роднят эту систему с другими и позволяют объединить правовые системы различных государств в определенные типы, внутри которых возможно взаимодействие, определенная унификация и универсализация права.

Уголовная ответственность — один из видов юридической ответственности, основным содержанием которого являются меры, государственными органами к лицу, которое совершило то или иное преступление.

Автотранспортные преступления — это виновно совершенные общественно опасные деяния (действия или бездействие), посягающие на общественные отношения в сфере безопасного функционирования (движения и (или) эксплуатации) автотранспорта, запрещенные УК РФ под угрозой наказания. Отмечу, что употребление в теории уголовного права подобного термина, позволит более точно определить круг преступлений, посягающих на безопасность движения автотранспорта.

Основные цели, поставленные мной при написании статьи — это изучение автотранспортных преступлений и вопросов уголовно-правовой квалификации правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, которые в теории и на практике всегда вызвали много сложностей. Для решения этих сложностей отечественный законодатель не

раз возвращался к изменению редакций имеющихся в УК РФ статей о транспортных преступлениях.

Объектом состава преступления, предусмотренного статьей 264 УК РФ, является безопасность дорожного движения, как составная часть общественной безопасности.

Ужесточение ответственности водителей за управление транспортным средством в состоянии опьянения, со стороны государства не снизило число правонарушений, связанных с управлением транспортными средствами в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью гражданина, либо его смерть. За совершение такого рода преступлений в состоянии опьянения, законодатель, в целях борьбы с нарушителями на дорогах, существенно ужесточил наказание.

Диспозиция статьи 264 УК РФ в настоящее время насчитывает шесть частей. Части первая, третья и пятая предусматривают уголовную ответственность при нарушении правил дорожного движения, повлекшем по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо смерть человека или смерть двух и более лиц. Части вторая, четвертая и шестая предусматривают уголовную ответственность при совершении преступления в состоянии опьянения, в них состоянию опьянения виновного законодатель придает квалифицирующее значение. Преступление, связанное со ст. 264 УК РФ, может быть совершено как в следствии действия, так и бездействия.

Три состава, а именно ст. 264, 266, 268 УК РФ имеют много схожих черт по объективным и субъективным признакам. Так, все они относятся к преступлениям с материальным составом и предусматривают наступление последствий в виде физического вреда, а именно — тяжкий вред здоровью или смерть.

В настоящее время в УК РФ закреплена ответственность только за вождение в состоянии опьянения, тогда как привлечь водителя к уголовной ответственности, скрывшегося с места ДТП, преследуя цель уклониться от освидетельствования на состояние опьянения, нельзя.

Изменяя нормы уголовного законодательства относительно транспортных преступлений, законодатель пытается в лучшую сторону изменить ситуацию на дорогах. Возможно ужесточение уголовной ответственности за совершения ДТП в состоянии опьянения может способствовать повышению степени ответственности водителей транспортных средств.

Литература:

1. Вашкевич А. В. Формирование системы безопасного поведения на дорогах как социально-педагогическая работа.
2. radm63sp.ru/ugolovnaya-otvetstennost-za-sovshenie-avtotrasnportnyx-prestuplenij-v-sostoyanii-opyaneniya-chasti-2-4-6-stati-265-uk-rf/
3. Коробеев А. И. Транспортные преступления

Полномочия комитетов в составе администрации муниципального образования в сфере землепользования (на примере Одинцовского городского округа Московской области)

Благушин Максим Максимович, студент магистратуры

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В статье рассматриваются функции и полномочия в сфере землепользования комитетов муниципального образования Одинцовский городской округ Московской области. Сделаны выводы о характере их деятельности, отличиях в предмете регулирования.

Ключевые слова: землепользование, местное самоуправление, администрация, вопросы местного значения, полномочия муниципальных органов власти.

The powers of committees within the municipal administration in the field of land use (on the example of the Odintsovo city district of the Moscow region)

Blagushin Maxim Maximovich, student master's degree

Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)

The article discusses the functions and powers in the field of land use of the committees of the Odintsovo municipal district of the Moscow region. Conclusions are drawn about the nature of their activities, differences in the subject of regulation.

Keywords: land use, local self-government, administration, issues of local importance, powers of municipal government.

В структуре администрации Одинцовского городского округа Московской области полномочия органов местного самоуправления в сфере землепользования распределены в нескольких подразделениях. Рассмотрим Комитеты, которые имеют большую степень самостоятельности, чем управления.

1. Комитет по управлению муниципальным имуществом.
2. Комитет по земельным ресурсам и землеустройству.

Комитет по управлению муниципальным имуществом, в целом, обладает широким спектром полномочий по управлению муниципальной собственностью, по сути формируя ее. В состав данного комитета входят отдел по землепользованию, отдел по организации проведения торгов и аренды земельных участков, отдел документооборота и вида разрешенного использования земельных участков.

Функции комитета по управлению муниципальным имуществом:

- 1) является организатором торгов (конкурсов, аукционов) по продаже объектов муниципальной собственности или права на заключение договоров аренды таких объектов;
- 2) осуществляет деятельность по организации проведения торгов (аукционов) по продаже, находящихся в муниципальной собственности земельных участков, расположенных в границах Одинцовского городского округа Московской области, или права на заключение договоров аренды таких земельных участков;
- 3) организует работу по проведению экспертизы документов и оценки рыночной стоимости муниципального имущества;
- 4) участвует через своих представителей в работе аукционных, конкурсных и иных комиссиях;
- 5) готовит документы по передаче в собственность земельных участков;

6) проводит правовую экспертизу документов и готовит предложения по заключению договоров аренды, субаренды и безвозмездного пользования;

7) выступает арендодателем муниципального имущества и земельных участков;

8) согласовывает передачу в субаренду муниципального имущества и земельных участков;

9) участвует в документальных и иных проверках (инвентаризации) имущества и земельных участков, переданных в аренду, на предмет использования по целевому назначению;

10) осуществляет работу по контролю за соблюдением условий договоров и разрешению споров, возникающих в связи с нарушением договорных отношений;

11) организует учет договоров аренды, субаренды, безвозмездного пользования недвижимого имущества, земельных участков и передачи земельных участков в собственность. Ведет реестр и базу данных по этим договорам.

Функции комитета в сфере земельных отношений:

1) осуществляет подготовку проектов постановлений и распоряжений администрации Одинцовского городского округа Московской области по вопросам землепользования;

2) осуществляет рассмотрение материалов и подготовку ходатайств (согласований) по вопросам включения земельных участков в границы населенных пунктов или исключение из границ населенных пунктов, перевода земельных участков из одной категории в другую;

3) участвует в организации межевания и постановки на государственный кадастровый учет особо охраняемых природных территорий местного значения и их мониторинга;

4) осуществляет подготовку материалов (технического задания) по постановке земельных участков на государственный кадастровый учет;

5) осуществляет формирование и ведение списка граждан, имеющих в соответствии с законодательством Российской Федерации внеочередное, первоочередное либо преимущественное право на получение земельных участков;

6) предварительно прорабатывает возможности предоставления земельных участков для различных нужд, в том числе для нужд района с учетом требований земельного, градостроительного и природоохранного законодательства;

7) рассматривает обращения граждан, организаций, государственных органов и органов местного самоуправления, а также запросы депутатов по вопросам землепользования, осуществляет подготовку ответов на них, включая подготовку текстов публикаций в средства массовой информации о приеме заявлений о предоставлении (предстоящем предоставлении) земельных участков;

8) проводит осмотры и обследования земельных участков для дачи заключений о соответствии использования таких земельных участков виду разрешенного использования при принятии решений об их предоставлении;

9) осуществляет процедуру уточнения и изменения границ Одинцовского городского округа Московской области.

Функции управления градостроительной деятельностью сосредоточены в поле использования земель для архитектуры и градостроительства. Поэтому данное подразделение в сфере землепользования имеет следующие полномочия:

— проведение публичных слушаний по проектам генеральных планов округа, по проектам правил землепользования и застройки округа, по проектам планировки территорий, проектам межевания территорий и выносит решение об их утверждении на Совет Депутатов Одинцовского городского округа;

— участие в разработке местных нормативов градостроительного проектирования и осуществляет взаимодействие со средствами массовой информации по вопросам архитектуры и градостроительства в пределах своей компетенции.

— рассмотрение и согласование проектов по планировке территории;

— присвоение адреса объекту адресации;

— выдача уведомлений о планируемых строительстве или реконструкции объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома, об изменении параметров строительства;

— согласование переустройства и (или) перепланировки жилых и нежилых помещений;

— выдача уведомлений о планируемом сносе объекта капитального строительства.

Кроме того, управление градостроительной деятельности осуществляет учет и регистрацию введенных в эксплуатацию объектов, а также контроль за:

— соблюдением строительных норм и правил и рациональным использованием земель;

— предотвращением самовольного строительства.

В целом, деятельность подразделений администрации Одинцовского городского округа Московской области в сфере землепользования можно охарактеризовать как эффективную. Правовой анализ показывает, что муниципальные правовые акты, регулирующие правоотношения в сфере землепользования, соответствуют региональному и федеральному законодательству. Вместе с тем, одно из рассмотренных направлений деятельности — правовое регулирование обращения с особо охраняемыми территориями и территориями с особыми условиями использования — заслуживает отдельного внимания.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2003, № 40, ст. 3822.
2. Устав Одинцовского городского округа Московской области (Принят решением Совета депутатов Одинцовского городского округа Московской области от 28.06.2019 № 1/5) // Режим доступа: https://odin.ru/doc/?div_id=2592 (дата обращения 05.03.2024).

Применение института суда присяжных заседателей в континентальной правовой системе на примере Французской республики

Гайнуллин Марсель Равилевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванов Антон Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье автор исследует историю развития и особенности функционирования суда присяжных заседателей рассматривая опыт Французской республики по внедрению суда с участием присяжных заседателей в континентальной правовой системе.

Ключевые слова: суд, суд присяжных, история, зарубежный опыт, правосудие, институт присяжных заседателей, отправление правосудия.

Суд присяжных был введен во Франции во время Великой французской революции (1789–1799) после пол-

ного свержения старого порядка абсолютной монархии, когда была объявлена Первая французская республика и установ-

лены формально свободные и равные права граждан. Это событие привело к крупнейшим изменениям в социальной и политической системе страны. Среди множества новшеств было также введено учреждение присяжных судов, которое заменило инквизиторскую систему [1]. Известный своими авторитарными взглядами Наполеон I Бонапарт, выступая в 1804 году перед Государственным советом, заявил: «Мы должны поручить решение вопросов собственности гражданским судьям, потому что такие вопросы требуют специальных знаний. Но когда дело касается уголовного решения, мы должны прислушиваться к шестому чувству, которое называется совестью. Поэтому в уголовных делах следует обратиться к обществу. Это будет своего рода гарантией для граждан, что их честь и жизнь не будут зависеть только от судей, решавших судьбу их имущества». Более чем через полвека французский ученый Ф. Севен, объясняя цель и значение института присяжных, сказал: «Мудрый и гуманный французский закон, основанный на принципе, что лучше оправдать виновного, чем осудить невиновного, обнаружил в институте присяжных гарантию справедливости, которая привносит в дело чувство милосердия, человечности и сострадания, и они желают судить по человечески деяния человека».

Суд присяжных во Франции был установлен по подобию системы, присущей англо-саксонским странам, включая Англию. Законом об уголовном судопроизводстве, принятым в сентябре 1791 года, было учреждено две коллегии: коллегия, состоящая из трёх профессиональных судей, и жюри присяжных, включавшее 12 членов. Жюри самостоятельно принимало решение о виновности или невиновности подсудимого, основываясь на своих чувствах и эмоциях. Кроме того, существовало обвинительное жюри, состоящее из 8 заседателей, которое проводило предварительное расследование в делах. Такая система суда присяжных просуществовала до 1941 года.

Однако со временем хрупкое равновесие между независимостью присяжных заседателей и полномочиями судей стало нарушаться, так в 1941 году во Франции был создан суд, напоминающий собой суд шеффенов, отправлением правосудия в нем занималась коллегия из судей и присяжных заседателей, выбираемых из числа граждан. Ключевым отличием новой системы правосудия шеффенского типа от коллегии присяжных заседателей, предшествующей ему, заключалось в участии в том числе и профессиональных судей в процедуре рассмотрения дела.

В 1958 году был принят новый Уголовно-процессуальный Кодекс Франции, который вступил в силу 2 марта 1959 года и по-прежнему действует [2]. Согласно нынешнему законодательству Франции, «суд присяжных» — это коллегия, состоящая из трех профессиональных судей (председателя и двух ассесоров) и жюри присяжных, включающего 6 присяжных заседателей на стадии первого судебного заседания и 9 присяжных заседателей на апелляционной стадии [3].

Присяжные составляют свои решения в судебном процессе, руководствуясь своим личным убеждением и совестью. Перед началом обсуждения дела присяжным председателем суда читается следующая инструкция: «Согласно закону, судьи и присяжные не обязаны давать отчет о том, как они пришли к своему убеждению, а также нет определенных правил, по которым они

должны оценивать доказательства. Закон требует от них обращаться к своему внутреннему самоощущению и сосредоточенности, чтобы определить, какое впечатление произвели на них представленные доказательства в отношении обвиняемого и его защиты».

После этого судьи и присяжные уходят в комнату для обсуждения дела и принятия решения путем тайного голосования. Они голосуют по письменным бюллетеням и последовательно обсуждают каждый вопрос перед ними. В первой инстанции, для принятия решения о виновности обвиняемого требуется не менее шести голосов из девяти, а в апелляции — не менее восьми голосов из двенадцати. Если коллегия приходит к решению о виновности обвиняемого, они также обсуждают вопрос о назначении соразмерного преступлению наказания.

Голосование производится отдельно и конфиденциально для каждого обвиняемого. Помимо этого, уже в ходе процедуры голосования о выборе меры наказания, в тех случаях, когда ни один из рассматриваемых видов наказания не набирает кворума, то есть большинства голосов, вопрос снимается и присяжные заседатели переходят к следующему вопросу. После принятия решения присяжными заседателями по всем вопросам рассматриваемого дела они покидают совещательную комнату и направляются в зал судебного заседания для оглашения итогового вердикта по результатам рассмотрения уголовного дела [4].

Таким образом, Франция, будучи одной из первых континентальных стран, взяла на вооружение институт присяжных, а затем переформатировала его и приспособила для себя. Она сегодня продолжает использовать эту систему. Для суда присяжных во Франции большое внимание уделяется его организации, функционированию и правовым особенностям в уголовно-процессуальном законодательстве. Законы страны периодически подвергаются изменениям и дополнениям с учетом этих особенностей.

Вопрос о существовании и развитии института присяжных во Франции вызывает различные точки зрения. В последние годы особое внимание уделялось обсуждениям о роли и значимости присяжных, их популярности и необходимости участия в уголовном процессе. Аргументы в пользу присяжных включают то, что они являются гарантом независимости процесса и обеспечивают объективность и справедливость в разбирательстве уголовных дел.

Отмечается, что обычные граждане более внимательны и ответственны, так как исполняют гражданский долг и считают это важным обязательством перед обществом и государством в целом. Присяжные, не скованные юридическими техничностью, принимают решения на основе своего личного убеждения и по совести, что способствует положительному восприятию судебной системы общественностью. Однако есть и другая точка зрения, согласно которой институт присяжных не обеспечивает должных гарантий честного процесса, поскольку непрофессионалы, не обладая специальными знаниями, могут подвергаться влиянию со стороны профессиональных юристов, прокуроров, адвокатов или даже судей, и фактически выносить решения, не соответствующие их собственной воле [5].

Таким образом, институт суда присяжных заседателей в континентальной правовой системе, включая Французскую Республику, представляет собой уникальную форму участия граждан в правосудии. Во Франции присяжные заседатели принимают участие в рассмотрении уголовных дел, рассматривая свидетельства и вынося приговор вместе с профессио-

нальными судьями. Этот подход призван обеспечить более широкий взгляд на правосудие и обеспечить большее доверие со стороны общества. Применение этого института свидетельствует о стремлении к участию граждан в правосудии и в то же время подчеркивает важность коллегиального принятия решений в контексте судебных процессов.

Литература:

1. Конституция Франции 1799 года [Электронный ресурс] https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbostu/histsources2/igpzio39/.
2. Уголовно-процессуальный Кодекс Франции 1958 года [Электронный ресурс] // Legifrance.com.
3. Конституция Франции 1958 года [Электронный ресурс] https://www.conseilconstitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf.
4. Уголовный кодекс Франции от 01.01.2014 года [Электронный ресурс] <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/14297>.
5. Михайлов П. Л. Суд присяжных во Франции. СПб.: Юридический центр Пресс, 2014. С. 427.

Акции как цифровые финансовые активы: развитие правового регулирования

Гарафутдинов Ильшат Маратович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье освещается правовое регулирование цифровых финансовых активов в России применительно к акциям. Описываются основные аспекты нового законодательства, включая определение цифровых финансовых активов, требования к их выпуску и обращению, а также изменения в уставах обществ и процедуры зачисления активов на счета номинальных держателей. Выявлена активная роль ЦБ РФ в регуляции данных общественных отношений.

Ключевые слова: акции, цифровые финансовые активы, цифровые права, цифровая экономика.

В 2021 году было введено правовое регулирование цифровых финансовых активов [1]. Благодаря ему появились: определение цифровых финансовых активов, требования к решению о выпуске цифровых финансовых активов, процедура учета и обращения с цифровыми финансовыми активами, особенности выпуска и обращения цифровых финансовых активов, которые представляют права участия в капитале акционерных обществ.

Ввиду принятия нового закона действующее в тот период также подверглось изменению, в частности: был установлен запрет внесения в устав акционерного общества каких-либо изменений, связанных с указанием на возможность выпуска акций в форме цифровых финансовых активов, если такое указание отсутствовало в уставе при создании общества, а также была исключена какая-либо возможность удаления из устава общества подобного указания, если оно присутствовало в уставе при его учреждении; также были установлены особенности осуществления прав по ценным бумагам, которые представлены в виде цифровых финансовых активов и хранятся на лицевом счёте (счёте депо).

Немного позднее Центральным Банком РФ были определены случаи и порядок зачисления цифровых финансовых активов номинальному держателю [2]. Этот процесс учитывает права на цифровые финансовые активы, которые при-

надлежат другим лицам. Цифровые финансовые активы могут быть зачислены на счет номинального держателя только при соблюдении определенных условий. Одним из таких условий является наличие информации в реестре пользователей информационной системы, отвечающей за выпуск цифровых финансовых активов. Эта информация должна подтверждать статус номинального держателя и его права на активы, которые принадлежат другим лицам.

ЦБ РФ принимает активную роль в регуляции обращения акций в качестве цифровых активов. Им были установлены порядки ведения двух реестров операторов информационных систем, связанных с выпуском и обменом цифровых финансовых активов (ЦФА). Эти реестры должны вестись в электронном виде Банком России. Положение также регулирует следующие аспекты:

- 1) процедуру представления на согласование в Банк России правил информационной системы и правил обмена ЦФА, а также изменений в эти правила, а также требования к представлению других документов;
- 2) порядок включения операторов в соответствующие реестры;
- 3) требования к уведомлениям о назначении или освобождении лиц на руководящие должности, а также сроки и порядок их предоставления;

4) процедуру и сроки представления операторами информации о лицах, которые имеют право распоряжаться 10% или более голосов в операторе информационной системы. Также в Положении приведены образцы необходимых документов, которые могут быть использованы в соответствии с установленными процедурами [3].

Кроме этого, ЦБ РФ выпускает разъяснения, касающиеся отдельных вопросов выпуска акций в виде цифровых активов. Например,

Банк России уточнил требования к решению о выпуске акций в форме цифровых финансовых активов, которые размещаются при учреждении непубличного акционерного общества. Основные моменты включают следующее: решения о выпуске таких акций утверждаются учредительным собранием, если учредителем является единственное лицо. Подписывает его лицо, определенное в договоре о создании общества или в решении о его учреждении; в решении о выпуске цифровых финансовых активов допускается не включать сведения о государственной регистрации лица, выпускающего такие активы, если на момент принятия решения это лицо не зарегистрировано как юридическое лицо. ЦБ РФ подчеркнул, что выпуск акций в форме цифровых финансовых активов, аналогично выпуску обычных акций, производится до государственной регистрации общества как юридического лица [4].

На сегодняшний день акции как цифровые активы выпускаются многими организациями. Например, в 2023 году первым на Московской бирже стало ООО «ГПБ-факторинг». К организациям, выпускающим цифровые финансовые активы, относятся и ПАО «Газпром нефть» [6].

Если говорить об изученности правового регулирования акций в качестве цифровых финансовых активов, то стоит согласиться с мнением А. В. Захаркиной, которая отмечает, что «цифровые финансовые активы, получившие недавнее нормативное признание, уже успели снискать научную популярность. По состоянию на первый квартал 2022 г. опубликовано более 500 научных статей, так или иначе упоминающих ЦФА. Кроме того, указанному явлению стали посвящать диссертационные работы. Однако цивилистическая теория ЦФА далека от совершенства, ее следует признать формирующейся».

Таким образом, правовое регулирование цифровых финансовых активов в России было введено в 2021 году и привнесло значительные изменения в сферу финансовых отношений. Эти изменения включают определение цифровых финансовых активов, требования к их выпуску и обращению, а также особенности прав участия в капитале обществ. Организации стали активно интересоваться выпуском цифровых финансовых активов. Принятые меры также включают установление запретов на изменение уставов обществ в отношении возможности выпуска цифровых активов и уточнение процедур и условий зачисления таких активов. Центральный Банк России принимает активную роль в регулировании обращения цифровых активов, включая установление порядков ведения реестров операторов информационных систем и определение процедур зачисления активов на счета номинальных держателей. Исследования и дискуссии в области цифровых финансовых активов активно ведутся, и их рост свидетельствует о значительном интересе к данной теме среди академического сообщества.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. — № 173. — 2020. — 06 августа.
2. Указание Банка России от 03.12.2020 № 5646-У «О случаях и порядке зачисления цифровых финансовых активов номинальному держателю цифровых финансовых активов, который учитывает права на цифровые финансовые активы, принадлежащие иным лицам» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.01.2021 № 62096) // Вестник Банка России. — № 6. — 2021.
3. Положение Банка России от 16.12.2020 N746-П «О ведении Банком России реестра операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, реестра операторов обмена цифровых финансовых активов, о порядке и сроках представления операторами информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и операторами обмена цифровых финансовых активов в Банк России сведений о лицах, распоряжающихся акциями (долями) указанных операторов, а также о порядке представления и согласования Банком России изменений в правила информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, изменений в правила обмена цифровых финансовых активов» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.01.2021 N62191) // Вестник Банка России. — 2021. — № 7.
4. Письмо Банка России от 09.03.2021 № 28–1–3/1220 «О требованиях к решению о выпуске акций в виде цифровых финансовых активов, размещаемых при учреждении непубличного акционерного общества» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Захаркина А. В. Цифровые финансовые активы через призму учения о бездокументарных ценных бумагах // *Ex jure*. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-finansovye-aktivy-cherez-prizmu-ucheniya-o-bezdokumentarnyh-tsennyh-bumagah> (дата обращения: 20.03.2024).
6. Первые выпуски ЦФА состоялись на Московской бирже // URL: <https://www.moex.com/n64273> (дата обращения: 20.03.2024).

Общеизвестный товарный знак: вопросы судебной практики

Гафиятов Дамир Ильдарович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассматривается процесс признания товарного знака общеизвестным. Описываются критерии, необходимые для признания товарного знака общеизвестным, и приводятся примеры использования различных сведений для подтверждения общеизвестности. Анализируются материалы судебной практики в области оспаривания решений Роспатента по этому вопросу и выделяются основные аспекты, которые могут повлиять на исход таких дел.

Ключевые слова: товарный знак, общеизвестный товарный знак, Роспатент, обозначение, критерии.

Согласно действующему правовому регулированию для того, чтобы товарный знак мог быть признан общеизвестным, необходимо, чтобы он был интенсивно использован и широко известен среди соответствующих потребителей в отношении товаров заявителя. Законодательство не устанавливает конкретных критериев для этих условий, и каждое решение о признании общеизвестности принимается Роспатентом на основе представленных заявителем сведений. Если решение будет положительным, товарный знак будет внесен в перечень общеизвестных.

Для подтверждения общеизвестности товарного знака могут использоваться следующие сведения в соответствии с пп. 3 п. 17 Административного регламента по признанию товарного знака общеизвестным в РФ:

- 1) информация о интенсивном использовании товарного знака;
- 2) сведения о странах, где товарный знак стал широко известным;
- 3) данные о затратах на рекламу товарного знака, например, из годовых финансовых отчетов;
- 4) оценка стоимости или ценности товарного знака на основе информации, содержащейся в годовых финансовых отчетах;
- 5) результаты опросов потребителей, проведенных специализированной независимой организацией по вопросу общеизвестности товарного знака [1]. При этом могут учитываться соответствующие Рекомендации, утвержденные Роспатентом [2].

Э. В. Горян и И. Р. Рахманкуловым отмечается, что «без соблюдения одного из указанных условий компетентный орган вправе отказать в удовлетворении заявления на признание товарного знака общеизвестным» [9].

Однако на сегодняшний день в производстве судов находится немалое количество дел об оспаривании решения Роспатента об отказе в признании товарного знака общеизвестным. В связи с этим необходимо рассмотреть судебную практику, сформированную для перспективы оспаривания и рисков, которые может понести правообладатель, обращаясь в суд.

Если говорить о критериях, которые могут быть учтены при вынесении решения о признании товарного знака общеизвестным, то согласно судебным актам Суда по интеллектуальным правам РФ, мы можем выделить следующие:

- 1) для оценки общеизвестности товарного знака учитывается его известность в адресном круге потребителей конкретного вида товаров, а не всего общества. Например, если товарный знак используется для индивидуализации транспортных средств в категории «дорожная и коммунальная тех-

ника», то его известность оценивается среди специалистов, принимающих решения о выборе и закупке такой техники в крупных организациях этого сектора экономики [5]; аналогичной этой является позиция СИП РФ о том, что при определении степени известности товарного знака учитывается мнение не всего общества в целом, а только адресного круга потребителей конкретного вида товаров (работ, услуг) [8];

- 2) географический критерий использования товарного знака не обязательно требует, чтобы он был известен потребителям, проживающим во всех административно-территориальных образованиях государства [4].

Стоит отметить, что решение Роспатента можно оспорить тогда, когда будет доказано, что орган без оснований уклонился от исследования всех представленных доказательств. Например, в одном из дел было установлено, что решению суда первой инстанции подробно проанализированы документы, представленные обществом в Роспатент для обоснования общеизвестности товарного знака. Суд пришел к обоснованному выводу о том, что часть этих документов либо не была оценена административным органом, либо их оценка была проведена поверхностно и без должного обоснования. Важные детали и аргументы этого анализа были упущены [6].

Иногда на практике возникает такая ситуация, когда правообладатель сам проявляет шаги навстречу Роспатенту с целью пройти регистрацию. Это касается вопроса сужения заявленного перечня товаров. В данном случае Роспатент может необоснованно проигнорировать этот момент. Например, в одном из дел было установлено, что отказ в удовлетворении заявления общества не мог быть обоснован лишь широким перечнем товаров. Общество было готово сузить список товаров до детского стирального порошка при сомнениях в общеизвестности «Ушастый нянь». Отказ Роспатента рассмотреть эти предложения явился нарушением процедуры [3].

Стоит рассмотреть и «другую сторону медали». Нередко правообладатель сам не способен доказать общеизвестность своего товарного знака. Например, это может быть в случае отсутствия доказательств ассоциации товарного знака у потребителей с товарами правообладателя. Примером является следующий случай из практики:

суд подтвердил довод Роспатента, что результаты анализа посещаемости Московского международного делового центра «Москва-Сити» могут лишь свидетельствовать о его известности как места в Москве, но не об известности спорного знака обслуживания. Следовательно, заявитель не предоставил до-

статочных доказательств широкой известности спорного знака среди потребителей в отношении услуги «управление недвижимостью» [7].

Таким образом, в современном правовом регулировании признания товарного знака общеизвестным ключевыми факторами являются его интенсивное использование и широкая известность среди соответствующих потребителей. Однако отсутствуют четкие критерии для этих условий, и каждое решение о признании общеизвестности принимается Роспатентом на основе представленных заявителем сведений. Для подтверждения общеизвестности могут использоваться различные данные,

такие как информация об использовании, распространении в различных странах, затратах на рекламу и результаты опросов потребителей. Судебная практика показывает, что в ряде случаев решение Роспатента о признании товарного знака общеизвестным может быть оспорено, особенно в случаях, когда представленные доказательства не были должным образом рассмотрены или когда правообладатель предложил сузить перечень товаров. Однако нередко правообладатели также могут столкнуться с трудностями в доказательстве общеизвестности своего товарного знака, особенно если нет ассоциации потребителей с данным знаком.

Литература:

1. Приказ Минэкономразвития России от 27.08.2015 № 602 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по признанию товарного знака или используемого в качестве товарного знака обозначения общеизвестным в Российской Федерации товарным знаком» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.09.2015 № 39065) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 02.10.2015.
2. Приказ Роспатента от 01.06.2001 № 74 «Об утверждении Рекомендаций по проведению опроса потребителей по вопросу общеизвестности товарного знака в Российской Федерации» // Вестник Роспатента. — № 3. — 2001.
3. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.08.2018 № C01-436/2018 по делу № СИП-684/2017 // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 22.02.2019 № C01-1273/2018 // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.05.2021 № C01-644/2021 // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.05.2021 № C01-644/2021 по делу № СИП-281/2020 // СПС КонсультантПлюс.
7. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 11.07.2022 № C01-849/2022 по делу № СИП-915/2021 // СПС КонсультантПлюс.
8. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 15.09.2022 № C01-1687/2022 по делу № СИП-55/2022 // СПС КонсультантПлюс.
9. Горян Э. В., Рахманкулов И. Р. Критерии признания общеизвестным товарного знака или обозначения в Российской Федерации // Территория новых возможностей. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-priznaniya-obscheizvestnym-tovarnogo-znaka-ili-oboznacheniya-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 19.03.2024).

Международно-правовое регулирование консульских отношений

Данилогорская Александра Сергеевна, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье автор исследует правовые нормы в области международного права, а также внутреннее законодательство Российской Федерации, которые регулируют деятельность консульских учреждений.

Ключевые слова: консульство, консул, функции консульский учреждений, Венская конвенция о консульских сношениях.

Посольства и консульства являются важным инструментом Правительства во всем мире, которые используют их для поддержания высокого уровня взаимодействия с другими странами. Хотя эти дипломатические учреждения расположены на иностранных территориях, они считаются юрисдикцией страны, которую они представляют, а не властей страны их пребывания. Посольства и консульства позволяют правительствам создавать политические альянсы, поддерживать культурные

и торговые отношения и облегчать поездки между гражданами своих территорий.

Главными источниками в области консульского права на территории Российской Федерации являются следующие документы:

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993), где в ст. 86 указаны полномочия президента Российской Федерации относительно ди-

пломатических и консульских сношений с иностранными государствами. [1]

Концепция внешней политики Российской Федерации № 229 от 31.03.2023 [2], в которой отражаются взгляды на национальные интересы Российской Федерации во внешнеполитической сфере, базовые принципы, стратегические цели, основные задачи и приоритетные направления внешней политики Российской Федерации, а также Федеральный закон от 05.07.2010 № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» [3], в котором установлены принципы и основы деятельности в области консульского права, как для учреждений, так и конкретизированы права и обязанности консулов. Помимо данных нормативных актов есть также Указ Президента РФ от 05.11.1998 № 1330 «Об утверждении Положения о Консульском учреждении Российской Федерации» [4] и другие нормативные правовые акты, к которым относятся Положение о Министерстве иностранных дел, Положение о почетном консуле Российской Федерации, приказы Министерства иностранных дел, постановления Правительства и ряд иных [5, 6].

Соответственно, на международном уровне нормативно-правовые документы, связанные, в том числе с Российской Федерацией являются следующие [7]: универсальным документом является Венская конвенция о консульских сношениях 1963 года [8], известными региональными Каракасская конвенция о консульских функциях 1911 [9] года и Гаванская конвенция о консульских чиновниках 1928 года [10]. Конечно же, немаловажную роль занимают и двусторонние договоры, которые начали заключаться еще в XII–XIII веках.

Хотелось бы, конечно, сделать акцент на процессе создания Конвенции 1963 года, ведь это один из главных многосторонних договоров на международной арене в области консульского права, ведь это является практически универсальным документом, который был разработан ООН и принят на конференции в Вене, воплощающим в себе кодификацию и прогрессивное развитие норм международного права по консульским вопросам. Конвенция регламентирует основные вопросы консульских отношений: порядок их установления и осуществления, создание консульских учреждений, их функции, преимущества, привилегии и иммунитеты консульских учреждений и их персонала, а также их обязанности в отношении государства пребывания, правовое положение почетных консулов и т.д. Одновременно с Венской Конвенцией были приняты два факультативных протокола: о неприменении законов государства пребывания о приобретении его гражданства к работникам иностранных консульских учреждений и об обязательной юрисдикции Международного суда ООН по спорам относительно толкования или применения конвенции.

Общепризнанными принципами во взаимодействии государств на международной арене являются следующие:

— суверенное равенство государств, каждое государство уважает суверенность другого в его пределах, соответственно, всевозможные ветви власти, а также ведение внешней политики.

— невмешательство во внутренние дела того или иного государства.

— принцип взаимности широко используется в области дипломатии и консульств, поскольку страна пребывания предо-

ставляет аккредитуемому государству, как физическим, так и юридическим лицам некоторые права, а также всевозможные льготные условия и привилегии при условии, что те же лица пользуются аналогичными правами, льготами и привилегиями на территории данного государства.

— принцип реторсии. Соответственно, одно государство совершает ответные действия в отношении другого, в целях восстановления нарушенных прав. Например, введение дискриминационного контроля паспортов, повышение налогов и сборов, выражение отказа в совершении остановки на территории государства, неважно на самолете, на судне или ином транспорте.

— принцип недискриминации, когда права граждан и прибывающих равны, также и для организаций.

Существуют еще и частные принципы, связанные с консульской областью. Ранее было упомянуто насчет того, что установление дипломатических отношений ведет к установлению и консульских, если иное не оговорено. Консульские отношения могут устанавливаться в независимости от дипломатических, то есть неважно отсутствуют дипломатические отношения вовсе или же по определенным причинам они были разорваны. Функции в области консульской деятельности могут выполняться не только консульскими учреждениями, но и дипломатическими, конечно, для их осуществления необходимо учреждению получить экзекватуру от государства пребывания. Безусловно, государство пребывания имеет право регулировать численность персонала в консульском учреждении, также, должностными лицами консульства назначаются из граждан государства пребывания, а если же из третьего государства, то на это необходимо согласие государства пребывания. Кроме того, государство пребывания может выражать поддержку относительно содержания помещения консульства на своей территории. Государства вправе установить особый режим консульских отношений, заключив двусторонний договор.

Одной из главных задач консульских должностных лиц является информирование своего государства об экономической, культурной, коммерческой и научной жизни государства пребывания. Выполнение этих задач осуществляется посредством регулярной связи консула со своим правительством, а также с дипломатическим представительством направляющего государства посредством обмена информацией, отчетами и инструкциями, относящимися к вопросам, входящим в их рабочий круг. В этом отношении свобода общения означает право консульского должностного лица использовать все надлежащие способы общения, такие как: использование дипломатические или консульские курьеры, дипломатические или консульские вализы, дипломатическая корреспонденция, зашифрованные документы. С другой стороны, государство пребывания обязано обеспечить свободное перемещение консульского багажа, соответственно, свободное передвижение консульских или дипломатических курьеров. За исключением свободы общения, государство пребывания обеспечивает свободу передвижения и поездок по своей территории всем сотрудникам консульского учреждения.

Соответственно, консул — это такое должностное лицо, которое назначила одна сторона на территории другого госу-

дарства для выполнения определенных задач и функций в качестве представителя. Способ назначения консула и его отнесения к определенному классу тесно связано с внутренним законодательством страны-пребывания, то есть аккредитующей.

Функции консульских учреждений и дипломатических представительств представляют собой защиту прав и интересов Российской Федерации, а также граждан нашей страны и юридических лиц за пределами.

Рассмотрим функции консульских учреждений:

- вопросы гражданства (приобретение, прекращение, определение наличия или отсутствия гражданства РФ);
- оформление и выдача виз, свидетельств на въезд и возвращение, оформление паспортов;
- осуществление учета граждан Российской Федерации, временно находящихся или постоянно проживающих на территории консульского округа;
- осуществление защиты интересов граждан, которые попали под арест, оказались заключены в тюремное содержание, задержаны, приняты меры для поиска, пропавших без вести, перевозка умерших;
- оказание помощи в реализации волеизъявления относительно избирательных прав;
- регистрация актов гражданского состояния;
- нотариальные действия (удостоверение сделок, устанавливать верность копии, подлинность подписи, верность пере-

вода, принимать меры по охране наследованного имущества, удостоверить сведения о лицах и т.д.);

— консульская легализация документов. В настоящее время существует два вида легализации: консульская легализация и апостилирование.

Права и обязанности государств при отправке и приеме консульских представителей составляют предмет области консульских отношений. Закон, касающийся консульских отношений, регулирует процесс аккредитации консульских представителей, обязательства государства пребывания по содействию осуществлению консульских функций, иммунитеты, которыми пользуется представляемое государство в отношении помещений, которые оно использует, и функций, которые оно выполняет, а также иммунитеты, которыми пользуются консульские учреждения. Этот свод законов также относится к отдельным гражданам направляющего государства, поскольку консулы выполняют функции, связанные с деятельностью их граждан на территории принимающего государства.

На сегодняшний день в Российской Федерации произошли множественные изменения в работе консульских учреждений. В связи с политическими событиями многие посольства и консульства были принудительно закрыты, особенно в европейских странах и странах Прибалтики. Однако сама работа консулов не прекращается, так как происходит смена интересов России на другие регионы мира, тем самым открывая новые учреждения в дружественных странах.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993);
2. Указ Президента РФ от 31.03.2023 N229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»;
3. Федеральный закон «Консульский устав Российской Федерации» от 05.07.2010 N154-ФЗ;
4. Указ Президента РФ от 05.11.1998 N1330 (ред. от 21.08.2012) «Об утверждении Положения о Консульском учреждении Российской Федерации»;
5. Тамаева, Т. Т. К вопросу об истории и источниках консульского права / Т. Т. Тамаева // Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов / отв. ред. Е. В. Трофимов. Том 7. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. — С. 151–154. — EDN LAVVLR.
6. Торшина О. М. Тенденции развития консульского права. Московский журнал международного права. 2009;(2):263–282. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2009-2-263-282>).
7. Аль, А. Н. Международное право: учебник / А. Н. Аль, Р. Абдель. — Москва: РУТ (МИИТ), 2020. — 398 с. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/188684> (дата обращения: 04.03.2024). — Режим доступа: для авториз. пользователей.
8. «Венская конвенция о консульских сношениях» (заключена в г. Вене 24.04.1963)
9. Каракасская конвенция о консульских функциях в 1911 г.
10. Гаванская конвенция о консульских чиновниках 1928 г.
11. Плотникова, О. В. Консульские отношения и консульское право: учебник / О. В. Плотникова, О. Ю. Дубровина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. — 144 с. — ISBN978-5-91768-667.
12. Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1052220> (дата обращения: 21.12.2023). Федеральный закон от 28.04.2023 N138-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О гражданстве Российской Федерации»

Особенности предпринимательской деятельности в форме акционерного общества

Долган Ангелина Радионовна, преподаватель
Колледж права, экономики и управления г. Краснодара

В данной статье автор рассматривает основные преимущества и особенности акционерного общества, а также, почему его выбор может быть рациональным решением для успешного бизнеса в современных реалиях рыночной экономики.

Ключевые слова: коммерческая организация, уставный капитал, реорганизация, ликвидация.

Выбор организационно-правовой формы для осуществления предпринимательской деятельности — это ключевой шаг, определяющий не только юридический статус предприятия, но и его функционирование, ответственность, налогообложение и даже перспективы развития. Это стратегическое решение требует внимательного анализа и оценки, учитывая цели бизнеса, его масштабы, особенности деятельности и риски. Среди различных форм организации бизнеса, акционерное общество (АО) заслуживает особого внимания благодаря своей способности привлекать инвестиции, обеспечивать гибкость в управлении и распределении прибыли, а также повышать привлекательность для партнеров и инвесторов.

В Российской империи, начиная с эпохи Петра I, начался важный этап в развитии предпринимательства — формирование акционерных обществ. Этот процесс был закреплен в законодательстве, включая указы от 27 октября 1699 года и от 8 ноября 1723 года. Впоследствии, к середине XVIII века, стали появляться компании, которые уже имели основные черты современных акционерных обществ. Примером может служить «Российская в Константинополе торгующая компания», основанная по Указу от 2 марта 1755 года и учрежденная 24 февраля 1757 года. Эти компании характеризовались наличием уставного капитала, разделенного на акции, которые могли свободно обмениваться на рынке. [1, с. 11].

В современном российском законодательстве акционерное общество (АО) определяется как форма организации, учреждаемая юридическими или физическими лицами для осуществления предпринимательской деятельности, где уставный капитал разделен на определенное количество акций. Этот тип организации сохраняет основные черты, установленные ещё в дореволюционные времена, включая свободное обращение акций на рынке и возможность их отчуждения. [2, с. 171].

До 1 сентября 2014 года в России действовали две организационно-правовые формы для компаний — открытые акционерные общества (ОАО) и закрытые акционерные общества (ЗАО). Закрытые акционерные общества (ЗАО) характеризовались ограничением числа акционеров и часто представляли собой компании с узким кругом участников. В отличие от них, открытые акционерные общества (ОАО) имели возможность публично продавать свои акции на рынке ценных бумаг, привлекая тем самым больше инвесторов.

Однако с введением изменений в Гражданский кодекс РФ, вступивших в силу с указанной даты по Федеральному закону от 05.05.2014 года № 99-ФЗ, эти формы были отменены. Организационно-правовые формы ЗАО и ОАО были заменены в России на публичные акционерные общества (ПАО) и не-

публичные акционерные общества (НАО) соответственно. ПАО обладает правом публичного размещения акций на бирже и привлечения широкого круга инвесторов, в то время как НАО имеет ограничение на количество акционеров и часто ориентировано на ограниченный круг участников.

Публичные акционерные общества обязаны представлять сведения о своем статусе в Единый государственный реестр юридических лиц в соответствии со ст. 97 ГК РФ. Функции реестродержателя и счетной комиссии в публичном акционерном обществе могут осуществлять только независимые организации с соответствующей лицензией, согласно п. 4 ст. 97 ГК РФ. В публичном акционерном обществе обязательно должно быть не менее пяти членов в его коллегиальном органе управления. Одной из особенностей акционерного общества (АО) является его структура с акциями, которые могут обмениваться и передаваться.

Также АО характеризуется разделением собственности и управления: акционеры владеют компанией через приобретение акций, а управление осуществляется органами управления, избираемыми акционерами.

Акционерное общество (АО) представляет собой коммерческую организацию, которая имеет основную цель — получение прибыли.

Одним из ключевых признаков АО является наличие уставного капитала, который разделен на акции. Акционеры не несут личной ответственности за обязательства АО и рискуют потерей только стоимости своих акций в случае банкротства общества. Имущество АО принадлежит самому обществу, а не его акционерам, и действует от его имени. Эти особенности регулируются ст. 2 Федерального закона от 26.12.1995 N208-ФЗ «Об акционерных обществах».

Основным документом АО является устав. Он содержит основные положения о компании, включая её полное и сокращенное фирменные наименования, местоположение, информацию о акциях и правах акционеров, структуру и компетенцию органов управления, размер уставного капитала, а также другие сведения, предусмотренные законодательством. Эти положения регулируются ст. 11 Федерального закона от 26.12.1995 N208-ФЗ «Об акционерных обществах».

Управление акционерным обществом (АО) осуществляется через исполнительный орган, который может быть представлен директором или советом директоров. Влияние акционеров на решения осуществляется через общие собрания. В случае открытого акционерного общества (ПАО) наличие совета директоров обязательно. Каждый из этих органов обладает своей компетенцией и принимает решения по определенным

вопросам, что способствует эффективному управлению и развитию компании.

Что касается реорганизации и ликвидации акционерного общества (АО), то компания вправе принять решение о различных формах реорганизации, таких как выделение, слияние, присоединение, разделение и преобразование. Однако если акционер выступил против такого решения или не принимал участие в общем собрании акционеров, где было принято соответствующее решение, он имеет право требовать выкупа своих акций. Это закреплено в ст. 15 Федерального закона от 26.12.1995 N208-ФЗ «Об акционерных обществах». [3, с. 70].

В свою очередь, ликвидация акционерного общества (АО) представляет собой процесс, в ходе которого прекращается его деятельность. После принятия соответствующего решения со-

бранием акционеров назначается ликвидационная комиссия, которой передаются все полномочия по управлению делами общества. Эта комиссия занимается осуществлением расчетов с кредиторами и получением средств от должников, согласно положениям, изложенным в ст. 21, 22 и 23 Федерального закона от 26.12.1995 N208-ФЗ «Об акционерных обществах».

В заключение, акционерное общество (АО) представляет собой привлекательную форму коммерческой организации, обладающую рядом преимуществ. Оно позволяет предприятиям эффективно привлекать капитал, ограничивает ответственность акционеров, обеспечивает легкую передачу собственности и предоставляет возможность профессионального управления. Выбор АО может быть стратегическим шагом для бизнеса, стремящегося к устойчивому росту и развитию в современной экономической среде.

Литература:

1. Ключко В. Н. Особенности становления и развития акционерных компаний в России: дореволюционный и советский период // Менеджмент и бизнес-администрирование, 2014. № 4.
2. Курбатов А. Я. Предпринимательское право: учебник для вузов / под общей ред. А. Я. Курбатова, А. Е. Кирпичева. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — С. 697.
3. Морозов С. Ю. Предпринимательское право: учебник для вузов / Морозов С. Ю. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — С. 592.

Нарушение требований составления обвинительного заключения, обвинительного акта и обвинительного постановления как основание возвращения уголовного дела прокурору

Енгибарян Егише Адамович, студент

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В данной статье рассматриваются нарушения составления обвинительного заключения, обвинительного акта и обвинительного постановления, которые послужили основанием для того, чтобы суд вернул уголовное дело обратно прокурору.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, обвинительное заключение, прокурор, суд, уголовное дело, нарушения, возвращение.

Violation of the requirements for drawing up an indictment, indictment and indictment as the basis for returning the criminal case to the prosecutor

Engibaryan Egishe Adamovich, student

Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

This article examines violations of the drafting of the indictment, indictment and indictment, which served as the basis for the court to return the criminal case back to the prosecutor.

Keywords: criminal procedure legislation, indictment, prosecutor, court, criminal case, violations, return.

В ст. 237 УПК РФ изложен исчерпывающий перечень оснований для возвращения уголовного дела прокурору, которые могут препятствовать его рассмотрению судом [1]. Одно из таких оснований изложено следующим образом: «1. Обви-

нительный акт, обвинительное заключение или обвинительное постановление были составлены с нарушением требований настоящего Кодекса, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе дан-

ного заключения, акта или постановления;» (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

Исследование возвращенных судами уголовных дел помогает выявлять нарушения и недочеты в процессе следствия, что является наиболее распространенным основанием для возвращения дела прокурору. Такая ситуация сохраняется на протяжении всего периода действия УПК РФ. По данным судебной практики, это основание составляет самую большую часть всех случаев возвращения уголовного дела прокурору — от 85% до 95%.

Суд может принять решение о возвращении уголовного дела либо самостоятельно, либо по ходатайству любой стороны, участвующей в уголовном разбирательстве. Судебная практика обычно иллюстрирует, что уголовные дела возвращаются по ходатайству защитника или подсудимого. Как правило, это возникает из-за нарушений уголовно-процессуального законодательства, допущенных следователем и, следовательно, прокурором, утвердившим обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление. [8, с. 34].

В ходе анализа правоприменительной практики, Верховный суд РФ неоднократно подчеркивал наличие типичных ошибок и недочетов со стороны дознавателей и следователей в процессе расследования уголовных дел [2]. Такие ошибки могут послужить причиной возврата уголовных дел прокурору, принятия решения о прекращении дела или вынесения оправдательного приговора. Среди типичных недочетов выделяются отсутствие логики в проведении следственных и процессуальных действий, несогласованность и отсутствие целостности проводимых следственных мероприятий, а также недостаточный объем их проведения. Также обнаруживаются многочисленные технические ошибки, допущенные при составлении итоговых процессуальных документов [5, с. 53].

Важно указать, что действительно, качество расследования уголовных дел остается на низком уровне, что объясняется рядом причин: значительной загруженностью органов уголовного преследования, недостаточным уровнем профессиональной подготовки и навыков составления процессуальных документов, высокой текучестью кадров, наличием коррупционных элементов и другими факторами. Недостатки при проведении предварительного расследования часто приводят к необходимости возвращения уголовных дел прокурору для пересмотра и повышения качества работы органов предварительного расследования.

Рассмотрим случаи, когда уголовное дело было возвращено прокурору из-за несоответствия нормам, изложенным в УПК РФ.

В одном конкретном случае суд принял решение вернуть прокурору уголовное дело в отношении подозреваемых членов организованной группы С., Л. и Я. по обвинению в растрате имущества в особо крупном размере в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. В решении суда подчеркивалось отсутствие в обвинительном заключении описания преступных действий, указывающих на намерение или фактическое получение обвиняемым незаконного вознаграждения. Более того, не было никаких ссылок на доказательства, свидетельствующие о личной заинтересованности обвиняемого в совершении растраты [7].

В другом случае суд выступил с инициативой вернуть уголовное дело прокурору в связи с нарушениями УПК РФ, выявленными в обвинительном заключении. В данном случае в обвинительном заключении не были указаны сроки мошенничества по отдельным эпизодам. Более того, текст постановления о привлечении обвиняемого, предъявленный гражданину, существенно отличался от текста постановления, содержащегося в материалах дела [4]. Кроме того, противоречия в тексте обвинительного заключения были обнаружены практически по каждому эпизоду. Эти обстоятельства грубо нарушают право обвиняемого на защиту, поскольку они не могут быть исправлены в ходе судебного заседания. Следовательно, суд не может приступить к вынесению приговора или вынесению другого решения на основании этого обвинительного заключения, что влечет за собой возвращение уголовного дела прокурору.

В обоих приведенных примерах возвращение уголовного дела прокурору связано с серьезными нарушениями в обвинительном заключении, которые затрагивают права обвиняемых и могут повлиять на правильность вынесения судебного решения. В первом случае отмечается отсутствие описания преступных действий, отсутствии информации о заинтересованности обвиняемого в совершении растраты. Эти элементы имеют ключевое значение для установления вины и определения квалификации преступления.

Во втором случае суд обнаружил серьезные несоответствия и противоречия в тексте обвинительного заключения, включая отсутствие времени совершения преступлений и различия в тексте постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Эти факторы серьезно подрывают доверие к правильности и обоснованности обвинения.

В обоих случаях суд признал, что выявленные нарушения не могут быть исправлены на стадии судебного заседания и являются серьезными препятствиями для правильного и справедливого рассмотрения дела. Поэтому возвращение уголовного дела прокурору является единственным разумным решением, позволяющим устранить обнаруженные недочеты и обеспечить соблюдение процессуальных норм.

Решение Ленинского районного суда г. Владивостока о возврате уголовного дела прокурору в связи с противоречивостью в квалификации действий подсудимого О. является обоснованным и соответствует нормам уголовно-процессуального законодательства. Противоречия в квалификации преступления могут оказать существенное влияние на правильность и справедливость судебного решения. Суд правильно отметил, что наличие двух взаимоисключающих признаков в квалификации преступления создает серьезные препятствия для правильного вынесения приговора. Суд не имеет права изменять квалификацию преступления на более тяжкую или менее тяжкую по собственному усмотрению, а должен строго соблюдать законодательно установленные критерии. Поэтому возвращение уголовного дела прокурору с целью устранения указанных противоречий является законным и обоснованным шагом, направленным на обеспечение справедливости и правильности судебного процесса.

Следовательно, в случае принятия решения по квалификации действий подсудимого, суд будет вынужден необосно-

ванно применять положения о менее тяжкой норме закона из-за отсутствия возможности выбора между «особо крупным размером» и «крупным размером». Таким образом, возвращение уголовного дела прокурору поможет устранить данную техническую ошибку и обеспечить справедливое рассмотрение дела в соответствии с установленными законом процедурами [3].

Согласно статье 220 УПК РФ, составление обвинительного заключения начинается с изложения анкетных данных обвиняемого. В процессе установления анкетных данных подсудимого в ходе рассмотрения дела в районном суде Новосибирской области было обнаружено несоответствие между данными подсудимого (Багыров) и данными, указанными в обвинительном заключении (Багиров Ашраф Аршад оглы) [6, с. 31]. Это обстоятельство служило основанием для возврата уголовного дела прокурору в соответствии со статьей 237 УПК РФ.

Подобные расхождения в анкетных данных подсудимого являются серьезным препятствием для правильного и законного разбирательства дела в суде. Они лишают суд возможности вынести законный и обоснованный приговор. В этой связи возвращение уголовного дела прокурору представляется обоснованным и необходимым шагом для устранения указанной ошибки и обеспечения справедливого судебного процесса.

В практике часто встречаются технические ошибки в обвинительном заключении (акте, постановлении), которые могут оказать существенное влияние на ход судебного процесса и права участников уголовного дела. Неправильно указанные анкетные данные обвиняемых, ошибки в процессуальных сроках, а также отсутствие важных квалифицирующих признаков состава преступления могут привести к несправедливым судебным решениям и нарушению законных прав сторон. Эти ошибки говорят о необходимости более тщательного контроля и внимательного анализа содержания обвинительного заключения (акта, постановления) перед их утверждением. Должностные лица, ответственные за составление таких документов, должны проявлять высокую ответственность и профессионализм, чтобы избежать подобных ошибок, которые могут негативно отразиться на результативности судебного процесса. Улучшение контроля за качеством обвинительного заключения (акта, постановления) и повышение требований к их содержанию могут способствовать более эффективному и справедливому рассмотрению уголовных дел в судебной системе.

Итак, составление обвинительного заключения является сложным процессом, требующим внимательного анализа со-

бранных доказательств. Этот процесс включает в себя тщательный анализ всей информации, собранной в ходе следствия.

Важность обвинительного заключения трудно переоценить. Он служит основой для последующего судебного разбирательства и определяет направление дела. Некоторые следователи могут считать, что составление обвинительного заключения — это просто техническая формальность, не требующая особого профессионализма и мастерства в расследовании. Однако этот взгляд недостаточно обоснован. Законодательство придает большое значение обвинительному заключению, поскольку именно в нем сосредоточена вся доказательственная база, подтверждающая обвинение.

Предложение о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство, чтобы эффективнее решать проблему технических ошибок в обвинительном заключении (акте, постановлении), кажется разумным и целесообразным. Механизм исправления подобных ошибок на стадии предварительного слушания, через подачу соответствующего ходатайства, может значительно сократить число возвращений уголовных дел прокурору.

Применение такого подхода для исправления технических ошибок, не затрагивающих доказательственную базу или не нарушающих права на защиту, может помочь избежать ненужных задержек и ускорить процесс судебного разбирательства. Это позволит более эффективно защищать права и законные интересы всех участников уголовного процесса, сокращая при этом издержки времени и ресурсов.

Поэтому предложение о введении возможности проведения предварительного слушания для устранения выявленных недостатков, допущенных следователем, кажется обоснованным и целесообразным. Введение такой процедуры позволило бы решать проблемы недочетов в более оперативном режиме, минуя необходимость возвращения уголовных дел прокурору, что часто вызывает задержки и нарушает права участников процесса.

Включение дополнительного обоснования в ч. 2 ст. 229 УПК РФ, позволяющего проводить предварительное слушание для выявления нарушений уголовно-процессуального законодательства в ходе досудебного производства, представляется разумным и соответствует современным стандартам судебной практики. Это позволило бы более эффективно защищать права и интересы всех сторон процесса, а также улучшить качество и скорость судебного разбирательства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 25.12.2023). // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. N52 (ч. I). ст. 4921.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 N28 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.12.2022). // Российская газета. N3. 13.01.2010.
3. Апелляционное постановление № 22–517/2016 от 01 февраля 2016 г. по делу № 22–517/2016 // СПС КонсультантПлюс.
4. Апелляционное постановление Московского городского суда от 05.06.2018 по делу N10–9968/2018 // СПС КонсультантПлюс.
5. Закарян С. А. Вопросы толкования оснований возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК // Законность. 2023. N3. С. 53–56.

6. Колпакова Л. А. Институт возвращения уголовных дел для проведения дополнительного расследования: проблемы правовой регламентации и правоприменения // Уголовное судопроизводство. 2023. №4. С. 31–35.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 2019. № 4. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.
8. Сабельфельд Т. Ю., Сажаев А. М. О некоторых нарушениях уголовно-процессуального законодательства, послуживших основаниями для возвращения уголовного дела прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ // Российский следователь. 2020. № 6. С. 34.

Правовое регулирование кондикционных обязательств в современном российском гражданском праве

Заболоцкий Роман Романович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья описывает проблему становления института кондикции в российском законодательстве. Освещены отдельные аспекты кондикционных обязательств в современном российском гражданском праве. В процессе развития гражданского права встал вопрос о разграничении кондикционных обязательств от смежных гражданско-правовых институтов. Для этого были определены основания и условия возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения.

Ключевые слова: кондикция, обязательства вследствие неосновательного обогащения, имущество.

Актуальность темы исследования. Свободное течение гражданского оборота, беспрепятственная реализация предоставленных законодательством имущественных и личных неимущественных прав, защита собственности как безусловного блага и основы экономической деятельности — основная цель гражданского законодательства в условиях рыночной экономики. Данная цель прямо соответствует положениям Конституции Российской Федерации — провозглашающей многообразие форм собственности, свободу экономической деятельности, гарантии их защиты.

Институт внедоговорных обязательств имеет достаточно важное значение для всей системы современных гражданско-правовых отношений. В теории справедливо отмечается, что внедоговорные обязательства в российском праве могут рассматриваться не только как самостоятельный вид правовых отношений, определяющих течение и развитие гражданского оборота, но и как самостоятельные способы защиты гражданских прав. А также дополнительные механизмы восстановления нарушенной имущественной сферы в связи с гражданским правонарушением или злоупотреблением правом. Одним из видов внедоговорных обязательств являются обязательства из неосновательного обогащения [5].

Роль и значение кондикционных обязательств как способов обеспечения стабильности гражданского оборота невозможно назвать второстепенной, поскольку возможность их применения обеспечивает соблюдение и защиту прав частной собственности, закреплённых конституционным и гражданским законодательством. Кроме того, в последнее время активно развивается практика применения правил об обязательствах из неосновательного обогащения. При этом существует возможность защиты прав добросовестного приобретателя чужого имущества, наличие случаев, когда неосновательное обогащение нельзя вернуть первоначальному собственнику.

Соответственно, правовое регулирование и практическое использование обязательств вследствие неосновательного обогащения имеют большую актуальность в современном гражданском праве, представляют собой значимую теоретическую и практическую задачу, направленную на стабилизацию законного гражданского оборота.

Правовой основой регулирования обязательств вследствие неосновательного обогащения в действующем законодательстве являются нормы, изложенные в главе 60 ГК РФ (всего восемь статей) [1]. Понятие кондикционных обязательств закреплено в статье 1102 ГК РФ [2]. Необходимо отметить, что, как и в социалистическом законодательстве, в действующем ГК РФ сохранена дифференциация категорий «сбережение» и «накопление» в качестве самостоятельных условий для возникновения неосновательного обогащения.

При этом само понятие обогащения является до сих пор оценочным и активно разрабатываемым в современной теории гражданско-правовых обязательств. Так, например, по мнению Д. О. Борисенко, сущностью обогащения является его финансово-правовое и экономическое содержание. В «широком» смысле обогащение — это либо увеличение, либо несостоявшееся уменьшение имущества. Более узко обогащение следует трактовать как увеличение размера имущества одного лица при условии уменьшения его у другого лица. При этом учёный обращает внимание, что во всех случаях имущество имеет определенную стоимость, то есть денежный эквивалент. Однако в каждом случае речь идет о том, что увеличению имущества у одного лица всегда сопутствует уменьшение имущества у другого [3].

Не оспаривая мнение Д. О. Борисенко, стоит отметить, что обогащение является также и юридическим термином, а несостоятельное обогащение — скорее исключительно правовая категория. Воззрения среди теоретиков права на сущность неосновательного обогащения в современности существенно не различаются.

Так, с точки зрения Л. А. Ивановой, неосновательное обогащение следует рассматривать как юридически значимое состояние. При этом, анализируя исследуемое понятие, Л. А. Иванова придерживается закреплённых в законе формулировок, акцентируя внимание на том, что неосновательным следует признать и то обогащение, у которого впоследствии отпали правовые основания [4].

Ряд авторов при характеристике неосновательного обогащения акцент сделан на том, что оно основывается на «недопущении произвольного», то есть при отсутствии разумных оснований обогащения одного лица за счет иного. Данное определение представляется правильным, однако закон все же связывает неосновательность обогащения не только с разумностью, но и с наличием правовых оснований, будь то закон или сделка. Соответственно, основная цель правовой регламентации неосновательного обогащения — это восстановления прав лица, имущество которого без законных на то оснований перешло к иному. Кондикция может применяться как самостоятельно, так и наряду с иными способами защиты [5].

В числе основных признаков неосновательного обогащения можно выделить следующие:

- кондикционные обязательства всегда являются внедоговорными, их возникновение обусловлено нарушением нормального порядка построения правоотношений, а также в большинстве случаев отсутствием свободного волеизъявления потерпевшего;

- обязательства, вытекающие из неосновательного обогащения, позволяют реализовать охранительную функцию права;

- основное назначение кондикционных обязательств — это восстановление имущественного положения потерпевшего тем лицом, которое за его счет незаконно обогатилось.

Возникновение неосновательного обогащения обусловлено наличием следующих условий:

- обогащения одного лица за счет другого;
- обогащение осуществляется путем приобретения либо сбережения;
- законные или договорные основания обогащения отсутствуют.

Представляется правильным суждение Д. О. Борисенко, которая в своем исследовании указывает, что незаконное обогащение в виде приобретения с точки зрения большинства исследователей возникает тогда, когда речь идет о получении имущества, при этом не стоит под приобретением понимать исключительно возникновение права собственности, поскольку речь может идти о владении. Сбережение же может иметь место в том случае, когда, например, третье лицо без законных на то оснований выполняет обязательства должника, либо стоимость имущества умножается. В качестве примера можно привести улучшение имущества за счет ремонта. Возможна ошибка при исполнении обязательств, двукратное исполнение и так далее. Не исключены случаи неправомерного использования вещи, переданной с иной целью. К примеру, на хранение.

Неосновательное сбережение порой достаточно сложно отделить от неисполнения обязательства по возврату долга, а также ряда иных. Главным критерием ограничения является основное обязательство, были ли оно обусловлено нормами права

либо условиями заключенной между сторонами сделки. Ненадлежащее исполнение обязательств по заключенному договору может привести к возникновению обогащения у должника. Отчасти его можно определить как незаконное, но нельзя утверждать, что оно является бесосновательным. В случае если должник своевременно не возвращает, например, сумму займа, кредитор теряет в имуществе. К должнику соответственно могут быть применены меры гражданско-правовой ответственности, что позволит возместить потери кредитора. Однако при разрешении подобного спора суд должен руководствоваться не нормами о неосновательном обогащении, а положениями о договоре займа и последствиях нарушения исполнения обязательств.

Вместе с тем, стоит обратить внимание на то, что Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая судебные споры, нередко акцентирует внимание на равноценности встречного представления. Например, в Обзоре судебной практики № 4 за 2022 год Верховный Суд Российской Федерации указал, что нарушение требования о равноценности встречного представления позволяет в случае расторжения договора требовать возврата исполненного в той мере, в какой оно является неравноценным. При этом применению подлежат положения статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации о неосновательном обогащении. В рассмотренном Верховным Судом Российской Федерации деле речь шла о расторжении договора подряда, обязательства по которому были исполнены ненадлежащим образом. Отменяя состоявшиеся по делу решения, Верховный Суд Российской Федерации указал, что суды не дали оценку равноценности встречного представления, что было оценено как существенное нарушение норм материального права, влекущее за собой отмену судебных актов.

Сходная позиция была изложена Верховным Судом Российской Федерации и по иному делу. В определении Судебной коллегии по гражданским делам по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 сентября 2022 года № 49-КГ22-48 была рассмотрена ситуация с расторжением кредитного договора, взыскания денежных средств, а также неустойки, компенсации морального вреда и предусмотренного законом штрафа. В данной ситуации отсутствие равноценности Верховным Судом Российской Федерации было усмотрено в том, что банк отказал клиенту в возврате ряда сумм, которые истец требовал в связи с досрочным исполнением обязательств.

Соглашаясь с мнением судов первой и апелляционной инстанций, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что в подобной ситуации заемщик вправе был отказаться от дополнительных услуг, предоставляемых банком. Расторжение договора возмездного оказания услуг между заемщиком и банком позволяет истребовать уплаченные средства и отсутствию оказанных услуг, поскольку в данном случае речь идет о неравноценном предоставлении. Соответственно полученные без оказания услуги банком денежные средства являются неосновательным обогащением, подлежащим взысканию в пользу истца.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также акцентировала внимание на том, что договор возмездного оказания услуг и кредитный до-

говор были взаимосвязаны, а заемщик после исполнения обязательств по кредитному договору не нуждался в тех услугах, которые мог предоставить банк. Услуги были обусловлены именно действующим кредитным договором.

Достаточно сложным является вопрос об основательности обогащения применительно к договору ренты в том случае, когда он расторгается. Если проанализировать положения статьи 605 Гражданского кодекса Российской Федерации, в силу которой получатель ренты вправе требовать расторжения договора в случае нарушения исполнения обязательств плательщиком ренты, то можно утверждать, что с точки зрения закона то обогащение, которое будет у получателя ренты, с точки зрения закона не рассматривается как неосновательное. С одной стороны, плательщик ренты может выплатить достаточно крупную сумму и при этом не получить предмет ренты. С другой стороны, подобный подход обусловлен неисполнением обязательств. В этом случае речь будет идти о гражданско-правовой ответственности, которая предстает в виде уплаченных и не подлежащих истребованию сумм, а не о неосновательном обогащении, поскольку имело место заключение договора.

Соответственно неосновательное обогащение имеет место только в том случае, когда нет законных либо договорных оснований. Отчасти можно согласиться с мнением С. А. Саргасян, который в своем исследовании приходит к выводу, что неосновательное обогащение возникает при условии, что обогатившееся лицо преследует подобную цель. Именно отсутствие законных оснований с точки зрения данного автора, влечет за собой возникновение обязанности по возвращению неосновательного обогащения. Мнение С. А. Саргасян представляется правильным лишь отчасти в связи с тем, что цель неосновательного обогащения с точки зрения действующего законодательства не является решающим критерием для определения требований о взыскании неосновательного обогащения как обоснованных и подлежащих удовлетворению. Неосновательно обогатившийся может заблуждаться, в том числе, добросовестно. Однако права лица, которое требует возврата неосновательного обогащения, не должны зависеть от данного обстоятельства [6].

Решающее значение при возникновении спора будет иметь значение правовое регулирование отношений, поскольку, как уже было отмечено выше, в ряде случаев закон определяет обогащение как правомерное даже при отсутствии законных либо договорных отношений. В качестве примера можно привести положения части 3 статьи 623 Гражданского кодекса Российской Федерации, в силу которой арендатор не вправе претендовать на возмещение стоимости неотделимых улучшений в том случае, когда они были произведены без согласия арендодателя. Подобную ситуацию нельзя оценить как нарушение исполнения обязательств, однако здесь доминируют права арендодателя. Арендатор всегда связан необходимостью получения согласия на изменение арендованного имущества. Можно утверждать, что воля собственника или иного законного владельца не может быть проигнорирована, если законом прямо не предусмотрено иное.

Так называемое «основательное» и безосновательное обогащение можно разграничить с учетом правил о спецификации

вещей. Например, если обратиться к исследованию положений пункта 2 статьи 220 Гражданского кодекса Российской Федерации, то можно утверждать, что правомерность обогащения зависит от того, кто является собственником переработанных материалов. Недопустимо лишать собственника его прав без предоставления соответствующего возмещения. Переработавшее материалы лицо может приобрести на них право либо в том случае, когда оно возместило собственнику их стоимость, либо когда сама переработка существенно превышает стоимость материалов, что также не лишает собственника права на получение возмещения. Если собственность, то есть материалы, будет фактически изъята без возмещения, то можно вести речь о неосновательном обогащении.

Хотелось бы обратить внимание на то, что закон рассматривает как неосновательное обогащение и случаи, когда основания отпадают впоследствии. Наиболее ярким примером являются правоотношения в связи с наследованием. Признание завещания недействительным приводит к тому, что правовые основания для получения наследником имущества становится незаконным. Соответственно будет иметь место неосновательное обогащение. Вместе с тем в судебной практике встречаются ситуации, когда суды приходят к выводу о наличии оснований для защиты права даже тогда, когда правовые основания в последующем отпали. Например, арбитражный суд пришел к выводу о наличии оснований для взыскания в пользу клиента сумм, которые ранее были перечислены экспедитору по договору транспортной экспедиции, расторгнутому по требованию клиента.

Ситуация, описанная в пункте 1 Обзора практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении, утвержденного информационным письмом Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 января 2000 года № 49, в принципе достаточно проста. Подобная позиция подтверждалась неоднократно и позднее. Доводы должников о том, что отпавшие основания не влекут за собой возникновение неосновательного обогащения, нередко отвергаются. Значение имеет наличие либо отсутствие соответствующего встречного предоставления. При отсутствии возникает обязанность по возврату полученного.

В настоящее время, если основание отпало впоследствии, большинством специалистов получение имущества рассматривается как неосновательное обогащение. То обстоятельство, что ранее имущество было получено либо сбережено правомерно, решающего значения не имеют. Проблематичность толкования положений Гражданского кодекса Российской Федерации о неосновательном обогащении в части оснований, отпавших впоследствии, может быть исправлена путем внесения соответствующих изменений, а именно — дополнения положениями о том, что если в последующем отпали основания получения либо сбережения имущества, то обогащение следует рассматривать как неосновательное.

Неосновательность обогащения не всегда зависит от действий обогатившегося лица. На практике встречаются случаи, когда в неосновательном обогащении виноват сам потерпевший либо третьи лица [7].

В последние годы широкое распространение получила возможность осуществления банковских платежей с использова-

нием удаленного доступа. Лица, которые пользуются данной системой, не всегда проверяют корректность данных для перечисления, в результате чего денежные средства порой направляются иным лицам. Позиции судов в таких случаях неоднозначны. Для иллюстрации утверждения можно привести апелляционное определение Московского городского суда от 8 августа 2022 года по делу № 33–33955/2022. По данному делу истец обратился в суд с иском о взыскании неосновательного обогащения с ответчика, получившего в результате осуществления электронного перевода денежных средств сумму, причитающуюся иному лицу. Истец, пользуясь онлайн системой, ввел ошибочные данные, что выяснилось спустя полгода после того, как лицо, ожидавшее поступления денежных средств сообщило ему об этом. Решением Симоновского районного суда города Москвы от 13 декабря 2021 года в удовлетворении заявленных требований было отказано. Аргументация суда первой инстанции достаточно интересна. Он пришел к выводу, что формально правила осуществления платежей переводов, в том числе те, которые содержатся в инструкциях банка, не нарушены. Московский городской суд с данной мотивировкой не согласился и пришел к выводу, что в данном случае у ответчика возникло неосновательное обогащение. Законные либо договорные основания для получения денежных средств у него отсутствовали. Суд апелляционной инстанции особо указал на то обстоятельство, что перечень случаев, когда неосновательное обогащение взыскано быть не может, приведен в статье 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации. Кроме того, Московский городской суд особо акцентировал внимание на том, что как неосновательное обогащение может быть определено при доказанности совокупности таких условий, как:

- наличие обогащения;
- обогащение за счет иного лица;
- отсутствие правовых оснований получения обогащения.

Поскольку в данном случае между истцом и ответчиком отсутствовали договорные обязательства и законные основания, факт получения денежных средств был установлен, при этом средства были перечислены истцом ответчику, полученное последним было квалифицировано как неосновательное обогащение. В итоге по делу было принято новое решение об удовлетворении заявленных исковых требований.

Подобные ситуации не редкость в последние годы. Несмотря на то, что ситуация кажется внешне явной и недвусмысленной, проблема доказывания и установления значимых обстоятельств в данном случае присутствует. Например, отсутствие договорных и иных законных обязательств можно установить только со слов участников процесса, в то время как их наличие может быть подтверждено соответствующими документами.

Очевидно, что исходя из того, что волеизъявление законного владельца, а также степень противоправности поведения

неосновательно обогатившегося лица не имеют правового значения, в пункте 2 статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации и было закреплено положение о том, что неосновательность обогащения не может быть напрямую обусловлена поведением приобретателя, потерпевшего, третьих лиц, а также их волей.

Возникновение неосновательного обогащения по вине приобретателя имущества чаще всего носит противоправный характер. Например, в ситуации, рассмотренной Московским городским судом (апелляционное определение Московского городского суда от 26 февраля 2023 года по делу № 33–4472/2023) один из наследников, пользуясь своими возможностями доступа к счету умершего, снял с него все денежные средства. В результате истец лишился причитающейся ему доли наследства. Действия ответчика были явно противоправными и осознанными. Данный вывод можно сделать, ориентируясь на отсутствие указания на ограничение дееспособности либо ее отсутствия у ответчика в определении суда апелляционной инстанции.

Вина приобретателя и ее степень важны при разрешении вопросов об ответственности в следующих случаях:

- ухудшения либо недостачи возвращаемого имущества (статья 1104 Гражданского кодекса Российской Федерации);
- разрешения вопроса о недополученных доходах (статья 1107 Гражданского кодекса Российской Федерации);
- разрешения вопроса о затратах на имущество, которое подлежит возврату (статья 1108 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Итак, можно сделать вывод, что к числу основных признаков кондикционных обязательств относятся такие, как:

- отсутствие договорных либо законных основания между участниками правоотношений, совершение действий помимо либо вопреки воле законного владельца имущества;
- кондикционные обязательства позволяют реализовать охранительную функцию права;
- основное назначение обязательств вследствие неосновательного обогащения — это восстановление имущественного состояния потерпевшего, которое существовало до нарушения права, лицом, которое неосновательно обогатилось за его счет.

Таким образом, кондикционные обязательства в современном гражданском обороте возникают при наличии установленного факта обогащения, а также гражданской правосубъектности потерпевшего и лица, непосредственно получившего обогащение. По смыслу ГК РФ, неосновательное обогащение может быть осуществлено либо в форме приобретения, либо в форме сбережения. По какой именно причине произошло неосновательное обогащение, то есть по вине обогатившегося, вследствие действий либо бездействия потерпевшего, либо независимо от воли, действий или бездействия указанных лиц, правового значения для квалификации правоотношений не имеет.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 8. — Ст. 991.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 16. — Ст. 2037.
3. Борисенко Д. О. Виды обязательств вследствие неосновательного обогащения и особенности их возникновения // В сборнике: Лучшая студенческая статья 2018 сборник статей XVI Международного научно-исследовательского конкурса: в 2 ч. — 2018. — С. 214–217.
4. Иванова Л. А. К вопросу о неосновательном обогащении // 65-я международная научная конференция Астраханского государственного технического университета. — 2021. — № 1. — С. 377–381.
5. Максимов В. А., Желонкин С. С. Обязательства из неосновательного обогащения. СПб.: Р-Копи, 2019. — 215 с.
6. Саргсян С. А. Соотношение реституционных и кондикционных притязаний в российском гражданском праве // Молодой ученый. — 2019. — № 22 (260). — С. 353–355.
7. Шестакова Л. С. Основные условия и этапы возникновения кондикционных обязательств в российском гражданском законодательстве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2020. — № 8. — С. 99–104.

Невозможность исполнения обязательства как правовой институт

Заболоцкий Роман Романович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья описывает проблему прекращения обязательств, возникших на основании договора, в самом общем виде. Затронутые в статье вопросы могут быть предметом обсуждения и имеют множество неосвещенных нюансов и примеров. При рассмотрении вопроса о прекращении договорных обязательств нет универсального рецепта решения возникающих проблем, каждая ситуация заслуживает индивидуального подхода.

Ключевые слова: обязательство, договор, прекращение обязательства.

Актуальность темы исследования. Невозможность исполнения обязательства как правовой институт носит традиционный характер и является значимой категорией гражданского права. Несмотря на это, регулирование рассматриваемого института в российском праве достаточно противоречиво, не сложилось и доктринальных воззрений по большинству практических вопросов. Проблемы невозможности исполнения обязательств редко становятся предметом специального изучения и в большинстве случаев рассматриваются совместно с исследованием таких институтов, как исполнение обязательства, прекращение обязательства и гражданско-правовая ответственность. В целом в отечественной науке гражданского права изучению института невозможности исполнения обязательства уделяется недостаточно внимания.

Необходимо отметить, что отсутствие достаточной доктринальной разработки проблем невозможности исполнения обязательства становится причиной противоречивого и неудачного законодательного регулирования соответствующих отношений. В результате на практике суды сталкиваются с определенными трудностями при разграничении рассматриваемого института от смежных категорий обязательственного права, при установлении наличия в конкретных обстоятельствах невозможности исполнения обязательства и определении ее правовых последствий. Заметим, что по некоторым вопросам, вызывающим противоречия на практике, не сформирован единый подход. К их числу можно отнести проблемы оценки субъективной и временной невозможности исполнения обязательства и их влияния на право требования исполнения в натуре.

Необходимость решения указанных проблем обуславливает потребность в изучении опыта зарубежных правовых систем. В настоящей работе анализируется регулирование соответствующих отношений законодательством стран континентальной и англосаксонской правовых систем. Отметим, что оценка достоинств и недостатков регулирования института невозможности исполнения обязательства в разных правовых системах, а также перспектив возможного заимствования позволит разработать рекомендации по совершенствованию регулирования рассматриваемого института в российском праве.

В настоящее время наблюдается усиление интереса к данной проблеме в связи с проведенной реформой гражданского законодательства. Так, изменения общей части обязательственного права Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) затронули в том числе положения, регулирующие невозможность исполнения обязательства. В частности, Федеральным законом № 42-ФЗ от 8 марта 2015 года в редакцию ст. 416 ГК РФ было внесено дополнение, в соответствии с которым обстоятельство, влекущее невозможность исполнения, должно наступить после возникновения обязательства [2]. Кроме того, существенное значение некоторым проблемным вопросам невозможности исполнения обязательства придает и судебная практика [3].

В гражданском праве существует важный принцип, который можно обозначить известной максимой «*acta sunt servanda*» — договор должен исполняться. Важность этого принципа заключается в том, что участникам сделки предписывается во что бы то ни стало исполнить взятое на себя обязательство. Однако такая абсолютизация заключенного договора применительно к последующим непредвидимым изменениям внешних условий

не всегда является справедливой. Так, после возникновения обязательства могут возникнуть обстоятельства, которые объективно делают исполнение невозможным.

Невозможность исполнения обязательства признается классическим основанием прекращения договора. В цивилистической науке понятие невозможности исполнения обязательства связано с известным римским правилом «*impossibilium nulla obligatio est*», согласно которому нельзя требовать от лица того, на что оно неспособно. В римском частном праве это правило было сформулировано применительно к стипуляции. В других случаях римские юристы различали неисполнение без вины и по вине должника.

В пандектной литературе категории невозможности исполнения придали общее значение. Ф. Моммзен отмечал, что в случае первоначальной невозможности обязательство не может возникнуть, так как нельзя обязать сделать то, что невозможно исполнить, поэтому такое соглашение ничтожно, а в случае последующей невозможности обязательство прекращается. Иными словами, первоначальная невозможность исполнения признавалась пандектистами самостоятельным основанием для признания соответствующего договора ничтожным [6].

В цивилистической литературе отмечалось, что общераспространенное толкование римской максимы не является бесспорным. Э. Рабель указывал, что в римском частном праве первоначальная невозможность исполнения обязательства применялась исключительно к стипуляции, тогда как в отношении неформальных сделок невозможность исполнения имела значение лишь для определения виновности должника в неисполнении соответствующего обязательства. По мнению Э. Рабеля римские юристы классической эпохи вовсе не придавали понятию невозможности той самостоятельной роли, которую придают ему доктрина и некоторые законодательства.

В пользу иного толкования правила «*impossibilium nulla obligatio est*» приводятся и другие аргументы. Как указывает Р. Циммерман, римская максима точно выражает идею, что никто не может быть связан с неисполнимым обязательством. Однако это не означает, что соглашение, направленное на невозможное исполнение, является ничтожным. По крайней мере, с позиции римских юристов одно не обязательно следует из другого.

Таким образом, некоторые цивилисты полагают, что стипуляция была единственным договором, которая признавалась ничтожной вследствие первоначальной невозможности ее исполнения [6].

В отечественной литературе также высказывалось мнение, что известная римская максима усвоена неверно. По мнению Д. М. Генкина, невозможность является фактическим обстоятельством, которое при известных условиях и при отсутствии вины должника освобождает последнего от ответственности по обязательству. Но невозможность исполнения сама по себе не вызывает недействительность вне вопроса о том, извиняет ли она неисполнение со стороны должника или нет. Действительно, правило «невозможное неисполнимо» означает, что должник не обязан исполнять обязательство в случаях его невозможности. Однако из этого не обязательно следует, что до-

говор, из которого возникло обязательство, является недействительным [5].

Наличие невозможности исполнения обязательства и ее правовые последствия находятся в зависимости от различного рода обстоятельств, соответственно, особое внимание уделяется исследованию нюансов такого взаимодействия. Так, Я. А. Канторович отмечал: «Общее понятие «невозможность» — есть понятие относительное и растяжимое. Оно обнимает собою многообразные случаи различного характера и различных очертаний». По его мнению, не существует понятия невозможности с самостоятельным содержанием и с безусловным действием на существование обязательства. Только при известных условиях невозможность может прекратить обязательство и освободить должника от ответственности. Соответственно, вопрос о невозможности исполнения должен ставиться в связи с конкретными условиями, которые определяют основания для освобождения должника от ответственности за неисполнение обязательства [6].

Наиболее распространенной среди отечественных цивилистов является точка зрения М. М. Агаркова, который определяет невозможность через требование реального исполнения обязательства. Как он указывал, невозможность исполнения обязательства означает «... недопустимость в силу тех или иных достаточных оснований требовать от должника реального исполнения». Для освобождения от ответственности, по мнению М. М. Агаркова, должнику необходимо доказать, что он не мог предотвратить обстоятельства, которыми обусловлена невозможность исполнения обязательства [4].

В настоящее время общие положения невозможности исполнения обязательства содержатся в главе 26 ГК РФ. Согласно п. 1 ст. 416 ГК РФ [1], обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает.

При первоначальной невозможности исполнения возникает множество вопросов в отношении судьбы обязательства. Как было указано выше, в литературе высказывалось мнение, согласно которому, если невозможность исполнения существовала в момент заключения договора, обязательство не возникает. При этом некоторые авторы указывают, что в таком случае имеет место недействительность договора.

В доктрине вопрос о правовых последствиях последующей невозможности исполнения является дискуссионным. Так, М. Пляниоль отмечал, что в случае последующей невозможности обязательство погашается, так как исполнение уже требовать нельзя. Однако освобождение от обязательства возможно только в том случае, если препятствующее обстоятельство наступило без вины одной из сторон. По мнению Г. Ф. Шершеневича, в зависимости от причины наступления невозможности исполнения либо прекращает обязательство, либо осложняет обязанностью возместить убытки или понести ответственность в иной форме [3].

Как указывал Ф. И. Гавзе, невозможность исполнения прекращает основное обязательство, поскольку исполнение его невозможно, но оно заменяется обязательством возместить другой стороне причиненные неисполнением убытки. В том

же ключе высказывается Л. А. Лунц: «... невозможность исполнения (по вине должника) приводит к изменению формы ответственности: требование исполнить обязательство в натуре заменяется требованием уплаты денежного эквивалента (возмещение убытков, вызванных тем, что исполнение в натуре не последовало)» [4].

В литературе отмечается, что действующее регулирование юридической невозможности исполнения оставляет множество вопросов и оптимальным решением было бы отказаться от идеи автоматического прекращения обязательства при возникновении юридической временной невозможности. Вместо этого предлагается предоставить кредитору право на расторжение договора.

При постоянной невозможности исполнения обязательства речь идет о возникновении препятствий, которые носят окончательный характер, а вероятность их отпадения в будущем отсутствует. Например, постоянная невозможность имеет место при гибели индивидуально-определенной вещи, подлежащей передаче покупателю. Также к категории постоянной невозможности исполнения относят случаи, когда препятствие хотя и может быть устранено в будущем, но однозначно не может быть устранено ранее истечения срока существования обязательственных отношений. Иными словами, для целей конкретного соглашения препятствие может носить неустранимый характер.

Таким образом, невозможность исполнения обязательства является значимой категорией гражданского права, поскольку позволяет сторонам договора освободиться от обязательства в случае невозможности его исполнения. Отмечено, что абсолютизация заключенного соглашения применительно к последующим изменениям внешних обстоятельств не всегда является справедливой.

Невозможность исполнения обязательства следует различать от смежных институтов обязательственного права, несмотря на внешнее сходство и встречающиеся на практике случаи неоправданного смешения. Помимо невозможности исполнения, которая автоматически прекращает обязательство,

в российском гражданском праве выделяют случаи существенного изменения обстоятельств, которые могут стать основанием изменения или расторжения договора, и случаи обстоятельств непреодолимой силы, которые являются основанием освобождения должника от ответственности. Неоправданное смешение невозможности исполнения со случаями существенного изменения обстоятельств и обстоятельств непреодолимой силы может оказывать негативное влияние на стабильность гражданского оборота.

Анализ правовой природы экономической невозможности позволяет сделать вывод о необходимости разграничения указанной категории и института невозможности исполнения обязательства. Отмечено, что широкое применение последствий невозможности исполнения обязательства оказывало бы негативное воздействие на динамику обязательственных правоотношений, поскольку не только невозможность, но и затруднительность исполнения приводила бы к автоматическому прекращению обязательства без учета интересов кредитора.

Изучив концепцию практической невозможности исполнения, следует отметить, что применительно к российскому гражданскому праву данная категория должна рассматриваться в качестве случая затруднительности исполнения обязательства. Представляется, что попытка прямого переноса соответствующей нормы немецкого права является неразумной. В то же время будучи заимствованной в соответствии с существующей структурой отечественного гражданского законодательства, концепция практической невозможности может быть полезна для гражданского оборота.

В заключение, необходимо отметить, что совершенствование института невозможности исполнения обязательства в российском гражданском праве может быть достигнуто в процессе комплексного подхода, который будет включать изменения в правовой теории, нормативном регулировании и судебной практике. В качестве направления для развития рассматриваемого института могут быть восприняты достижения зарубежных правовых порядков.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 8. — Ст. 991.
2. Федеральный закон от 8 марта 2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 9 марта 2015. № 10. Ст. 1412.
3. Постановление Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2016.
4. Агарков М. М. К вопросу о договорной ответственности // Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. М.: Статут, 2012. 357 с.
5. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2017. — 274 с.
6. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. 1020 с.

Понятие и правовая природа отказа в возбуждении уголовного дела как института уголовно-процессуального права

Исаков Одил Олимович, студент магистратуры

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В настоящей статье рассмотрены понятие и сущность отказа в возбуждении уголовного дела. Автором проведен анализ общих положений теории права и норм уголовно-процессуального законодательства. Исходя из проведенного исследования, сделан вывод о том, что отказ в возбуждении уголовного дела, имея тесную связь с другими институтами стадии возбуждения уголовного дела и являясь ее частью, выступает как самостоятельный правовой институт.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, стадия возбуждения уголовного дела, правовой институт, отказ в возбуждении уголовного дела.

The concept and legal nature of refusal to initiate criminal proceedings as an institution of criminal procedure law

Isakov Odil Olimovich, student master's degree

Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

This article examines the concept and essence of refusal to initiate criminal proceedings. The author analyzes the general provisions of the theory of law and the norms of criminal procedure legislation. Based on the conducted research, it is concluded that the refusal to initiate criminal proceedings, having a close connection with other institutions of the criminal case initiation stage and being part of it, acts as an independent legal institution.

Keywords: criminal proceedings, the stage of initiation of criminal proceedings, legal institution, refusal to initiate criminal proceedings.

Основополагающей и первоначальной стадией российского уголовного судопроизводства выступает стадия возбуждения уголовного дела. Сущность названной стадии состоит в выявлении наличия или отсутствия поводов и оснований для возбуждения уголовного дела. Именно на этой начальной стадии решается вопрос о целесообразности уголовного преследования в силу наличия или отсутствия признаков преступления в сообщении о преступлении [1, с. 6–7].

После приема и регистрации сообщения о преступлении должностные лица правоохранительных органов, соблюдая установленную процессуальную форму, проводят доследственную проверку, по результатам которой принимают одно из следующих решений: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, или же о передаче сообщения по подследственности [2]. При этом, сама первоначальная стадия уголовного судопроизводства может закончиться либо только возбуждением уголовного дела, либо же только отказом в возбуждении уголовного дела [3, с. 314]. В случае если отсутствуют основания для возбуждения уголовного дела или имеются обстоятельства, предусмотренные ст. 24 УПК РФ, то принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносится соответствующий процессуальный акт — постановление. Такой порядок установлен законом и находит свое отражение в ст. 148 УПК РФ.

Таким образом, отказ в возбуждении уголовного дела можно интерпретировать как принимаемый уполномоченными должностными лицами процессуальный акт (итоговое решение), которым завершается рассмотрение сообщения

о преступлении и по законным основаниям исключается дальнейшая возможность производства по делу. Однако, на наш взгляд, при таком подходе к истолкованию рассматриваемого понятия, невозможно в полной мере раскрыть его сущность и содержание. Отказ в возбуждении уголовного дела является сложным процессуальным понятием, он представляет собой не просто итоговое решение, а целый правовой институт.

В юридической науке имеются разные точки зрения относительно самостоятельности отказа в возбуждении уголовного дела как правового института. Некоторая часть ученых считает, что отказ в возбуждении уголовного дела не выступает самостоятельным правовым институтом, а является лишь частью института возбуждения уголовного дела.

Так, В. В. Артемова утверждает, что возбуждение уголовного дела, являясь уголовно-процессуальным институтом, включает совокупность норм, которые регулируют правоотношения, возникающие в связи регистрацией, проверкой и разрешением сообщения о преступлении [4, с. 5]. Аналогичного поддерживающего мнения придерживается и В. Н. Саржанов, однако последний, в противоречие себе, дополнительно отмечает, что правовая природа отказа в возбуждении уголовного дела не ограничивается только решением об отказе в возбуждении уголовного дела, потому как охватывает решения и действия, которые предшествуют вынесению постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. К таковым ученый относит регистрацию сообщения о преступлении, проверку поводов и оснований для принятия решения, обеспечение права заинтере-

ресованных лиц на обжалование такого решения [5, с. 12–14]. Данный подход к пониманию правовой природы отказа в возбуждении уголовного дела, по нашему мнению, является не совсем правильным.

Определяя природу и само понятие правового института, необходимо обратиться к мнениям ученых. Так, Л. А. Морозова считает, что «правовой институт — это группа норм права, связанных между собой предметно-функциональными связями, регулирующих конкретный вид общественных отношений и приобретающих в силу этого относительную устойчивость и самостоятельность функционирования» [7, с. 201]. Е. Г. Лукьянова определяет правовой институт как «объективно обособившуюся внутри одной отрасли или нескольких отраслей права совокупность взаимосвязанных правовых норм, регулирующих определенный вид общественных отношений» [6, с. 48].

В этой связи, следует разделить мнение Д. П. Письменного, который вполне справедливо отметил, что для отказа в возбуждении уголовного дела характерны все признаки процессуального института, так как он объединяет совокупность правовых норм, регламентирующих правоотношения, которые возникают в связи с проверкой сообщения о преступлении и принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела [8, с. 9–10].

Любые правовые институты согласно общей теории права обладают рядом следующих признаков: однородность фактического содержания, юридическое единство норм и нормативная обособленность. Данные признаки присущи также для института отказа в возбуждении уголовного дела.

Однородность фактического содержания рассматриваемого института выражается в том, что он регулирует определенный вид общественных отношений, а именно, которые возникают между заявителем, дознавателем, следователем, прокурором и иным участниками в ходе принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Юридическое единство норм данного института заключается в том, что составляющие его взаимосвязанные нормы, регламентируя порядок принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела, создают единый механизм правового регулирования и систематизируют рассматриваемый институт как единое целое.

Нормативная обособленность института отказа в возбуждении уголовного дела проявляется в том, что образующие его нормы объединены в отдельные статьи и главы закона. Так, в ст. 24 УПК РФ закреплены основания для отказа в возбуждении уголовного дела, а в ст. 148 УПК РФ регламентирован порядок принятия данного решения должностными лицами.

Цели уголовного судопроизводства, которые являются отправной точкой для всех стадий уголовного процесса, предусмотрены в ст. 6 УПК РФ. Для достижения целей уголовного судопроизводства на различных ее стадиях решаются определенные задачи.

Так, на наш взгляд, институт отказа в возбуждении уголовного дела, как одно из необходимых средств для реализации назначения уголовного судопроизводства, также имеет перед собой определенные задачи. А именно: исключить незаконное

возбуждение уголовного дела, необоснованное подозрение лица в совершении преступления и его уголовное преследование; обеспечить возмещение ущерба лицом, совершившим противоправное деяние; выявить, устранить обстоятельства, способствующие совершению преступления; оказать профилактическое воздействие на лиц с противоправным поведением; дать юридическую оценку действиям лица при заведомо ложном доносе. Необходимо отметить, что законное и обоснованное решение можно вынести, выполняя данные задачи исключительно должным образом.

Из общей теории права следует, что совокупность взаимосвязанных юридических норм и институтов образует самостоятельную отрасль права. Как считает С. С. Алексеев, «юридические нормы образуют отрасль права не непосредственно, а через институты» [9, с. 104].

Таким образом, можно утверждать, что отрасль уголовно-процессуального права образуют его правовые институты, которые регулируя однородные общественные отношения, находятся в определенной взаимосвязи между собой.

Исходя из этого, следует согласиться с мнением Ф. Ю. Васильева о том, что «отказ в возбуждении уголовного дела является составной частью стадии начала уголовного судопроизводства. Он органически связан с действующими в этой стадии другими процессуальными институтами» [10, с. 105].

Так, анализ уголовно-процессуального законодательства дает нам сделать вывод, что его нормами установлен одинаковый порядок проведения проверочных мероприятий и рассмотрения сообщения о преступлении, в том числе и его сроки, до момента принятия итогового решения как о возбуждении уголовного дела, так и об его отказе (ст. 140–145 УПК РФ). Одни и те же нормы закрепляют полномочия участников судопроизводства на различных стадиях (ст. 37–39, 40.1–40.2 УПК РФ). Кроме того, институт отказа в возбуждении уголовного дела находится во взаимосвязи с институтом рассмотрения ходатайств и жалоб, потому как решение об отказе в возбуждении уголовного дела может быть обжаловано в порядке, установленном ст.ст. 124 и 125 УПК РФ, о чем имеется ссылка в п. 5 ст. 148 УПК РФ.

Наряду с этим в законе закреплены специальные нормы, регулирующие вопросы, касающиеся исключительно института отказа в возбуждении уголовного дела. В их качестве выступают нормы, которые закрепляют основания отказа в возбуждении уголовного дела, порядок принятия данного решения, а также порядок осуществления надзора за законностью и обоснованностью принятия такого решения.

Изучение и анализ уголовно-процессуального законодательства позволяют выделить нормы, которые обосновывают, что отказ в возбуждении уголовного дела как неотъемлемая часть начальной стадии уголовного судопроизводства является самостоятельным правовым институтом.

Подводя итог, можно сказать, что отказ в возбуждении уголовного дела как институт уголовно-процессуального права представляет собой совокупность взаимосвязанных норм права, регламентирующих правоотношения, связанные с принятием должностными лицами правоохранительных органов итогового процессуального решения о невозможности на-

чать уголовное преследование по основаниям, исключаящим производство по уголовному делу. Законный и обоснованный отказ в возбуждении уголовного дела, который в последующем

не был обжалован, завершает начальную стадию уголовного судопроизводства и прекращает уголовно-процессуальные правоотношения.

Литература:

1. Румянцева М. О., Ажибеков М. А. Понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела // Вестник института мировых цивилизаций. — 2017. — № 14. — 6–12 с.
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 г. N174-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 15.03.2024).
3. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: КНОРУС, 2008. — 704 с.
4. Артемова В. В. Возбуждение уголовного дела как уголовно-процессуальный институт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. — 25 с.
5. Саржанов В. Н. Отказ в возбуждении уголовного дела (по материалам подразделений дознания таможенных органов): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. — 24 с.
6. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М. 2003. — 240 с.
7. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Эксмо, 2010. — 384 с. Серия «Российское юридическое образование».
8. Письменный, Д. П. Отказ в возбуждении уголовного дела в советском уголовном процессе (по материалам органов МВД Украинской ССР): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Харьков, 1980/
9. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. М., 2010. 471 с.
10. Васильев Ф. Ю. «К вопросу о понятии института отказа в возбуждении уголовного дела в российском уголовном процессе» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2015. 103–106 с.

К вопросу о правовой природе социального предпринимательства

Капарова Ажар Сымбаткызы, студент магистратуры

Научный руководитель: Идрышева Сара Кимадиевна, доктор юридических наук, профессор
Университет КАЗГЮУ имени М. С. Нарикбаева (г. Астана, Казахстан)

В настоящей статье автором проведен анализ правовой природы социального предпринимательства. В частности, автором определена сущность рассматриваемого института, которая заключается в деятельности субъектов социального предпринимательства, направленной на создание социальной ценности. Также автор отмечает важность социального предпринимательства как института гражданского общества, способствующего решению различного рода социальных проблем в условиях ограниченности ресурсов государства.

Помимо прочего, автором проведен комплексный анализ правовой конструкции института социального предпринимательства, в частности, его субъектного состава. Автором определено, что к субъектам социального предпринимательства могут быть отнесены юридические лица, независимо от их организационно-правовой формы и вида. Вместе с тем, автором проведен анализ роли государства в контексте развития института социального предпринимательства.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, субъекты социального предпринимательства, предпринимательское право, социальная экономика, социальное государство.

В пункте 1 статьи 1 Конституции Республики Казахстан определено, что Республика Казахстан утверждает себя социальным государством. Данное положение предопределяет основные направления развития правовой политики государства в части поддержки граждан в обеспечении должного уровня жизни. Вместе с тем, в особой социальной поддержке нуждается отдельная категория граждан, которые в силу определенных обстоятельств не могут самостоятельно обеспечить достойный уровень своего пребывания в социуме.

На протяжении нескольких десятков лет традиционно считалось, что развитие социального государства являлось целью самого государства. Это обусловлено в первую очередь тем, что в советский и постсоветский периоды уровень развития гражданского общества и его институтов являлся весьма низким [1, с. 18]. Широкое распространение идей социального и правового государства повлекло за собой развитие различных институтов гражданского общества, одним из которых выступает социальное предпринимательство. Важным считаем

отметить, что одним из факторов, послуживших развитию социального предпринимательства, выступает невозможность решения большинства социальных проблем ввиду ограниченности ресурсов самого государства.

2 июня 2020 года Постановлением Правительства Республики Казахстан была утверждена Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан до 2025 года. В вышеназванной Концепции подчеркнута важность развития институтов гражданского общества, особенно института социального предпринимательства [8]. Помимо прочего, была отмечена необходимость создания должной правовой основы, регулирующей социальное предпринимательство, в частности, нормативного закрепления понятия и основных аспектов осуществления социального предпринимательства.

В этой связи, в июне 2021 года Предпринимательский кодекс Республики Казахстан был дополнен главой, посвященной правовому регулированию социального предпринимательства (включая понятие социального предпринимательства, субъектов социального предпринимательства и мер государственной поддержки данной категории предпринимателей). Однако, несмотря на столь значительный шаг законодателя в части развития института социального предпринимательства следует отметить весьма низкий уровень разработанности правовой основы данного института. Как правило, отсутствие должной правовой основы того или иного института обусловлено непониманием сущности и его правовой конструкции с точки зрения теории права.

Для того, чтобы определить правовую природу социального предпринимательства необходимо ответить на два вопроса. Во-первых, какова правовая природа социального предпринимательства? И, во-вторых, какова правовая конструкция социального предпринимательства?

Одним из центральных вопросов в теории права выступает проблема, связанная с определением сущности института социального предпринимательства. Примечательно, что за более чем 100 лет существования рассматриваемого института ученым-правоведам так и не удалось достигнуть согласия относительно данного вопроса. На наш взгляд, именно это обстоятельство и выступает первопричиной низкого уровня развития социального предпринимательства на практике.

Следует отметить, что теория социального предпринимательства представляется более развитой в странах зарубежья (Соединенных Штатах Америки, Италии, Бельгии, Франции и др.), нежели в странах постсоветского пространства. Подобное различие связано прежде всего с тем, что в странах Содружества Независимых Государств институт социального предпринимательства начал развиваться не так давно (в среднем 3–5 лет назад). В этой связи, обращение к зарубежным источникам для определения сущности социального предпринимательства является, по нашему мнению, вполне обоснованным.

Г. Диз рассматривал социальное предпринимательство как самостоятельную концепцию, основная идея которой заключалась в вовлечении субъектов частного предпринимательства в решение различного рода социальных проблем. Автор также отмечает, что субъекты социального предпринимательства вы-

ступают в качестве своего рода новаторов, которые используют различные инновационные технологии для создания социальной ценности [12, с. 15]. По нашему мнению, ключевым элементом, в предложенной автором концепции выступает социальная ценность, которая создается деятельностью социальных предпринимателей. При этом, под социальной ценностью следует понимать пользу, которое в конечном счете получает общество в виде улучшения качества жизни и уравнивании возможностей социально-уязвимых слоев населения с остальными гражданами.

В свою очередь Ж.Б. Сэй определял сущность социального предпринимательства как перемещение ресурсов, в том числе экономических, из области с низкой производительностью в сферу с высоким уровнем экономического развития, то есть предпринимательства [7, с. 35]. На наш взгляд, данная концепция не совсем коррелирует с конечной целью социального предпринимательства, которая как мы определили ранее заключается в создании социальной ценности.

А.В. Савина и Н.А. Придворов подошли к пониманию правовой природы социального предпринимательства с точки зрения его соотношения с традиционным предпринимательством. Так, по мнению авторов основное различие заключается в том, чем непосредственно руководствуется субъект социального предпринимательства. В частности, как отмечают авторы, субъекты традиционного предпринимательства преследуют прежде всего экономические выгоды для себя (получение чистого дохода и последующем распределении его между участниками/акционерами (статья 10 Гражданского кодекса Республики Казахстан) [2], тогда как основной целью субъекта социального предпринимательства выступает решение социальных проблем [10, с. 543]. Однако нельзя сказать, что субъекты социального предпринимательства не заинтересованы в получении прибыли, поскольку, будучи субъектами предпринимательства, они априори преследуют данную цель. Ключевым различием здесь, на наш взгляд, выступает расставление приоритетных и второстепенных целей. Так, основной целью субъектов социального предпринимательства выступает создание социальной ценности, второстепенной целью в свою очередь является получение чистого дохода.

Таким образом, социальное предпринимательство представляет особый институт гражданского общества, сущность которого заключается в создании социальной ценности субъектами социального предпринимательства в условиях ограниченности государственных ресурсов. При этом, под социальной ценностью следует понимать различные выгоды и пользу, которую получают лица, относящиеся к социально-уязвимым слоям населения. Иными словами, социальное предпринимательство выступает своего рода инструментом, уравнивающим положение вышеуказанной категории граждан в социуме.

Определив правовую природу социального предпринимательства, необходимо произвести анализ правовой конструкции данного института. Социальное предпринимательство условно можно расщепить на его субъектный состав и деятельность, которую осуществляет каждый из субъектов.

К субъектам социального предпринимательства, исходя из анализа главы 6–1 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан, относятся три категории субъектов. Во-первых, лица, непосредственно осуществляющие социальное предпринимательство. Во-вторых, лица, на которых направлена деятельность первой категории субъектов, то есть целевая аудитория. И, в-третьих, конечно, государство, которое определяет правовое регулирование данной сферы и оказывает всемерную поддержку субъектам социального предпринимательства [5].

Ключевую ролью, в контексте правовой конструкции социального предпринимательства, обладает непосредственно субъект социального предпринимательства, осуществляющий предпринимательскую деятельность. Как подчеркивает, Г. Диз социальными предпринимателями могут выступать абсолютно любые категории юридических лиц независимо от их организационно-правовой формы или других критериев. Иными словами, субъектами социального предпринимательства могут выступать субъекты малого, среднего и крупного предпринимательства, как коммерческие, так и некоммерческие организации [12, с. 517].

Говоря о Республике Казахстан, следует отметить, что законодатель относит к субъектам социального предпринимательства индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, за исключением субъектов, относящихся к субъектам крупного предпринимательства. Исключение субъектов крупного предпринимательства, по нашему мнению, представляет необоснованным, поскольку данная категория субъектов обладает экономическими и иными ресурсами, которые могли бы способствовать решению различных социальных проблем.

Не менее важное значение имеет анализ отнесения к субъектам социального предпринимательства коммерческих и некоммерческих организаций, поскольку данный аспект является одним из наиболее спорных в научной литературе [11, с. 21]. Примечательно, что большинство правоведов убеждены в том, что к субъектам социального предпринимательства могут быть отнесены исключительно коммерческие или исключительно некоммерческие организации. По нашему мнению, подобная категоричность относительно данного вопроса представляется весьма необоснованной, поскольку субъектами социального предпринимательства могут выступать как первые, так и вторые.

Социальное предпринимательство, будучи лишь одним из видов традиционного предпринимательства, априори безразлично к организационно-правовой форме или категории юридических лиц [6, с. 10]. Вместе с тем, следует иметь в виду, что социальное предпринимательство предполагает получение чистого дохода, как и любой другой вид предпринимательской деятельности. Однако, наряду с получением прибыли приоритетной целью выступает создание социальной ценности. При таких условиях, возможность отнесения коммерческих организаций к субъектам социального предпринимательства представляется бесспорным.

Между тем, некоммерческие организации в свою очередь также не лишены права заниматься предпринимательской дея-

тельностью, что прямо закреплено в законодательстве Республики Казахстан. В частности, пункт 1 Закона Республики Казахстан «О некоммерческих организациях», допускает занятие предпринимательской деятельностью некоммерческими организациями, однако, такая деятельность не должна противоречить уставным целям организации [4].

Таким образом, к субъектам социального предпринимательства могут относиться как коммерческие, так и некоммерческие юридические лица.

Говоря о деятельности субъектов социального предпринимательства следует отметить, что к ней относятся трудовая интеграция или направленность производимых товаров, работ и услуг на социально-уязвимые слои населения. Иными словами, субъекты социального предпринимательства осуществляют деятельность, которая либо направлена на целевую аудиторию, либо осуществляется при ее непосредственном участии.

Переходя к анализу непосредственно целевой аудитории следует отметить, что к ней относится ограниченный круг лиц, которые в силу определенных обстоятельств не могут обеспечить надлежащий уровень жизни, которое в свою очередь выступает фактором повышения уровня маргинализации. К ним прежде всего относятся социально-уязвимые слои населения. В соответствии со статьей 68 Закона Республики Казахстан «О жилищных отношениях», к социально-уязвимым слоям населения относятся ветераны Великой Отечественной войны, лица с инвалидностью (в том числе родители, воспитывающие детей инвалидов), кандасы и другие лица [3].

Не менее важное значение в правовой конструкции института социального предпринимательства имеет государство. С одной стороны, государство как законодатель выступает регулятором общественных отношений в сфере социального предпринимательства. С другой стороны, государство оказывает поддержку субъектам социального предпринимательства посредством предоставления различного рода льгот и преференций. Если первая функция государства является важной и неотъемлемой частью социального предпринимательства, то вторая, по нашему мнению, может и отсутствовать.

Подобная позиция обусловлена тем, что субъекты социального предпринимательства должны быть финансово обеспечены и независимы от каких бы то ни было льгот и преференций. Безусловно, поддержка государства играет важное значение в контексте развития социального предпринимательства, однако, она априори не может выступать единственным фактором, на котором держится то или иное предприятие. Социальное предпринимательство как вид традиционного предпринимательства должно предполагать прежде всего финансовую рентабельность предприятия [9, с. 25].

Таким образом, социального предпринимательства представляет собой институт гражданского общества, являющийся ключевым элементом развития социального государства. Институт социального предпринимательства имеет весьма специфичную правовую конструкцию, предполагающую взаимодействие субъектов частного предпринимательства и государства

в контексте решения социальных проблем. Однако, для повышения эффективности данного института необходимо создание должной правовой основы, позволяющей обеспечить права, как самих предпринимателей, так и граждан, на которых направлена деятельность первых.

На основании изложенного следует отметить, что имеющаяся правовая основа должна совершенствоваться на постоянной основе, поскольку лишь в таком случае можно добиться стабильного развития социальной экономики, а равно социального государства.

Литература:

1. Волгин Н. А., Гриценко Н. Н., Шарков Ф. И. Социальное государство: Москва: Издательство Дашков и Ко, 2003. 416 с.
2. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2022 г.) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов «Әділет» < https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ > (дата обращения: 02.09.2023).
3. Закон Республики Казахстан от 16 апреля 1997 года № 94-І «О жилищных отношениях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2023 г.) // Информационно-правовая система «Әділет» < https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000094_ > (дата обращения: 02.09.2023).
4. Закон Республики Казахстан от 16 января 2001 года № 142-ІІ «О некоммерческих организациях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.01.2023 г.) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов «Әділет» < https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ > (дата обращения: 02.09.2023).
5. Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.07.2023 г.) // Информационно-правовая система «Әділет» < https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375_ > (дата обращения: 02.09.2023).
6. Лескова Ю. Г. К вопросу о модернизации правил Гражданского кодекса Российской Федерации о юридических лицах // Политематический сетевой электронный научный журнал. — 2020. — № 102(08). — С. 1–12.
7. Мартин Р., Осберг С. Социальное предпринимательство: случай для определения // Стэнфордский обзор социальных инноваций. — 2007. — № 5 (2). — С. 28–39.
8. Постановление Правительства Республики Казахстан от 2 июня 2020 года № 341 «О проекте Указа Президента Республики Казахстан »Об утверждении Концепции развития гражданского общества в Республике Казахстан до 2025 года« // Информационно-правовая система «Әділет» < <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000341#z172> > (дата обращения: 18.07.2023).
9. Преснякова В. В. Регулирование социального предпринимательства на законодательном уровне // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 4. — С. 20–28.
10. Савина А. Н., Придворов Н. А. Правовое регулирование социального предпринимательства в России // Актуальные проблемы государства и права. — 2019. — № 12. — С. 540–548.
11. Филатова У. Б. Правоотношения социального предпринимательства: особенности субъектного состава // Сибирский юридический вестник. — 2020. — № 3 (90). — С. 20–30.
12. Dees J. G., Anderson, B. V. The process of social entrepreneurship: Creating opportunities worthy of serious pursuit. // The Fuqua School of Business. — 2002. — № 2. — С. 11–23.

К вопросу о соотношении корпоративной социальной ответственности и социального предпринимательства

Капарова Ажар Сымбаткызы, студент магистратуры
Научный руководитель: Идрышева Сара Кимадиевна, доктор юридических наук, профессор
Университет КАЗГЮУ имени М. С. Нарикбаева (г. Астана, Казахстан)

В настоящей статье рассмотрены институты социального предпринимательства и корпоративной социальной ответственности в контексте их соотношения.

На основании проведенного анализа автор констатирует высокий уровень схожести правовой природы рассматриваемых правовых явлений, основная цель которых сводится к созданию социальной ценности. Между тем, автор отмечает, что субъекты социального предпринимательства относят данную цель к основной цели своей деятельности, тогда как деятельность субъектов корпоративной социальной ответственности направлена на получение чистого дохода.

Помимо прочего, автором проанализированы основные положения правового регулирования рассмотренных институтов, на основании чего автор приходит к выводу, что ключевым отличием выступает непосредственно характер регулирования. В част-

ности, нормы относительно социального предпринимательства носят императивный характер, тогда как субъекты корпоративной социальной ответственности наделены высоким уровнем усмотрения.

В заключение автор подчеркивает важность развития данных институтов в контексте развития социального государства и гражданского общества.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, корпоративная социальная ответственность, субъекты социального предпринимательства, предпринимательское право.

В Республике Казахстан, как и во многих других государствах, решение различного рода социальных проблем является первоочередной задачей. Однако в условиях ограниченности ресурсов государства ряд социальных проблем зачастую остаются нерешенными. В этой связи ключевая роль в решении насущных проблем общества отводится самим гражданам, а именно предпринимателям.

Именно в контексте стимулирования субъектов частного предпринимательства оказывать содействие государству в решении социальных проблем предопределило развитие таких институтов как социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность предпринимателей [2, с. 23].

Одним из важных событий для Республики Казахстан в 2021 году стало дополнение главой 6–1 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан, регламентирующей институт социального предпринимательства. Подобная новелла была воспринята юридическим сообществом весьма неоднозначно, поскольку многие ошибочно отождествляли данный институт с корпоративной социальной ответственностью. Для того, чтобы определить, как соотносятся две вышеприведенные правовые конструкции необходимо произвести комплексный анализ каждой из них.

Вопросы, связанные с определением содержания корпоративной социальной ответственности всегда волновали исследователей, в том числе, в сфере права. Российские исследователи полагают, что крупные корпорации в первую очередь заинтересованы в максимизации чистого дохода. При этом авторы отмечают, что для достижения данной цели крупные корпорации должны соответствовать общепризнанным в обществе нормам морали и именно в этой связи многие субъекты предпринимательства осуществляют деятельность в рамках корпоративной социальной ответственности [5, с. 78].

Между тем, в Республике Казахстан корпоративная социальная ответственность субъектов частного предпринимательства регламентирована главой 6 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан. Так, согласно части 1 статьи 75 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан, под социальной ответственностью понимается добровольный вклад субъектов частного предпринимательства в одной из сфер общественной жизни и деятельности (социальной, экологической и иных сферах) [7]. Исходя из буквального толкования данной нормы следует по меньшей мере три признака корпоративной социальной ответственности.

Первым признаком корпоративной социальной ответственности выступает добровольность, которая предполагает, что вклады, которые вносятся предпринимателем не могут носить принудительный или обязывающий характер. Вторым признаком является вариативность сфер, в развитие которой пред-

приниматели могут внести свой вклад. Иными словами, выбор той или иной сферы отнесено к дискреции самого предпринимателя. Третьим признаком корпоративной социальной ответственности выступает отсутствие временных рамок осуществления деятельности в данной сфере. В частности, речь идет о том, что предприниматель может осуществлять деятельность в рамках социальной ответственности, как на постоянной основе, так и на временной или даже разовой основе.

Как отмечает А. А. Морозов, корпоративная социальная ответственность имеет множество форм [8, с. 23], что также закреплено в статье 75 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан. К примеру, субъекты частного предпринимательства могут заниматься благотворительной деятельностью, осуществлять деятельность в части развития механизмов защиты трудовых прав граждан или же защиты окружающей среды.

Как подчеркивают большинство юристов, одной из наиболее распространенных форм деятельности в рамках корпоративной социальной ответственности выступает благотворительная деятельность [1, с. 58]. В частности, предприниматель может заниматься одним из видов благотворительной деятельности, предусмотренных в Законе Республики Казахстан «О благотворительности», а именно спонсорской, филантропической или меценатской деятельностью [4]. Однако данные виды благотворительной деятельности, как было отмечено ранее, могут и не носить постоянный характер.

Так, корпоративная социальная ответственность представляет собой добровольную деятельность субъектов частного предпринимательства, направленную на развитие одной из сфер общественной жизни и деятельности, включая социальную сферу. При этом, как отмечает Голубкова Н. А. корпоративная социальная ответственность полностью основана на усмотрении самого предпринимателя [3, с. 33]. По нашему мнению, важно отметить также то, что субъекты частного предпринимательства, осуществляющие деятельность в рамках корпоративной социальной ответственности, не извлекают выгод и не получают чистый доход, за исключением стимулирующих мер со стороны государства.

Говоря о социальном предпринимательстве как институте гражданского общества, можно отметить следующее. Правовое регулирование данного института осуществляется в соответствии с главой 6–1 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан. Вместе с тем, как было упомянуто ранее, данный институт появился относительно недавно, тогда как основы осуществления деятельности в рамках корпоративной социальной ответственности были закреплены еще в 2015 году.

В соответствии с частью 1 статьи 79–1 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан, под социальным пред-

принимательством понимается предпринимательская деятельность, которая осуществляется субъектами социального предпринимательства. При этом перечень форм деятельности субъектов социального предпринимательства закреплен в статье 79–3 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан и носит исчерпывающий характер. Справедливо отмечает Игнатъев Н. Е., что правовое регулирование социального предпринимательства носит весьма ограниченный характер [6, с. 19]. В частности, деятельность субъектов социального предпринимательства напрямую связана с взаимодействием с социально-уязвимыми слоями населения. При этом данные лица могут быть вовлечены в деятельность предприятия (трудова интеграция) или могут быть потребителями, производимых товаров, работ и услуг, направленных на улучшение качества их жизни. Лишь при соответствии деятельности, осуществляемой социальными предприятиями, последние могут быть включены в государственный реестр субъектов социального предпринимательства, а равно признаны таковыми. Иными словами, только государство в лице уполномоченного органа может присвоить статус субъекта социального предпринимательства той или иной организации (за исключением субъектов крупного предпринимательства).

Исходя из приведенных положений Предпринимательского кодекса Республики Казахстан следует ряд ключевых различий социального предпринимательства и корпоративной социальной ответственности. Во-первых, любой субъект частного предпринимательства может осуществлять деятельность в рамках корпоративной социальной ответственности, тогда как субъектами социального предпринимательства не могут выступать субъекты крупного предпринимательства. Во-вторых, для получения статуса субъекта социального предпринимательства необходимо включение в соответствующий реестр. Между тем, реализация корпоративной социальной ответственности не требует никаких разрешительных процедур. В-третьих, реализация корпоративной социальной ответственности основана на принципе добровольности, тогда как социальное предпринимательство осуществляется в соответствии с установленными законодателем нормами, которые носят императивный характер.

Помимо прочего, по нашему мнению, важное различие, наряду с вышеприведенными, заключается в уставных целях

самих субъектов частного предпринимательства. В частности, субъекты корпоративной социальной ответственности в качестве основной цели своей деятельности преследуют в большинстве случаев извлечение чистого дохода. Деятельность субъектов социального предпринимательства в свою очередь направлена по большей степени на решение социальных проблем [9]. Однако извлечение чистого дохода также выступает в качестве цели последних, но данной цели отводится второстепенное значение.

Вместе с тем, субъекты социального предпринимательства также ограничены в части выбора рода деятельности, поскольку в статье 79–3 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан четко определен перечень видов деятельности, которые может осуществлять данная категория субъектов. Субъекты корпоративной социальной ответственности в свою очередь обладают высоким уровнем усмотрения в части выбора сферы, на развитие которой будет направлен вклад.

Однако, несмотря на столь высокое число различий, корпоративная социальная ответственность и социальное предпринимательство имеет также и ряд схожих аспектов. К примеру, оба института напрямую относятся к развитию синергетического партнерства субъектов частного предпринимательства и государства в решении насущных проблем общества. Обе категории субъектов являются получателями льгот и преференций от государства. Более того, как корпоративная социальная ответственность, так и социальное предпринимательство в первую очередь направлены на создание социальной ценности.

Подводя итоги, следует отметить, важность обоих из рассмотренных институтов в контексте развития социального государства. Государству как регулятору общественных отношений в сфере предпринимательства, включая вопросы роли субъектов частного предпринимательства в развитии гражданского общества, следует осуществлять стимулирование данных видов деятельности.

Вместе с тем, в условиях глобализации и ограниченности ресурсов государства дальнейшее совершенствование данных институтов должно быть определено в качестве одного из основных векторов развития правовой политики Республики Казахстан.

Литература:

1. Батаева Б. С., Вавилина А. В. Корпоративная прозрачность, корпоративная социальная ответственность и корпоративное управление // Изв. Саратовского государственного университета. Сер. Экономика. Управление. Право. — 2014. — № 11. — С. 56–66.
2. Беломестнов В. Г., Зандакова Э. Ш. Корпоративная социальная ответственность и социальное предпринимательство // Евразийский научный журнал. — 2017. — № 10. — С. 23–33.
3. Голубкова Наталья Александровна Институционализация корпоративной социальной ответственности // Известия СПбГЭУ. — 2017. — № 2 (104). — С. 34–36.
4. Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 года № 402-V «О благотворительности» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2023 г.) // Информационно-правовая система «Адилет» < <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000341#z172> > (дата обращения: 07.09.2023).
5. Захаров В. В., Новгородова Н. С., Подворотова Д. М. Корпоративная социальная ответственность // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. — 2013. — № 13. — С. 76–88.
6. Игнатъев Д. Е. К вопросу о социальном предпринимательстве // Вестник науки. — 2020. — № 5 (26). — С. 17–23.

7. Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.07.2023 г.) // Информационно-правовая система «Эдilet» < <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375> > (дата обращения: 07.09.2023).
8. Морозов А. А. Регулирование корпоративной социальной ответственности в России за последние годы // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2021. — № 12. — С. 23–32.
9. Науменко Егор Евгеньевич, Прилуцкая Клавдия Павловна Социальное предпринимательство в России // Economics. — 2016. — № 11 (20). — С. 65–70.

Контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания

Киселёв Евгений Олегович, курсант

Научный руководитель: Морозов Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, подполковник внутренней службы Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк, Кемеровская обл.)

В статье рассматривается система контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Анализируются основные формы и методы контроля, а также актуальные проблемы, с ним связанные. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения законности и прав человека в местах лишения свободы.

Ключевые слова: контроль, уголовно-исполнительная система, законность, права человека, места лишения свободы, общественный контроль.

Control over the activities of institutions and bodies executing criminal penalties

The article discusses the system of control over the activities of institutions and bodies executing criminal penalties. The main forms and methods of control, as well as current problems associated with it, are analyzed. Particular attention is paid to issues of ensuring the rule of law and human rights in places of deprivation of liberty.

Keywords: control, penal system, legality, human rights, places of detention, public control.

Контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, является важным аспектом правовой системы любого государства и важнейшим фактором обеспечения законности и правопорядка в местах лишения свободы [3]. Он направлен на обеспечение соблюдения законности, защиту прав и свобод осужденных; на повышение эффективности исполнения уголовных наказаний, а также призван предупредить и пресечь нарушения со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС). В данной статье будет рассмотрен механизм контроля за деятельностью таких учреждений и органов, а также проблемы, с которыми они сталкиваются.

Основная часть. Одним из основных органов контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, является прокуратура. Прокуроры осуществляют надзор за соблюдением законности в учреждениях. Кроме того, существуют и другие органы контроля, такие как комиссии по правам человека, омбудсмены и независимые эксперты [4, с. 23].

Существует несколько форм контроля за деятельностью УИС:

Государственный контроль осуществляется Президентом РФ, Правительством РФ, Федеральным Собранием РФ, прокуратурой, судами и другими государственными органами.

Общественный контроль осуществляется общественными объединениями, правозащитными организациями, а также отдельными гражданами.

Внутриведомственный контроль осуществляется вышестоящими органами УИС.

Основные принципы контроля:

1. Принцип законности: Контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, должен осуществляться в соответствии с законодательством. Это означает, что контрольные органы должны иметь право проверять соблюдение законов при исполнении уголовных наказаний и принимать меры по устранению нарушений в случае их выявления.

2. Принцип независимости: Контрольные органы должны быть независимыми от исполняющих уголовные наказания учреждений и органов. Это гарантирует объективность и беспристрастность контроля, а также предотвращает возможные попытки влияния на результаты проверок.

3. Принцип пропорциональности: Контроль должен быть пропорционален риску нарушений и уровню ответственности исполняющих уголовные наказания учреждений и органов. Это означает, что более высокий уровень контроля должен применяться к учреждениям и органам, где существует больший риск нарушений [1].

В рамках контроля используются различные методы, такие как:

- 1) Проверки (плановые и внеплановые).
- 2) Ревизии.
- 3) Осмотры.
- 4) Анализ информации.
- 5) Опросы осужденных.

Основной функцией контроля является проверка соблюдения законности в деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Контроль также направлен на обеспечение прав и свобод осужденных, включая их безопасность, достойные условия содержания и доступ к медицинской помощи. Кроме того, контроль способствует повышению эффективности исполнения уголовных наказаний и предотвращению рецидива преступлений [6, с. 135].

Одной из основных проблем контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, является недостаточная прозрачность и доступность информации. Часто информация о состоянии исполнительных учреждений и условиях содержания осужденных оказывается ограниченной или недостоверной. Это затрудняет эффективность контроля и создает преграды для выявления нарушений.

Другой проблемой является недостаточное финансирование и перегруженность органов контроля. Ограниченные ресурсы и перегруженность делами могут привести к неполноценному осуществлению контрольных функций и ухудшению условий содержания осужденных.

Роль и значение контроля:

Защита прав осужденных: Контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, направлен на защиту прав и свобод осужденных. Он обеспечивает соблюдение их конституционных прав, а также предотвращает возможные случаи нарушений и злоупотреблений.

Предотвращение коррупции и злоупотреблений: Контроль способствует предотвращению коррупции и злоупотреблений в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания. Он позволяет выявлять и пресекать случаи незаконного использования ресурсов, манипуляций с данными и других форм коррупционной деятельности.

Обеспечение законности: Контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, гарантирует соблюдение законности в процессе исполнения уголовных наказаний. Он предотвращает возможные нарушения процедур, незаконные действия и обеспечивает справедливость в системе исполнения уголовных наказаний.

Для улучшения контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, необходимо принять ряд мер. Во-первых, необходимо обеспечить большую прозрачность и доступность информации о состоянии исполнительных учреждений и условиях содержания осужденных. Это можно сделать путем усиления роли независимых экспертов и омбудсменов, а также путем создания специальных механизмов обратной связи с общественностью [5, с. 386].

Во-вторых, необходимо усилить борьбу с коррупцией в системе исполнения уголовных наказаний. Это можно сделать путем ужесточения наказания за коррупционные преступления, улучшения системы контроля и надзора, а также повышения этического сознания сотрудников учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания [3].

Контроль за деятельностью УИС является важнейшим инструментом обеспечения законности и прав человека в местах лишения свободы. Для повышения его эффективности необходимо совершенствовать законодательство, усилить роль общественного контроля, а также повысить профессиональную подготовку сотрудников УИС.

В заключение, контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, является неотъемлемой частью правовой системы. Он направлен на обеспечение соблюдения законности, защиту прав и свобод осужденных, а также на повышение эффективности исполнения уголовных наказаний. Однако, для эффективного контроля необходимо решить проблемы, такие как недостаточная прозрачность и доступность информации, недостаточное финансирование и перегруженность органов контроля, а также коррупция в системе исполнения уголовных наказаний. Путем улучшения механизмов контроля и принятия соответствующих мер можно достичь более эффективного контроля и улучшения условий содержания осужденных.

Литература:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 (дата обращения: 06.03.2024).
2. Федеральный закон от 10.06.2008 г. № 76-ФЗ. «Об общественном контроле за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания» (в ред. Федерального закона от 01.07.2010 № 132-ФЗ) URL: <https://rg.ru/documents/2008/06/18/prava-cheloveka-dok> (дата обращения: 06.03.2024).
3. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года (от 29 апреля 2021 г. № 1138-р). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567> (дата обращения: 06.03.2024).
4. Голубцова К. И. Правовой и организационный аспекты деятельности общественных формирований, осуществляющих контроль за обеспечением прав, свобод и законных интересов лиц, содержащихся в учреждениях УИС // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 2 (43). С. 26
5. Малолеткина Н. С., Каменева И. М. Общественный контроль за деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы: некоторые вопросы // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 4. С. 406
6. Субботин с. П., Мкртчян О. Д. Повышение эффективности работы досмотровых групп на контрольно-пропускных пунктах при входе на охраняемую территорию учреждений УИС // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 2 (43). С. 142

Теоретические и прикладные аспекты при исследовании заключения эксперта

Косенко Владислав Вадимович, студент;

Кулакова Ирина Андреевна, студент

Научный руководитель: Рыжков Константин Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В статье авторы раскрывают теоретические и прикладные аспекты при исследовании заключения эксперта в гражданском процессе.

Ключевые слова: заключение эксперта, полная мера, судебный орган, теоретический аспект, уяснение сторонами, эксперт.

Согласно ст. 55, 86 ГПК РФ в качестве одного из источника информации о фактах, на основе которых судебный орган может установить наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающие требования и возражения субъектов процесса, а также прочих обстоятельств, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения административного дела, выступает заключение эксперт [1].

Заключение эксперта (экспертов) как средство доказывания формируется в процессе анализа некоторых фактических обстоятельств дела субъектами, которые обладают специальными познаниями в области науки, искусства, техники, ремесла.

Заключение эксперта — вывод особого лица, который формируется по итогам проведённого исследования, содержащийся в письменном документе установленной законом формы. Сам эксперт не выступает в качестве источника доказательства, а в качестве судебного доказательства выступает содержащаяся в заключении эксперта информация об обстоятельствах, которые имеют значение для разрешения дела. Особенность оценки судебным органом письменного заключения эксперта кроется в двойном характере как содержания, так и формы данного доказательства [3].

Учитывая ст. 86 ГПК РФ заключение эксперта играет важную роль в доказывании определенных фактов дела, поскольку на эту информацию обращает свое внимание суд, и благодаря чему, последний может в корне поменять ход процесса. Но не менее ценным является факт исследования заключения эксперта.

Согласно ст. 187 ГПК РФ устанавливается определенный порядок проведения экспертизы. Субъекты, участвующие в судебном процессе вправе задавать вопросы эксперту и всячески изучать его итоги работы, а суд может назначить проведение дополнительной экспертизы. Это исследование несет высокое значения для разрешения гражданских дел, ведь лишь поняв всё в полной мере, суд может вынести объективное решение. Поэтому нужно понимать, какие аспекты в себе таит это действие.

Теоретический аспект исследования заключения эксперта содержится в уяснении сторонами отдельных положений исследования, понимании и уточнении сделанных выводов экспертным лицом. Как одному из участвующих субъектов нужно правильно подойти к общению с экспертом, и своими вопросами успешно и наглядно проиллюстрировать свою правоту перед судом, так и другому, чтобы достойно противостоять оппоненту. Стороны вынуждены подготовиться к оценке заклю-

чения эксперта. В основном участвующие субъекты должны узнать: соответствует ли заключение эксперта процессуальным нормам, как по форме, так и по своему содержанию. Соответствует ли образование эксперта тому виду экспертизы (исследования), которое им было проведено? Соответствует ли процедура: получения объектов исследования, их описания, организации проведения осмотра, а также отражения данных фактов и обстоятельств в заключении эксперта? Верно ли экспертом выбрана и применена методика исследования, в полном ли объеме проведено исследование?

Касаемо прикладного аспекта исследования заключения эксперта, то он выражается в натуральной адаптации теоретического. То есть в претворении того, что было получено благодаря теоретическому изучению и уяснению сторонами принципов, технологии и способов использования профессиональных средств при производстве исследования экспертом и применение этого на практике.

Для более ясного понимания рассуждения авторов стоит обратиться к судебной практике.

В ходе рассмотрения дела от представителя ответчика поступило письменное ходатайство о назначении по делу повторной судебной автотехнической экспертизы, в обосновании ходатайства ... представил Заключение специалистов (рецензию) № 4109/1 от 24.09.2020, составленное специалистами НП «Саморегулируемая организация судебных экспертов», согласно выводам которого следует, что заключение эксперта ... является необоснованным и необъективным, проведено с существенными нарушениями:

А) Неверно выбрана и применена методика исследования, ... установленный механизм ДТП противоречит фактическим объективным данным материалов дела; ... эксперт использовал формулу, абсолютно не применимую для данных дорожных условий; описанный экспертом механизм не является результатом исследования эксперта, все описанное ... является лишь его субъективным мнением и домыслом...; материалы дела не подтверждают, а напротив, противоречат версии водителя ... и версии эксперта ... о механизме произошедшего ДТП...; эксперт ... устанавливает значение скорости ТС до возникновения опасной ситуации со слов самого водителя ТС...; полностью нарушена методология определения технической возможности у водителей предотвратить столкновение; эксперт указывает на невозможность рассчитать параметры произошедшего ДТП ввиду отсутствия методик, однако на день проведения исследования существует специализированное ПО...;

Б) Эксперт не является компетентным в области производства судебных автотехнических экспертиз и исследований: ... ответы на поставленные вопросы не содержат объективных расчетов..., эксперт не сумел правильно применить информацию, представленную в материалах для определения точного и полного механизма ДТП..., которые бы позволили в полной мере ответить на поставленные вопросы, эксперт не знает методологию определения технической возможности избежать ДТП: эксперт проигнорировал часть материалов дела...;

В) Заключение эксперта не соответствует процессуальным нормам...

Бокситогорский городской суд Ленинградской области в открытом судебном заседании по гражданскому делу № 2–144/2020 определил: назначить по настоящему делу повторную судебную автотехническую экспертизу [2].

На данном примере видно, что представитель ответчика, понимая особенности и сущность спора в полной мере, имея высокую профессиональную квалификацию и опыт в юри-

дических спорах, обратился в специальную организацию, которая помогла оспорить заключение эксперта. Данный комплекс действий составляет сущность теоретического аспекта. Также здесь можно наблюдать проявление и прикладного, поскольку лицо практически реализовало свои знания, используя свой опыт. Верно определило к кому нужно обращаться, какой профиль эксперта требуется, его квалификация, учло положительную практику деятельности этого профессионала, а также оценило надежность организации и многое другое.

Таким образом, успешное сочетание совокупности теоретических и практических аспектов дают возможность одной из сторон повлиять на решение суда, сделать его более объективным и справедливым. Это как раз таки и подчеркивает актуальность проблемы. Только комплексный подход к изучению её может дать полноценное представление о механизмах формирования достоверного мнения специалистами различных направлений.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023г) // Российская газета.— 2002.— № 220.
2. Александр, Кимлач Судебная практика оспаривания экспертиз / Кимлач Александр.— Текст: электронный // Гарант: [сайт].— URL: <https://www.garant.ru/article/1618357/> (дата обращения: 20.03.2024).
3. Хисматуллина Рената Рифкатовна, Ягафарова Камилла Марсовна, Долгов С. Ф. Заключение эксперта в гражданском процессе // E-Scio. 2020. № 1 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaklyuchenie-eksperta-v-grazhdanskom-protse> (дата обращения: 20.03.2024).

Период охлаждения потребительского кредита

Крое Елена Владимировна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье дается понятие потребительского кредита (займа) по российскому законодательству, а также рассматривается понятие «период охлаждения». Изучаются условия отказа от потребительского кредита (займа) в Российском законодательстве, автор предлагает усовершенствовать закон в сфере отказа от потребительского кредита (займа).

Отношения между заемщиком и кредитором при заключении потребительского кредита (займа) регламентируют положения Гражданского кодекса РФ, Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», Федерального закона от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», Закона РФ от 7 февраля 1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей» и другие нормативно-правовые акты.

В статье 3 Федерального закона № 353-ФЗ от 21.12.2013 г. дается понятие потребительскому кредиту (займу) «потребительский кредит (заем) — денежные средства, предоставленные кредитором заемщику на основании кредитного договора, договора займа, в том числе с использованием электронных средств платежа, в целях, не связанных с осуществле-

нием предпринимательской деятельности (далее — договор потребительского кредита (займа), в том числе с лимитом кредитования» [3].

Одним из механизмов защиты потребителя в целях предотвращения негативных для него последствий на случай, когда решение о заключении кредитного договора было принято ошибочно (необдуманно) под воздействием уговора является предоставление потребителю возможности немотивированно отказаться от соглашения после его заключения в течение определенного непродолжительного периода времени, причем без каких-либо санкций. Данная концепция получила название «период охлаждения».

В соответствии со статьей 353 Федерального закона заемщик имеет право отказаться от потребительского кредита или его части в течение 14 календарных дней с даты получения

кредита, заемщик имеет право на погашение полностью или частично займа, без предварительного уведомления кредитора. При этом нужно учитывать, что дни календарные, а нерабочие. Также следует учитывать, что 14-дневный срок начинает исчисляться со следующего дня, после даты заключения кредитного договора (ст. 191 ГК РФ).

Если же кредит взят с определенной целью, то период отсрочки составляет уже 30 календарных дней, а вернуть можно всю сумму или часть «с уплатой процентов за фактический срок кредитования». Также в отдельных случаях заемщику придется заплатить банку неустойку, которая образовалась при оформлении документов.

В соответствии с положениями пункта 4 статьи 11, «если заемщик досрочно погашает всю сумму кредита или ее часть, то кредитор обязан в течение 5 календарных дней с даты получения уведомления рассчитать сумму основного долга и процентов за фактический период использования кредитных средств на сумму быть выплаченным заемщиком в день уведомления кредитора о таком досрочном погашении, исходя из суммы, выплаченной досрочно, и предоставить указанную информацию» [4]. Если условиями договора предусмотрено открытие и ведение банковского счета заемщика у кредитора, кредитор также предоставляет заемщику информацию об остатке денежных средств на банковском счете заемщика.

Банкам невыгодно, чтобы клиенты отказывались от кредитов (займов), так как данные действия лишают их прибыли. Часто банки не озвучивают информацию о том, что у заемщика имеется право отказа от займа, да и далеко не все заемщики осведомлены о своем праве на отказ, тем более не все разбираются в юридических тонкостях, таких как о периоде, когда это право может быть реализовано, как подается заявление об отказе от займа и прочее.

Поэтому, в целях обеспечения в отношении потребительского кредитования полной и обязательной гармонизации в ряде ключевых областей, считаю необходимым, банкам в кредитных договорах «ясно» и «кратко» включать обязательную информацию о периоде охлаждения.

Так, в кредитном договоре должно быть четко и кратко указано не только «наличие или отсутствие права отказа», но и «период, в течение которого это право может быть реализовано», а также «условия, регулирующие его осуществление» [5].

Нередко при оформлении договора потребительского кредита (займа) кредитные организации часто предлагают клиентам вместе с кредитом или займом получить и другие платные услуги, такие как различного рода консультации, юридическое сопровождение, услуги страхования и телемедицины, оказание помощи на дорогах и другие сервисы. Очень часто клиенты, не

задумываясь о последствиях и поддавшись на навязчивые предложения банков, соглашаются с предлагаемыми допслугами. При этом стоимость этих услуг обычно включают в сумму кредита, и в результате чего долг по кредитному договору существенно увеличивается.

В настоящее время Закон о потребительском кредите дополнен положениями, предусматривающими, что в тех случаях, когда при предоставлении кредита заемщику за отдельную плату предлагается любая дополнительная услуга, оказываемая кредитором или третьим лицом, условия оказания такой услуги должны предусматривать право заемщика отказаться от нее в течение 14 календарных дней со дня выражения заемщиком согласия на ее оказание.

Расширился перечень платежей, которые банки обязаны включать в расчет, теперь полная стоимость кредита будет рассчитываться исходя из максимально возможной суммы платежа (если она зависит от соблюдения определенных условий заемщиком). Но есть и исключения, например, по кредитным картам можно будет увидеть две суммы: по минимальной и максимальной ставке.

Гражданам теперь будет проще понять, что включено в сумму платежа, и отказаться от ненужных платных услуг, так как по закону банк теперь должен направить заемщику полный их перечень, срок отказа увеличен с 14 до 30 дней. Если услуги не связаны с займом, но были проданы вместе с ним, они должны оформляться отдельным заявлением.

Запрещена также и недобросовестная реклама, в которой кредитные организации указывают низкие ставки по займам, но не акцентируют внимание на условиях их получения.

В связи с этим заемщику необходимо направить заявление об отказе от исполнения договора по оказанию дополнительных услуг и возврате оплаченных денежных средств.

Заявление заемщика об отказе от услуги и возврате денежных средств направляется оказывающему ее лицу и подлежит рассмотрению в течение 7 рабочих дней. Все эти изменения направлены против манипуляций со стоимостью кредитов и навязывания дополнительных платных услуг заемщикам.

Таким образом, в заключении выше сказанному предлагается дополнить статью 11 Федерального закона 353-ФЗ следующим положением: «В кредитном договоре четко и кратко должны быть указаны: наличие или отсутствие права отказа, период, в течение которого это право может быть реализовано, и другие условия, регулирующие его осуществление, включая информацию, касающуюся обязанности потребителя выплатить привлеченный капитал и проценты, выплачиваемых в случае отказа от кредита».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — 01 июля. — N31.
2. Гражданский кодекс РФ часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2023. — 24 июля. № 2.
3. О потребительском кредите (займе) Федеральный закон от 21.12.2013 N353-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Правовой сайт «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 08.10.2023).

4. Право заемщика на отказ от получения потребительского кредита и его досрочный возврат — URL: <http://cgie.62.rosпотребnadzor.ru> (дата обращения 08.10.2023).
5. JUDGMENT OF THE COURT (Sixth Chamber) 26 March 2020 URL: <https://www.courthousenews.com> (дата обращения 08.10.2023).

Функции правовой системы

Куцырь Никита Анатольевич, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье проанализированы функции правовой системы и их влияние на общественные отношения, порядок в обществе и поведение граждан. Особое внимание уделяется различным видам правовых систем, их ключевым характеристикам и актуальности в современном мире. Подробно анализируются основные функции правовой системы. Отдельное внимание уделяется информационной функции в контексте быстро меняющейся общественной среды.

Ключевые слова: правовая система, функции правовой системы, право, информационная функция, виды правовых систем.

Изучение функций правовой системы и права имеет большую актуальность, так как эти понятия являются ключевыми для понимания, как право и правовая система регулирует отношения между людьми, обеспечивает порядок и стабильность, а также как оказывают влияние на поведение людей. Важно разграничивать функции правовой системы и права [3].

Правовая система представляет собой совокупность взаимосвязанных юридических элементов, которые служат инструментом государственной власти для организации и стабилизации общественных отношений. Она включает в себя набор законов, норм, институтов и процедур, которые регулируют жизнь общества. Это комплексное понятие отражает всю систему правовых норм и организацию, обеспечивая правовую стабильность и порядок в обществе.

В теории государства и права выделяются такие виды правовых систем:

1. рабовладельческая правовая система, которая, прежде всего, характеризуется установлением законов и норм, направленных на поддержание и обеспечение интересов рабовладельческого строя, где рабы являлись объектами права (вещами), которыми владел господствующий класс;
2. феодальная правовая система, основой которой была система феодальных отношений между сеньорами и вассалами;
3. капиталистическая правовая система, характеризующаяся установлением законов, направленных на защиту частной собственности, свободы предпринимательства и рыночных отношений в условиях развития свободного рынка;
4. социалистическая правовая система, базирующаяся на принципах социализма, и признающая особый приоритет государственной собственности, равенства и социальной справедливости;

В современных реалиях можно наблюдать существование таких правовых систем, как: развитых капиталистических стран, где преобладает капиталистическая правовая система, так и развивающихся стран, которые могут быть как капиталистическими, так и социалистическими в зависимости от политической и экономической направленности.

Правовая система по-своему воздействует на регулируемые ею общественные отношения — это является направлениями или функциями. К функциям правовой системы можно отнести такие, как: интегративная, регулятивная, охранительная, правовая социализация, ценностно-ориентирующая, информационная [2]. Рассмотрим их содержание:

1. Интегративная функция направлена на объединение членов общества на основе общих правовых норм и ценностей. Ярким примером является введение единых положений нормативно-правовых актов на отдельной территории — законы Российской Федерации.

2. Регулятивная функция заключается в установлении правил поведения и контроле за их соблюдением. Право в целом призвано регулировать общественные отношения во всех сферах жизни человека. В рамках правового регулирования важную роль играет правовое сознание и правовая культура. Правовое сознание представляет собой систему представлений, убеждений и ценностей, которые формируются в процессе социализации и образования. Правовая культура, в свою очередь, включает в себя знание основных правовых норм и процедур, уважение к правам и свободам других людей, а также соблюдение указанных положений.

3. Охранительная функция направлена на защиту прав и интересов граждан, общества и государства. Примером является тот факт, что издревле правовые акты были призваны охранять общественный порядок (например, Русская Правда Древней Руси). В данном случае большое значение играет процедура предупреждения правонарушений, профилактики их совершения.

4. Функция правовой социализации направлена на формирование у граждан правового сознания и культуры. Сюда можно отнести мероприятия по правовому просвещению, проводимые правозащитными организациями и государственными учреждениями, направленные на повышение уровня правовой грамотности членов общества.

5. Ценностно-ориентирующая функция предполагает установление и поддержание определенных ценностей и принципов в обществе. Е. Н. Мороз отмечает, что «ценности разли-

чают, выделяют и отделяют различные аспекты правовой системы, когда эти ценности проявляются в поведении, они также разделяют и различают слои и группы людей, выражаясь через их образ жизни и являясь признаками идентификации по правовой культуре» [4].

6. Информационная функция заключается в распространении правовой информации и обеспечении доступности правовых норм и процедур для граждан. Примером информационной функции может быть создание и поддержание интернет-порталов (Консультант+, Гарант и иные), библиотек, юридических справочников и других информационных ресурсов, где граждане могут получить информацию о действующих законах, правилах и процедурах, а также организации их правовой защиты.

Особое внимание хочется уделить информационной функции правовой системы. Этот интерес обусловлен тем, что общественные отношения в современной российской среде меняются и развиваются с очень большой скоростью. В связи с этим, законодатель вынужден оперативно реагировать на эту динамику и принимать меры в виде внесения изменений в действующее правовое регулирование, принятия новых нормативно-правовых актов. Ежедневно в новостных заметках мы можем увидеть информацию о принятии новых законов, например, с 01 февраля 2024 года вступили в силу изменения,

внесённые в Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [1]. Указанные изменения направлены главным образом на защиту прав должников от действий недобросовестных коллекторов. Поводом для нововведений стали обращения граждан, т.к. действия коллекторских служб зачастую причиняют вред психологическому и физическому здоровью граждан, оказавшихся в трудном финансовом положении.

Таким образом, изучение функций правовой системы и права важно для понимания того, как они регулируют общественные отношения, обеспечивают порядок и влияют на поведение граждан. Правовая система представляет собой совокупность юридических элементов, обеспечивающих стабильность и порядок в обществе. Её функции включают интеграцию общества, установление и контроль за правилами поведения, защиту прав граждан, формирование правового сознания и культуры, установление и поддержание ценностей, а также распространение правовой информации. В современном обществе информационная функция особенно актуальна, требуя оперативной реакции на изменения в общественных отношениях и принятия соответствующих законодательных мер.

Литература:

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Российская газета. — 2016. — № 146. — 06 июля.
2. Губайдуллин А. Р. Функции права и правовой системы общества // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2013. — № 4. — С. 27–36.
3. Куцырь, Н. А. Функции права и правовой системы общества / Н. А. Куцырь. — Текст: непосредственный // Молодой учёный. — 2023. — № 32 (479). — С. 86–88. — URL: <https://moluch.ru/archive/479/105351/> (дата обращения: 17.03.2024).
4. Мороз Е. Н. Правовые нормы и ценности как элементы правовой системы // Сибирский юридический вестник. — 2011. — № 4. — С. 17–22.

Совершенствование государственного управления в области труда и социальной защиты граждан. Проблемы кадрового обеспечения (на примере Республики Башкортостан)

Лебедев Виталий Евгеньевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Захарова Виктория Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор исследует государственное управление в области труда и социальной защиты граждан, совершенствование государственного управления в исследуемой области, проблемы кадрового обеспечения.

Ключевые слова: государственное управление, труд и социальная защита, кадровое обеспечение.

Государственное управление в сфере труда социальной защиты населения является обширной отраслью, которая включает в себя взаимосвязанные и подчиненные звенья — органы управления, объединенные общностью целей, функций

и задач, обеспечивающих поддержание достойного уровня жизни социально незащищенных слоев населения.

Острота накопившихся проблем социального характера, обусловленных как социально-экономической ситуацией

в стране, так и особенностями социального развития каждого региона, определяет необходимость совершенствования системы социальной защиты населения.

По-прежнему, актуальным в сфере государственного управления социальной защиты населения остается кадровый вопрос. Специфика, высокая интенсивность и напряженность социальной работы с населением приводит к тому, что в органах социальной защиты населения наблюдается высокая текучесть кадров. В большинстве случаев причиной этому выступает неподготовленность и непрофессионализм работников, также «непрестижность» профессии и низкая мотивация.

Социальный работник должен обладать знаниями по всем вопросам жизнедеятельности определенной группы обслуживаемых граждан и быть в курсе постоянных изменений законодательства для того, чтобы быть полезным и удовлетворять запросы населения. [8, с. 9]

В 2020 году Минтруд РФ утвердил профессиональный стандарт «Специалист по социальной работе». [1]

Основной смысл данного стандарта состоит в том, чтобы образование специалиста соответствовало квалификационным требованиям, предъявляемым к профессии. Теперь должности специалистов по социальной работе должны занимать профессионально подготовленные кадры, имеющие соответствующую профессиональную подготовку.

При этом, чтобы подготовка специалистов соответствовала современным требованиям, необходимо постоянно совершенствовать уровень профессиональных знаний специалистов. Бурное развитие информационных и мобильных технологий приводит к тому, что традиционные формы обучения не успевают приспособиться к обновлению знаний и на практике молодой специалист оказывается не готовым работать в сфере социальной защиты населения, что подрывает его мотивацию к труду и заинтересованность в выборе профессии социального работника. Необходимо совершенствование образовательных технологий в данной сфере.

Вместе с тем профессиональная подготовка не позволяет решить кадровой вопрос в полной мере из-за существующей не востребоваемости профессии у молодых специалистов. Престиж профессии социального работника, в сравнении с такими профессиями, как юрист, экономист, ничтожно мал. Причина заключается не в том, что такая работа отнимает много душевных сил, а в низкой заработной плате, поэтому молодые люди не идут учиться, а в дальнейшем работать. [6, с. 109]

Также снижается мотивация профессиональной деятельности бюджетных работников, а также привлекательность самой бюджетной сферы для потенциальных кандидатов в сотрудники [7, с. 132–137].

Результатом такого положения дел становится снижение эффективности всего бюджетного сектора, из-за чего страдает и социум в целом. Таким образом, становится очевидным, что работа над повышением мотивации труда работников бюджетной сферы нуждается в срочном совершенствовании, потому что если не предпринять срочных мер в этом направлении, то работа в данной сфере будет становиться все менее привлекательной и все более малоперспективной, что приведёт в свою очередь к ещё большему снижению профессионализма кадров. [5, с. 4]

Среднемесячная заработная плата в Республике Башкортостан за январь–декабрь 2023 года составила 56719,90 рублей.

По видам экономической деятельности: работников государственного управления и обеспечения военной безопасности — 64530,20 руб.; работников обрабатывающих производств — 64261,70 руб.; работников здравоохранения и социальных услуг — 48924,20 руб.; работников общеобразовательных учреждений — 42774,20 руб.; работников сельского и лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства — 40742,10 руб. [2]

Рассмотрим кадровую укомплектованность на примере филиала ГКУ Республиканский центр социальной поддержки населения по Белорецкому району и г. Белорецку Республики Башкортостан (далее-филиал).

Штатная численность филиала составляет 62. Фактическая численность 53 человека.

Среднегодовая заработная плата главных специалистов составляет 38600 рублей, ведущих специалистов составляет 31600 рублей. Несмотря на довольно высокие цифры начисленных средних заработных плат, на руки работники получают гораздо меньше. В результате заработная плата специалистов филиала работников не достигает уровня среднемесячной заработной платы по Республике Башкортостан.

В данный момент обеспеченность кадрами в филиале составляет 85% Нельзя сказать, что проблема кадрового обеспечения отсутствует.

Причина такой укомплектованности штата видится скорее в том, что при общем дефиците рабочих мест и низком уровне безработицы в Белорецком районе Республики Башкортостан, граждане не идут на работу из-за низкой заработной платы.

Подтверждением этому выступает высокая текучесть кадров и тот факт, что в последнее время на работу устраиваются специалисты, не имеющие высшего образования.

В 2023 году из филиала уволилось 13 специалистов, 12 из которых имели высшее образование, 1 специалист среднее профессиональное образование.

Также в 2023 году устроилось на работу 8 специалистов, 6 из которых имеют высшее образование, 2 специалиста среднее профессиональное образование.

Наряду с этим для специалистов в области социально защиты внедрены четкие профессиональные стандарты «Социальная работа», «Юриспруденция», «Экономика», «Бухгалтерский учет».

Квалифицированные и молодые специалисты не идут работать за невысокую заработную плату.

Несоответствие работника квалификационным требованиям влечет за собой прохождение переквалификации или переподготовки кадров, не имеющих соответствующего образования. В настоящее время данный процесс запущен, но профессиональной переподготовки кадров недостаточно для полноценного функционирования профессиональных стандартов. Необходимо поднятие престижа профессии в обществе в целом и увеличение заработной платы работников сферы труда и социальной защиты населения. Низкий уровень заработной платы, невысокий престиж профессии, высокая напряженность работы приводит к нехватке кадров в социальной работе.

Исходя из вышеизложенного, для повышения эффективности процесса управления учреждениями социальной защиты населения, необходимо изменение системы подготовки кадров. В настоящее время учебный план преимущественно направлен на изучение теоретического материала, отработке полученных навыков на практике, отведена лишь незначительная часть образовательного процесса. Последствием такой подготовки является то, что выпускники образовательных учреждений оказываются неподготовленными к практической деятельности и не могут применять полученные знания на практике.

Решение проблемы практической подготовки студентов возможно не только в изменении структуры учебного плана, но и в личной заинтересованности работодателя в квалифицированных кадрах. Для этого необходимо ввести систему распределения кадров после обучения, которая функционировала в СССР, или же, внедрение системы грантов, которая функционирует в ряде зарубежных стран. В таком случае, работодатель заинтересован в качественной подготовке студента и максимально будет способствовать этому. [3, с. 58]

Помимо необходимости изменения структуры учебного плана, для эффективности функционирования системы социальной защиты необходимо проводить тщательный отбор профессорско-преподавательского состава, поскольку, зачастую подготовку специалистов по социальной работе осуществляют сотрудники образовательных учреждений, не имеющих практического представления о сути социальной работы и необходимого опыта в данной сфере.

В частности, следует сказать, что профессия социального работника сопряжена со специфическим риском, потому что в своей деятельности он имеет дело с людьми, которые являются неблагополучными, переживают стресс, страдают. Практика показывает, что процесс трудовой деятельности в таких ситуациях может приводить к снижению как трудоспособности человека, так и эффективности труда, а также к негативным изменениям психики и утрате ценностных ориентации в труде. Указанные на-

рушения касаются разных сторон трудового процесса — деятельность и личность профессионала, профессиональное общение. При этом возникает проблема профессиональных рисков социального работника в учреждениях социального обслуживания.

К профессиональным рискам работников центров занятости, социальных работников в учреждениях социального обслуживания относят: стресс, неврозы, депрессию, эмоционально-мотивационное утомление, психическую напряжённость, заражение различными заболеваниями, которые передаются воздушно-капельным путём и приобретение профессиональных заболеваний.

Социальные работники должны хорошо представлять профессиональные риски, их социально-психологическую и биологическую природу, иметь информацию о способах предупреждения такого рода заболеваний, правильно реагировать на их наличие.

Анализ содержания дисциплин учебного плана подготовки специалистов социальной работы показал необходимость формирования целостного представления о таком явлении как профессиональная деформация специалиста социальной работы. А процесс формирования умений предупреждал профессиональную деформацию, который носит фрагментарный и опосредованный характер. [4, с. 293]

Тем самым необходимо включить в законодательно установленные профессиональные стандарты в социальной работе требования к обязательному усвоению знаний о возможных профессиональных рисках социальных работников, а в дальнейшем включить необходимые занятия в учебные планы образовательных учреждений.

В связи спецификой профессиональных рисков социального работника представляется необходимым внести изменения в систему оплаты труда социальных работников и увеличить размеры заработной платы. Перечисленные меры будут содействовать возрастанию роли и актуальности профессии социального работника в современном обществе.

Литература:

1. Приказ Минтруда России «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по социальной работе» от 18.06.2020 N351н // Консультант Плюс: законодательство РФ.— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357716/?ysclid=ltwtv1dwod835504024 (дата обращения: 18.03.2024).
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан <https://02.rosstat.gov.ru/folder/26137>.
3. Вечко, О. Ю. Актуальные проблемы управления социальной защиты населения / О. Ю. Вечко // Экономика и социум.— 2016.— № 8 (27).— С. 58.
4. Иванова, А. А. Профессиональные риски в социальной работе / А. А. Иванова // Социокультурная среда и ее развитие в условиях глобализации современного общества: материалы V Международных социально-педагогических чтений им. Б. И. Лившица.— 2013.— С. 293.
5. Лохтина, Ю. А. Актуальные проблемы управления мотивацией сотрудников бюджетного сектора // Ю. А. Лохтина, А. А. Николаева // Вестник Евразийской науки.— 2020.— № 3.— С. 4.
6. Нефедьева, Е. И. Востребованность на рынке труда и возможности профессиональной самореализации выпускников специальности «Социальная работа» // Известия Байкальского государственного университета.— 2014.— № 3.— С. 109.
7. Цветочкина, И. А., Повышение эффективности системы мотивации сотрудников в бюджетных организациях / И. А. Цветочкина, Р. А. Барышев // Статистика и экономика.— 2015.— № 3.— С. 132–137.
8. Шмыков, А. Ю. Особенности и некоторые проблемы управления системой социальной защиты населения (на примере Московского региона) [Текст] / А. Ю. Шмыков // Интернет-журнал Науковедение.— 2015.— Т. 7.— № 6 (31).— С. 93.

Направления совершенствования правового регулирования этики прокурорских работников

Лихоманова Яна Юрьевна, студент

Научный руководитель: Шурпаев Шамиль Мурадович, кандидат экономических наук, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Деятельность работников органов прокуратуры на протяжении всего периода существования данного органа представляется весьма уникальной и специфичной, что прямо вытекает из положений Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — ФЗ-№ 2202-1 «О прокуратуре РФ»). Так, например, В. Ю. Шабухин указывает, что «Прокуратура Российской Федерации на современном этапе развития отечественного государственного механизма представляет собой многофункциональный институт, основным назначением которого является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина» [5, с. 88]. На универсальность характера работы органов прокуратуры и на ее особенность указывают также О. С. Капинус и В. П. Рябцев, отмечая, что «эта деятельность распространяется практически на все урегулированные законом сферы жизни общества и государства, на все правовые общественные отношения» [6, с. 15].

В частности, учитывая тот факт, что служба в органах прокуратуры представляет собой федеральную государственную службу, а работники выступают в качестве представителей власти, конструирование моделей их поведения является одним из актуальных объектов правового регулирования деятельности данного органа в целом.

Так, в целях унификации поведенческой концепции Приказом Генерального Прокурора России от 17.03.2010 № 114 утверждены и введены в действие Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепция воспитательной работы в системе органов прокуратуры Российской Федерации (далее — Кодекс) [8].

Важно отметить, что подосновой положений данного Кодекса является нравственно-ценностный ориентир, призванный к укреплению авторитета работников органов прокуратуры, а также стимулированию доверительного отношения граждан к ним. Вместе с тем, как представляется, ряд положений требуют конкретизации для исключения их неверного толкования. Например, в силу пункта 1.3 Кодекса обязанностью прокурорского работника как в служебной, так и во внеслужебной деятельности является сохранение личного достоинства, а также воздержание от совершения поступков, которые могут вызвать сомнение в честности и порядочности. В данном случае возникает вопрос в части трактования понятия «личное достоинство».

Всеобщая декларация прав человека рассматривает данное понятие в качестве определённого начала свободы, справедливости, равенства, самовыражения, а также благополучия жизнедеятельности [4].

Плетенев Д. А. и Стаханова Е. Ю. рассматривают личное достоинство через призму правовой категории, объединяющей

социальные и биологические элементы человека. Авторы указывают, что достоинство само по себе призвано детерминировать основной смысл деятельности людей, связей между ними, а как следствие всего государства в целом [7, с. 117].

Быстрова А. Н., напротив, указывает на относительность данного понятия, стоящего в прямой зависимости от некоторых факторов, а именно «интерес эпохи», по определению М. Вебера [3], государственная идеология и традиции [2, с. 19]. Иными словами, направления трактования данного понятия будут подвергаться изменениям ввиду задаваемых традиционных ориентиров «верхушкой власти» в конкретно определённое время и в конкретно определённых условиях. В связи с чем, исключительное толкование «личного достоинства» не является целесообразным.

С данной позицией трудно не согласиться. Однако в данном случае, актуальным все же представляется введение в Кодекс положений, раскрывающих содержания терминов, закрепленных в нем, с перспективой внесения в них изменений в соответствии с постоянно протекающей деформацией миропонимания граждан, а также состоянием общественной мысли в целом. Такие тенденции обусловят наиболее эффективное соблюдение положений Кодекса, а также устранение коллизий в части трактования тех или иных понятий.

Неопределенность понятий влечет проблемы в их применении. Например, приказом прокурора Ростовской области от 08.10.2018 № 78-н «О нарушении Кодекса этики прокурорского работника, совершении проступка, порочащего честь прокурорского работника» [9], поведение работника прокуратуры было признано неэтичным. Так, им распространена в Интернет-сети видеозапись, на которой он произносит тост в честь присвоения ему чина, а далее выпивает залпом стакан со звездами на дне. Указанное получило широкую огласку не только в Интернете, но и на телевидении. В связи с чем, авторитет прокуратуры Ростовской области был несколько подорван, по мнению прокурора Ростовской области, а работник привлечен к дисциплинарной ответственности.

В другом случае Апелляционным определением Тульского областного суда от 27.06.2017 № 33а-2040/2017 [1] решение Центрального районного суда г. Тулы от 11.04.2017 оставлено без изменения. В частности, как следует из материалов дела 28.12.2016 Б. подал заявление в прокуратуру Тульской области с требованием о проведении проверки в отношении работников прокуратуры Веневского района. В частности, заявитель указывал, что 26.12.2016 в ресторане г. Венева проводилось корпоративное мероприятие, на котором присутствовали прокурор района, заместитель прокурора района. Указанными лицами осуществлялось потребление спиртных напитков, а также участие в танцах. В результате проведения проверки, проведенной

прокуратурой Тульской области, нарушений норм профессиональной этики и законодательства в целом со стороны прокурора района и заместителя прокурора не обнаружено, в связи с чем оснований для применения мер дисциплинарного воздействия не имелось. Заявителю аналогичным образом направлен ответ на обращение, с разъяснением его права на обжалование данного решения в суде. Воспользовавшись данным правом Б. направил административное исковое заявление в Центральный районный суд г. Тулы с требованием о признании бездействия прокурора Тульской области незаконным. По результатам рассмотрения, истцу отказано в удовлетворении исковых требований. Апелляционным судом аналогичным образом принято решение об отсутствии основания для удовлетворения требований. В частности, суды исходили из того, что прокуратурой области в адрес вышеуказанных лиц проводилась служебная проверка и наличие неэтичного поведения не усмотрено.

Как видно из приведенных примеров, сложно выделить конкретные критерии признания каких-либо действий прокурорского работника неэтичными. Как следует из первого примера, неэтичность обусловлена распространением произошедшего среди населения, без учета того, что содеянное является традицией у отдельных категорий государственных служащих.

Во-втором же случае, на неэтичность поведения определена гражданином, затронув его честь и достоинство. Несмотря на это, в действиях работников нарушения норм Кодекса не имелось, по мнению прокурора Тульской области.

Целесообразность включения в раздел 5 Кодекса положений о том, в чем могут проявляться формы неэтичного поведения работников органов прокуратуры обусловлена главным образом исключением предпосылок злоупотреблений при применении Кодекса. Как представляется, возможность произвольного признания того или иного поведения в отсутствие унифицированных критериев, не отвечает принципам справедливости, затрагивает законные права и интересы работников.

Таким образом, стоит отметить, что Кодекс этики прокурорского работника является неотъемлемой частью профессионального статуса работников органов прокуратуры. Важность соблюдения закрепленных в Кодексе положений выступает постулатом эффективности и качества осуществляемой профессиональной деятельности. В целях минимизации возможных коллизий, а также злоупотреблений необходимо рассмотреть вопрос о введении в Кодекс раздела «об основных понятиях», отраженных в нем.

Литература:

1. Апелляционное определение Тульского областного суда от 27.06.2017 № 33а-2040/2017// СПС «Консультант Плюс».
2. Быстрова А. Н. Личное достоинство и факторы его формирования / А. Н. Быстрова // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего: Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Кемерово, 18 августа 2017 года. Том I. — Кемерово: Общество с ограниченной ответственностью «Западно-Сибирский научный центр», 2017. — С. 18–20.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 343 с.
4. «Всеобщая декларация прав человека» (Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета», — 10.12.1998
5. Шобухин Владимир Юрьевич Правовое регулирование организации и деятельности прокуратуры России в 1722–1917 гг // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 3. — С. 88–95.
6. Капинус, О. С. Правовое регулирование государственной службы в прокуратуре Российской Федерации: тенденции и перспективы развития / О. С. Капинус, В. П. Рябцев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2010. — № 5(19). — С. 15–22.
7. Плетенев Д. А. Достоинство личности / А. Д. Плетенев, Е. Ю. Стаханова // Правовая политика Республики Беларусь: Современное состояние и перспективы развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, редкол.: Семенков, В.И. (гл. ред.), [др.] — Минск, 2013. — С. 117–119.
8. Приказ Генпрокуратуры России от 17.03.2010 № 114 (ред. от 21.07.2023) «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации»// СПС «Консультант Плюс».
9. Приказ прокурора Ростовской области от 08.10.2018 № 78-н «О нарушении Кодекса этики прокурорского работника, совершении проступка, порочащего честь прокурорского работника»// СПС «Консультант Плюс».

Термин «моральный вред» в рамках института «компенсация морального вреда»

Мартынов Тихон Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Адаменко Алла Петровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Данная статья посвящена проблеме определения понятия «моральный вред». Анализируются положения гражданского кодекса РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также различные подходы ученых, касающиеся этой проблемы.

Ключевые слова: моральный вред, конструкция компенсации морального вреда, нравственные и физические страдания.

Компенсация морального вреда, являясь одним из способов защиты гражданских прав в Российской Федерации, реализует положения Конституции Российской Федерации [1] и международных правовых актов, касающихся прав и свобод граждан.

Определение понятия «моральный вред» имеет важное значение для осуществления компенсации морального вреда, поскольку оно создает рамки допустимости применения правовых норм о компенсации морального вреда.

Проблема при определении понятия морального вреда обусловлена, прежде всего, тем, что существуют разнообразные формы, в которых может осуществляться его причинение, а также тем, что сама категория морального вреда является широкой по своему содержанию.

Оценочными категориям понятия «моральный вред» являются нравственные и физические страдания, указанные в рамках определения исследуемого понятия, предусмотренного ст. 151 Гражданского кодекса РФ [2].

В соответствии со ст. 151 Гражданского кодекса РФ моральный вред определяется как физические или нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина, либо посягающие на принадлежащие ему нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом. Четкие критерии понятия физических и нравственных страданий в указанной статье отсутствуют.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 13 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» более подробно разъяснено понятие «моральный вред»: в п. 1 указано, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права (например, жизнь, здоровье, достоинство личности, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на уважение родственных и семейных связей, право на охрану здоровья и меди-

цинскую помощь, право на использование своего имени, право на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения, право авторства, право автора на имя, другие личные неимущественные права автора результата интеллектуальной деятельности и др.) либо нарушающими имущественные права гражданина [4].

В указанном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ представлен перечень нематериальных благ и неимущественных прав, нарушение которых может причинить нравственные или физические страдания, который не является исчерпывающим. Данное толкование нормы, регулирующей компенсацию морального вреда, дает основание сделать вывод, что страдания сводятся к переживаниям физического лица.

Характеристика понятия «моральный вред» представлена исследователями в доктринальных источниках.

Доктор юридических наук Воробьев С. М. отмечает, что несовершенное легальное определение морального вреда и его компонентов в российском гражданском законодательстве привело к массе научных теоретико-правовых споров. По его мнению, наличие различных аргументированных идей, взглядов, связанных с определением понятия морального вреда, свидетельствует о том, что компенсация морального вреда как правовой институт и научно-правовая категория нуждается в существенной корректировке. Ученый рассматривает моральный вред как сильно переживаемую человеком эмоцию, принимающую форму чувства, возникающего у него при испытании нравственных страданий [6].

По мнению доктора юридических наук Эрделевского А. М. определение содержания морального вреда как страданий означает, что действия причинителя вреда обязательно должны найти отражение в сознании потерпевшего, вызвать определенную психическую реакцию. При этом неблагоприятные изменения в охраняемых законом благах отражаются в сознании человека в форме негативных ощущений (физические страдания) или переживаний (нравственные страдания). Содержанием переживаний может являться страх, стыд, унижение или иное неблагоприятное в психологическом аспекте состояние. Очевидно, что любое неправомерное действие или бездействие может вызвать у потерпевшего нравственные страдания различной степени и лишить его полностью или частично психического благополучия [12].

Кандидат юридических наук Табунщиков А. Т. считает, что, поскольку моральный вред находит выражение в негативных изменениях психической деятельности человека, правильнее было бы использовать понятие «психический вред» [10].

По мнению исследователя Пагава Т.Л., трудно согласиться с термином «психический вред», так как в этом случае из категории моральный вред исключается физический вред, как неотъемлемое требование, выдвигаемое законодателем [9].

Кандидат юридических наук Виноградова И.В. отмечает, что понятию «моральный вред» в его сегодняшнем понимании более соответствует понятие «нематериальный вред», поскольку им можно охватить оба вида страданий, характеризующих моральный вред [5].

Кандидат юридических наук Колесникова М.М. и кандидат юридических наук Семенов А.В. высказывают мнение, что понятие «неимущественный вред» имеет более широкое содержание по сравнению с понятием «моральный вред», которое в буквальном смысле может означать лишь умаление моральных благ. Но считают целесообразным пользоваться тем термином, который закреплен в действующем законодательстве (т.е. «моральный вред»), что позволяет избежать дополнительных трудностей в правоприменительной деятельности и судебной практике [7]. Ученые отмечают, что терминологическая дискуссия, правильная по существу, в данном случае ведет лишь к запутыванию проблемы, поскольку очевидно, что законодатель, используя понятие «моральный вред» в действительности вкладывает в него более широкое содержание.

Исходя из мнений ученых, можно сделать вывод, что ключевым понятием морального вреда является понятие «страдания», которое означает, что действия или бездействие причинителя морального вреда вызывают у потерпевшего душевные переживания, т.е. душевное состояние, выражающееся в наличии каких-то неприятных ощущений. В словаре русского языка С.И. Ожегова слово «страдание» разъясняется как «физическая или нравственная боль, мучение», а слово «боль», в свою очередь, связывается с «ощущением страдания» [8].

Следовательно, слова «боль» и «страдание» по смысловому значению неразрывно связаны между собой. Также следует отме-

тить, что нравственные и физические страдания тесно связаны, поскольку нравственные переживания могут вызвать заболевание, физические страдания вызывают душевные переживания.

Таким образом, нравственные и физические страдания можно характеризовать как оказывающие воздействие на психику человека страдания, так как они затрагивают душевный уклад и негативно влияют на психику, но термин «моральный вред» более обоснован для использования в гражданском законодательстве с учетом того, что внутренние переживания часто связаны с правилами, определяющими нравы, поведение, которые имеют место в определенном обществе. Душевные качества, психики человека формируются под влиянием морали, принятой в определенном обществе.

В некоторых случаях термин «моральный вред» употребляется не в конструкции «компенсация морального вреда», а в конструкции «возмещение морального вреда»: например, ст. 237 Трудового кодекса РФ [3]. Конструкция «компенсация морального вреда» более обоснована, поскольку вред, причиненный душевному состоянию личности, может компенсироваться, а не возмещаться. Это объясняется тем, что основанием для компенсации морального вреда служит затрагивание нематериальных благ, которые не имеют стоимостной оценки.

Для более полного определения понятия «моральный вред» положения ст. 151 ГК РФ нуждаются в уточнении в части того, что моральный вред может быть причинен не только действиями, но и бездействием. Необходима и конкретизация структуры нравственных и физических страданий в сфере расширения составляющих элементов, входящих в понятие «нравственные или физические страдания», основанная на разъяснениях, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». Также целесообразно закрепить во всех законодательных актах конструкцию «Компенсация морального вреда».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 изменениями, внесенными на Всероссийском голосовании 01.07.2020 (в редакции от 04.10.2022) // Российская газета, № 237, 25.12.1993
2. Гражданский кодекс РФ (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в редакции от 24.07.2023) ст. 151 // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301
3. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в редакции от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ от 07.01.2002, № 1 (часть I), ст. 3
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 13 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета, № 267, 25.11.2022
5. Виноградова И.В. Вопросы компенсации морального вреда в российском гражданском праве // Отечественная юриспруденция, 2022, № 1 (49)
6. Воробьев С. М. О теоретико-правовых основах понятия «моральный вред» // Вестник Воронежского государственного университета, 2017, № 2
7. Колесникова М. М., Семенов А. В. Компенсация морального вреда как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Ленинградский юридический журнал 2016, № 2 (44)
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953
9. Пагава Т.Л. Понятие и правовая природа компенсации морального вреда как способа защиты нарушенных имущественных прав граждан // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2019, № 3
10. Табунщиков А.Т. Компенсация морального вреда: проблемы теории и практики // Вестник Белгородского юридического института МВД России, 2016, № 2

11. Табунщиков А. Т. Компенсация морального вреда: учебно-практическое пособие — М.: Проспект, 2023
12. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики — М.: Волтерс Клувер, 2007

Принципы взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации

Митяева Валерия Анатольевна, студент магистратуры

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В статье автором рассмотрены основные принципы и вопросы взаимодействия между органами внутренних дел и средствами массовой информации.

Ключевые слова: средства массовой информации, правоохранительные органы, информационная политика, взаимодействие, государственные органы власти.

В настоящее время, на этапе развития современной России, вопросы о взаимодействии органов внутренних дел с институтами гражданского общества становятся особенно важными.

Понятие «взаимодействие» можно трактовать следующим образом: отношения между правоохранительными органами и обществом основаны на принципе открытости и стремлении восстановить доверие со стороны населения, а также на формировании положительного образа правоохранительных органов. Возможно, эта положительная тенденция необратима. Однако, чтобы эти аспекты были реализованы на высоком уровне, необходимо установить партнерские отношения с СМИ, основанные на взаимном уважении и сотрудничестве. Организацию этого взаимодействия осуществляют специальные отделы информации и связей с общественностью государственных органов, которые являются эффективными средствами, позволяющими обеспечить контакт, либо прямую или обратную связь между обществом и правоохранительными органами в целом.

Средства массовой информации — это единственный в своём роде информационный источник, информирующий общество и играющий роль важного государственного института, который создаёт коммуникацию между двумя сторонами: общественностью и правоохранительными органами.

Институты гражданского общества не только социально важны, но многофункциональны в деятельности правоохранительных органов, так как систематически освещают различные проблемы и аспекты их функционирования в современном обществе. Поэтому тесная взаимосвязь СМИ и правоохранительных органов является взаимовыгодным сотрудничеством посредством радио- и телевидения, пресс-служб и интернет-порталов в сфере предотвращения появления преступности и сохранения правопорядка в обществе [3].

Современный этап развития позволяет любому человеку получить доступ к информации достаточно быстро и в последующем распространять её при помощи социальных сетей или интернет-порталов. В связи с этим правоохранительные органы должны быть всегда готовы среагировать быстро на информацию любого характера, которая появляется в общественном доступе. Всё это свидетельствует о том, что инновационные

технологии, вошедшие в нашу жизнь, кардинально изменили способы контроля информационных данных, раскрывая их низкую эффективность и указывая на необходимость создания новых подходов при работе с общественностью. Помимо этого, осязаемое влияние все изменения оказали и на структуру международных средств массовой информации.

Развитие информационной сферы радикально трансформировало само понятие «информация», что в результате привело к глобализации общества с существующими в нём базовыми каналами, которые позволяют передавать информацию через веб-сайты и социальные сети [1].

Между средствами массовой информации и информационными подразделениями правоохранительных органов, которые обеспечивают информационную безопасность сложившихся специфических взаимоотношений, позволяющие создать условия, противодействующие появлению преступности и обеспечивающие безопасность на территории всей Российской Федерации. Эти взаимоотношения характеризуются наличием принципов и особенностей, которые определяют их характер. Несомненно, что эти отношения отличаются социальным характером и имеют свои определённые черты, но и подлежат своего рода социальному контролю в связи со своей спецификой [4].

С другой стороны, рассматривая характер каждого участника данных взаимоотношений, можно сказать, что в качестве специального, официального и государственного контроля этих отношений выступает законодательство.

В теоретических источниках раскрываются формы взаимодействия средств массовой информации с правоохранительными органами, которые помогают в предупреждении возникновения преступлений и нарушении общественного порядка. К ним можно отнести:

- уведомление средств массовой информации пресс-служб о конкретном уголовном деле, содержании и объёме оказанной помощи сотрудниками полиции;
- аккредитация деятельности журналистов органами внутренних дел;
- проведение «прямых трансляций» и «горячих линий», организация работы телефона доверия, с их последующим ис-

пользованием в процессе расследования и предотвращения преступлений;

— изучение корреспонденции, которая получена правоохранительными органами, коммуникация с правоохранительными органами в радио- и телепередачах, транслируемых в прямом эфире через территориальные СМИ, привлекать известных журналистов для проведения занятий с работниками пресс-служб;

— поддержка в сфере информации представителей СМИ в ходе их так называемого независимого журналистского расследования.

Изучая и раскрывая вопросы деятельности средств массовой информации в области личностных интересов граждан, общественности и государства, а также учитывая глобальный характер, инновационные технологии, информационный прогресс и рост преступности в сетевом пространстве указывает на важность совершенствования и обновления принципов сотрудничества СМИ и правоохранительных органов. Эти принципы направлены на формирование равноправных отношений между ними правоохранительными органами и средствами массовой информации в области защиты гражданских свобод, создания безопасности всего общества и борьбы с преступностью [2].

Только систематическое взаимодействие средств массовой информации и правоохранительных органов позволять решать задачи и формировать положительное мнения со стороны всей общественности и каждого гражданина по отдельности, что в следствии позволит улучшить их совместную деятельность при разрешении возникших проблем.

В своих трудах отечественный учёный Р.М. Янбухтин отмечал, что «система разрешения совместных задач позволяет актуализировать важность выявления и дифференциацию принципов взаимоотношения средств массовой информации и правоохранительных органов, а также принципов информирования общества о том, что происходит в сфере общественного порядка и деятельности правоохранительных органов, их модернизация и теоретико-методологическое описание» [4].

Отмечая важный и социальный характер информационного пространства, необходимо учитывать отрицательные аспекты деятельности средств массовой информации. СМИ довольно

часто берут на себя ответственности при публикации материалов или отчётов, которые могут включать предвзятую или непроверенную информацию. Это происходит из-за наблюдающейся жёсткой конкуренции и рыночной экономики, поэтому журналисты пытаются привлечь новых читателей материалами, которые носят характер «желтой прессы» и содержат неправдоподобную информацию, указывая на происходящее с повышенным вниманием со стороны других граждан или целых групп граждан. В связи с чем принципы взаимодействия средств массовой информации и правоохранительных органов должны отмечать имеющиеся отрицательные действия в работе СМИ.

Другой проблемой, которая тесно связана функционированием деятельности правоохранительных органов как органов государственной власти является то, что работники средств массовой информации при публикации статей, указывают в них факты, которые освещают только лишь недостатки в деятельности правоохранительных органов, и как следствие, проявляют меньше интереса к положительным и героическим действиям их работы в сфере обеспечения безопасности на территории всей Российской Федерации.

Имеющиеся и другие проблемы эффективного взаимодействия средств массовой информации и правоохранительных органов отмечают необходимость и актуальность в совершенствовании законов, которые регулируют деятельность СМИ, в том числе их электронные формы, а также важность построения доверительных и партнёрских отношений с правоохранительными органами, что в результате позволит повысить качество каждого из них, особенно при формировании и развитии правового государства.

Таким образом, между средствами массовой информации и информационными подразделениями правоохранительных органов, которые обеспечивают информационную безопасность имеются специфические взаимоотношения, позволяющие создать условия, противодействующие появлению преступности и обеспечивающие безопасность на территории всей Российской Федерации. Эти взаимоотношения характеризуются наличием принципов и особенностей, которые определяют их характер.

Литература:

1. Ильянова О.И. Особенности взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации // Право и управление. 2022. № 5.
2. Комлев Ю.Ю. Органы внутренних дел и средства массовой информации: от общественной осведомленности к оптимальному взаимодействию. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. — 172 с.
3. Сухарев П.В. Основные принципы и актуальные проблемы взаимодействия правоохранительных органов со СМИ / П.В. Сухарев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 46 (232). — С. 196–199.
4. Янбухтин Р.М. Правоохранительные органы и СМИ: проблемы и принципы взаимодействия // Грамота. 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. II. С. 213–217.

Особенности взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации

Митяева Валерия Анатольевна, студент магистратуры

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В период активного развития общественно-политических отношений и улучшения информационной политики государства, средства массовой информации играют важную роль как один из ведущих социальных институтов. Взаимодействие между органами внутренних дел и средствами массовой информации имеет множество юридических и социальных аспектов, которые требуют анализа и дальнейшего усовершенствования. В данной работе мы основываемся на анализе ключевых нормативных актов, чтобы рассмотреть особенности этого взаимодействия и средств массовой информации.

Ключевые слова: средства массовой информации, органы власти, информационная политика, взаимодействие, государственные органы власти.

Государственная информационная политика — является совокупностью мер, которые основываются на функционировании государственного аппарата в оптимальных условиях, сохранении государственного строя в современных реалиях и получении одобрения граждан по различным вопросам, о которых упоминается в таких документах как: законы, подзаконные акты и правила, которые устанавливаются для государственных средств массовой информации (СМИ) [2].

Одной из главных задач государственной политики в правовой области, касающейся правосознания и грамотности каждого гражданина выступает распространение информационных данных, которые помогают гражданам развивать свою правовую грамотность и правосознание, а также пропагандируют законопослушание, уважение к правам и законно охраняемым интересам.

В настоящий момент, когда возрастает необходимость прямой и обратной связи с организациями гражданского общества, в основном применяется рациональная модель массовых коммуникаций. Коммуникация между правоохранительными органами и СМИ строится на оперативной передаче достоверной и проверенной информации.

В настоящее время, на этапе развития современной России, вопросы о взаимодействии органов внутренних дел с институтами гражданского общества становятся особенно важными.

Взаимодействия можно перефразировать следующим образом: отношения между правоохранительными органами и обществом основаны на принципе открытости и стремлении восстановить доверие со стороны населения, а также на формировании положительного образа полицейского. Возможно, эта положительная тенденция необратима. Однако, чтобы эти аспекты были реализованы на высоком уровне, необходимо установить партнерские отношения с СМИ, основанные на взаимном уважении и сотрудничестве. Организацию этого взаимодействия осуществляют специальные отделы информации и связей с общественностью государственных органов, которые являются эффективными средствами, позволяющими обеспечить контакт, либо прямую или обратную связь между обществом и правоохранительными органами в целом. Важно отметить, что процесс создания таких специальных отделов связи со средствами массовой информации обусловлен наличием демократизации общества РФ в 1980-х годах, и работой, позволяющей установить взаимодействие не протекает бесследно [1].

Сегодня любой человек может получить доступ к информации и быстро распространить ее через социальные сети или интернет-порталы. Это создает новые вызовы для правоохранительных органов, которые теперь должны быть готовыми к быстрому реагированию на информацию, появляющуюся в сети.

В прежние времена медиа были организованной системой передачи информации, основанной на общей идеологической платформе. Они были ответственными за содержание и достоверность материалов, которые публиковались в эфире или на страницах печатных изданий. Телевизионные, радио- и печатные СМИ оказывали одностороннее воздействие на общество, стремясь формировать определенную позицию по отношению к политическим, экономическим, социальным и другим аспектам реальности.

Однако с развитием интернета, всемирной сети объединенных компьютеров, и социальных сетей, вектор коммуникации претерпел изменения. Теперь главным стало активное взаимодействие между источником информации и ее потребителем через онлайн-сервисы, платформы и веб-сайты. В результате этого традиционные СМИ были вытеснены информационными агентствами, которые обеспечивают мгновенную обратную связь. Потребители информации в настоящее время имеют возможность получать новости и оказывать влияние на информационный процесс, отказываясь от привычной «сверху — вниз» динамики.

Прогресс информационных технологий привел к радикальной трансформации понятия информации и превратил нашу планету в глобальное сообщество, где основными каналами ее передачи стали веб-сайты и социальные сети [3].

В случае возникновения аварийных и кризисных ситуаций, сотрудники отделов информации и связей обязаны учитывать соответствующие законодательные акты при распространении информации. Для обеспечения общественной безопасности и поддержания порядка в таких ситуациях могут быть применены временные ограничения, включая предварительную проверку с определенными условиями и процедурами, а также особые требования к аккредитации лиц. Важно, чтобы граждане имели доступ к достоверной информации о мерах, предпринимаемых государством для защиты их жизни и здоровья. Открытость и прозрачность в деятельности государственных органов в этой сфере способствуют повышению доверия населения к власти

и эффективности принимаемых мер. Любая попытка скрыть или исказить информацию должностными лицами должна быть строго наказуема в соответствии с законодательством.

Качество правового регулирования массовой информации можно оценивать по наличию или отсутствию законодательных гарантий, касающихся различных аспектов работы СМИ. Такие гарантии включают принцип свободы массовой информации, который закреплен в конституции. Также важным критерием является конституционный запрет на цензуру. Государственные законы, регулирующие деятельность СМИ, доступ к информации и телерадиовещанию, также влияют на качество правового регулирования. Важным аспектом является характер процедуры регистрации СМИ, которая может быть уведомительной или разрешительной. Отсутствие ограничений для иностранцев на владение или создание средств массовой информации также является важным фактором. Наличие уголовной ответственности за клевету и оскорбление в СМИ, как в общем случае, так и в отношении представителей власти [1].

В настоящее время в России происходит разработка законодательства, которое нацелено на эффективное функционирование национальной информационно-телекоммуникационной сферы. Это направление становится все более важным в свете того, что человечество вступает в эпоху постиндустриального информационного общества. В современных условиях информационное обеспечение государственной политики приобретает все большее значение для общества.

Установление правил поведения и контроль за действиями для средств массовой информации связано с правовыми нормами в области массовой информации. В информационном обществе, качество законов играет важную роль, конкретные ограничения и включая гарантии свободы СМИ. Анализ того, как происходит правовое регулирование информационно-те-

лекоммуникационной сферы позволяет отметить, что процесс создания, получения и распространения информации зависит от конкретной ситуации в стране, формы государственного управления и инновационных технологий.

В соответствии с законодательством Российской Федерации, редакция имеет право подать заявку в государственный орган на проведение аккредитации своих сотрудников. Государственные органы проводят аккредитацию журналистов, при соблюдении правил аккредитации, которые были установлены органами власти. Министерством внутренних дел Российской Федерации утвержден порядок аккредитации в 2015 году. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» играет важную роль в области связей с общественностью и регулирует право на доступ к информации о деятельности органов власти. Государственные органы должны предоставлять доступ к информации, касающейся их деятельности, посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернет, и не требуют от лица, желающего получить такую информацию, обоснования необходимости ее получения [4].

Указ Президента Российской Федерации установил перечень информационных материалов о функционировании МВД России, которые размещаются в сети Интернет, исключая информацию из ограниченного доступа. Ориентируясь на данный указ, МВД России обязано не только размещать информацию о своей деятельности в сети Интернет, но и следить за соблюдением сроков размещения, достоверностью и своевременным обновлением этой информации. Порядок подготовки и размещения информации о деятельности МВД России в сети Интернет определен в приказе МВД России, который основывается на упомянутом выше указе. В приказе указываются органы и подразделения, ответственные за подготовку информации.

Литература:

1. Ильянова О.И. Особенности взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации // Право и управление. 2022. № 5.
2. Тамбовцев А.И. Особенности взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой информации в процессе предупреждения преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 4 (27).
3. Чаплыгина В. Н., Калужный А. Н. Особенности взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации в ходе контртеррористических операций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 2.
4. Локтионова Ю. Ю. Особенности взаимодействия сотрудников органов внутренних дел со средствами массовой коммуникации на современном этапе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 1 (12).

Особенности уголовной ответственности и наказания за преступления, связанные с хищением чужого имущества

Мордвинова Альбина Сергеевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Радченко Ксения Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

В статье рассматриваются уголовно-правовые нормы российского права, закрепляющие состав тайного хищения чужого имущества, а также судебная практика.

Объектом исследования выступают общественные отношения, которым причиняется вред при совершении тайного хищения чужого имущества.

Цель исследования — комплексный теоретико-правовой анализ уголовной ответственности за кражу по действующему уголовному закону Российской Федерации с учетом правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовно-правовая характеристика, тайное хищение, имущество.

Самым распространенным видом преступлений в России в 2021 году стало хищение чужого имущества, следует из статистики состояния преступности, опубликованной на сайте МВД (см. Приложения 1). Начиная с 2017 года и заканчивая 2021 годом преступления против собственности также являлись одним из самых распространенных преступлений, что следует из статистики состояния преступности (см. Приложение 2).

Анализ статистических сведений о состоянии преступности в 2021 году свидетельствует о том, что оперативная обстановка в стране продолжает оставаться стабильной. Снижение количества зарегистрированных преступлений по сравнению с 2020 годом составило 1,9%.

Отмечается сокращение числа противоправных деяний по ряду составов, в том числе убийств и покушений на убийство — на 4,7%, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — на 10,6%, разбоев — на 16%, грабежей — на 18,1%, краж — на 2,4%.

Продолжает уменьшаться уровень уличной преступности. В парках, скверах и на улицах количество разбойных нападений снизилось на 17,3%, грабежей — на 22,1%, краж — на 4%. По итогам 12 месяцев 2021 года общее число криминальных деяний, совершенных в общественных местах, сократилось на 6,4%. В 2021 году зарегистрировано меньше квартирных краж — на 16,2%, хищений транспортных средств — на 24,8% и угонов — на 13,9%. Количество уголовно наказуемых деяний с участием несовершеннолетних сократилось на 15,6%, совершенных гражданами в состоянии алкогольного опьянения — на 8,3%, в состоянии наркотического опьянения — на 5%. Во многом это результат профилактической работы, которая проводится участковыми уполномоченными полиции и инспекторами по делам несовершеннолетних.

Предметом исследования являются уголовно-правовые нормы российского права, закрепляющие состав тайного хищения чужого имущества, а также судебная практика.

Объектом исследования выступают общественные отношения, которым причиняется вред при совершении тайного хищения чужого имущества.

Цель исследования — комплексный теоретико-правовой анализ уголовной ответственности за кражу по действующему уголовному закону Российской Федерации с учетом правоприменительной практики.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1. исследовать историю развития института ответственности за совершение кражи в российском уголовном праве;
2. рассмотреть понятие кражи в уголовном праве России, объективную и субъективную сторону кражи, формы и виды хищения чужого имущества;
3. изучить квалифицирующие признаки кражи как основание дифференциации уголовной ответственности;
4. провести анализ правоприменительной практики;

5. выявить ошибки квалификации в судебной и следственной практике.

В процессе работы был использован общенаучный диалектический метод познания, в рамках которого в процессе изучения применялись частно-научные методы, такие как системный анализ, сравнительно-правовой метод, логико-юридический метод.

Самым распространенным видом преступлений в России является тайное хищение чужого имущества, что следует из статистики состояния преступности, опубликованной на сайте МВД. Охрана собственности от преступных посягательств» является одной из задач УК РФ, закрепленных в ст. 2 УК РФ. Значение уголовно-правовой борьбы с преступлениями против собственности обусловлено, прежде всего, их криминологической характеристикой.

Среди всех преступлений, зарегистрированных в Российской Федерации за последние годы, удельный вес преступлений против собственности составляет около 60%. Согласно нынешнему представлению о системе социальных ценностей, право собственности расценивается как важнейшее из социальных благ. Посягательства на это благо — посягательства на личность.

УК РФ определяет кражу как тайное хищение чужого имущества (ст. 158 УК РФ).

Понятие «тайное хищение чужого имущества» говорит само за себя. Следовательно, такой признак как тайность хищения является базовым показателем отграничения кражи от других форм хищения. Если преступник ошибочно полагал, что совершает хищение тайно, а в действительности его действия осознавал потерпевший или наблюдали другие лица, то в соответствии с направленностью умысла содеянное должно квалифицироваться как кража.

Родовым объектом кражи являются общественные отношения в сфере экономики. Видовой объект совпадает с родовым объектом этого преступления. Непосредственным объектом тайного хищения является собственность законного владельца, которому причиняется имущественный ущерб. Предметом кражи могут быть только вещи материального мира.

Объективная сторона кражи чужого имущества характеризуется группой признаков, определяющих внешнюю сторону этого общественно опасного деяния. В нее входят: изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц; причинение этими действиями реального материального ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества; противоправность совершения этих действий; безвозмездность совершения.

Субъективная сторона хищения характеризуется виной в виде прямого умысла, а также корыстной целью. Прямой умысел понимается как осознание лицом общественной опасности своих действий, то есть противоправного безвозмезд-

ного изъятия чужого имущества и обращения его в свою пользу или пользу других лиц, предвидит неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде имущественного ущерба законному владельцу этого имущества и желает их наступления. Корыстная цель понимается как цель незаконного обогащения в пользу себя за счет собственника.

Последние исследования, проведенные на основании вытекающих последствий в стране, которые отрицательно воздействуют на положение и состав корыстной преступности, будут так же влиять: текущее состояние экономического кри-

зиса, как основная патологическая цепь непостоянства одних из главных потребностей всех слоев населения; наличие социального напряжения — наличие «полюса» нищеты и финансового благополучия (в зависимости от расстояния этих полюсов, соизмеримо это напряжение усиливается) и деградация по мере приближения к черте бедности противозаконных средств перераспределения имущества; снижение занятости населения путем сокращения производства; увеличение в обществе официальной и скрытой безработицы; падение уровня жизни и социальных гарантий большей части населения страны

Литература:

5. Актуальные проблемы уголовного права. / под ред. Иногамовой — Хегай Л. В. — М.: Проспект. 2019. — 232 с.
6. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая. Учебник. / под ред. Иногамова-Хегай Л. В. — М.: Проспект. 2019. — 240 с.
7. Архипов А. В. Момент окончания хищения // Уголовное право. 2018. №4. С. 20–24.
8. Бавсун М. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: современное состояние и перспективы развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. №6. С. 3–7.
9. Боровиков В. Б. Уголовное право. Общая и особенная части. Практикум. Учебное пособие. — М.: Юрайт. 2019. — 376 с.

Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: проблемы и пути решения

Нестеренко Владимир Владимирович, курсант

Научный руководитель: Морозов Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, подполковник внутренней службы
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк)

Ежегодно из мест лишения свободы освобождается большое количество осужденных, которые были приговорены к отбыванию наказания за различные преступления различной тяжести. Многие из освобожденных лиц в силу определенных жизненных обстоятельств или личностных особенностей способны на повторное совершение преступления.

Согласно статистике Судебного департамента о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных за 2022 год за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса РФ было осуждено 578 751 лиц, из них 222 974 имели неснятые и непогашенные судимости на момент судебного разбирательства, при этом 85 636 были признаны совершившими преступления при рецидиве, 12 738 при особо опасном рецидиве, 5 017 при особо опасном рецидиве. Исходя из данного примера, стоит отметить то, что административный надзор преследует цель предотвращения повторного совершения преступлений лицами уже имеющими судимость. [1]

Административный надзор — наблюдение со стороны органов внутренних дел за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом ограничений, обязанностей. В настоящее время порядок осуществления административного надзора регламентируется Федеральным законом от 6.04.2011 № 64 — ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее — ФЗ № 64). Для реализации положений обозначенного закона впоследствии был издан приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 «О порядке

осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», регламентирующий формы и методы осуществления органами внутренних дел наблюдения за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных судом административных ограничений их прав и свобод, за выполнением ими обязанностей, предусмотренных федеральным законом, а также полномочия сотрудников подразделений и служб данных органов, порядок их участия в осуществлении административного надзора.

К числу задач административного надзора относят: обеспечение безопасности граждан, общества, профилактика рецидивной преступности; создание условий эффективности деятельности органов внутренних дел и иных правоохранительных органов; сокращение преступности, снижение экономических затрат на борьбу с преступностью; выработка новых методов борьбы с преступностью, претерпевшей за последнее время качественное изменение, в том числе в связи с появлением новых видов преступлений, ростом организованной преступности, профессиональной рецидивной преступности. [2]

Приведенные статистические данные Судебного департамента позволяют сказать о том, что система профилактики рецидивной преступности несовершенно так же, как и неэффективны меры, направленные на исправление осужденных. Исходя из этого, следует отметить проблематику данного института.

Первой проблемой является то, что административный надзор устанавливается за совершеннолетними лицами, совершившими преступления и имеющими непогашенную или неснятую судимость. [3]

Во-первых, криминологи отмечают, что преступления, совершаемые несовершеннолетними лицами, имеют особую жестокость и, как правило, многие осужденные, освободившись из воспитательных колоний, оказавшись на свободе, продолжают преступную деятельность. Во-вторых, считаем необходимым устанавливать административный надзор за всеми лицами, освобожденными из мест лишения свободы вне зависимости от тяжести преступления, положительной характеристики из учреждения и длительности срока отбывания наказания, исключением может стать лишь преступления, совершенные по неосторожности. То есть не в полной мере учитывают статус освобождаемого из мест лишения свободы. Этот аргумент находит свое отражение в том, что поведение осужденного учитывается только в том случае, если осужденный признавался злостным нарушителем порядка отбывания наказания, однако если осужденный имеет отрицательную характеристику, но при этом не подпадает под формальные основания установления надзора.

Следующей проблемой является недостаточное урегулирование ограничений при административном надзоре, то есть все правоограничения и установление обязанностей четко установлены законом и не носят индивидуальный характер, что снижает эффективность профилактики рецидивной преступности.

Углубляясь в теорию, стоит отметить, что органы внутренних дел играют роль субъекта постпенитенциарной ресоциализации, которые должны найти особенный подход к поднадзорному и проводить правовую, воспитательную, социальную работы. Тут же стоит отметить, что разумнее было бы, если бы данную работу осуществляли уголовно-исполнительные инспекции по аналогии с ограничением свободы, ведь именно с этим видом наказания схож административный надзор. Также в рамках одного ведомства могут быть переданы все документы и данные об отбывании наказания, а также сведения о проводимых в местах лишения свободы профилактических работах, что позволит разработать индивидуальный план по воздействию на поднадзорное лицо. Решением проблемы может стать индивидуальный подход к каждому осужденному, следует учитывать характер и степень общественной опасности, совершенного преступления, форму вины, статью особенной части УК РФ, по которой привлекалось к уголовной ответственности поднадзорное лицо, характеристика из мест лишения свободы. На основе полученной информации следует разработать индивидуальный план работы с поднадзорным. [4]

Считаем недоработкой и следующий аспект — исключительные личные обстоятельства позволяющие поднадзорному лицу выезд в краткосрочный отпуск за пределы, установленные судом. Законодатель четко установил обстоятельства, представляющие такое право: смерть или угрожающая жизни тяжелая болезнь близкого родственника; необходимость получения поднадзорным лицом медицинской помощи, а также прохождения лечения в учреждениях органов здравоохранения, если эти помощь и лечение не могут быть получены по

месту жительства или пребывания поднадзорного лица либо в установленных судом пределах территории; невозможность дальнейшего проживания поднадзорного лица по месту жительства, пребывания или фактического нахождения в связи со стихийным бедствием или иными чрезвычайными обстоятельствами; прохождение поднадзорным лицом обучения за установленными судом пределами территории; необходимость прохождения вступительных испытаний при приеме в образовательную организацию; необходимость решения вопросов при трудоустройстве. [5] Анализ перечня исключительных обстоятельств, свидетельствует о том, что выезд по основаниям, предусмотренным ФЗ № 64 может осуществляться в пределах от нескольких часов до нескольких месяцев. В результате этого поднадзорное лицо оказывается вне контроля, так как отсутствуют новые ограничения, установленные по новому месту пребывания поднадзорного, а установление новых правоограничений, возможно лишь принятием нового судебного решения по данному вопросу, но законодательством это не предусмотрено. Здесь же стоит отметить и то, что многие обстоятельства не являются исключительными, а проверка наличия таковых представляется сложной, например, при отсутствии подтверждающих документов. Для решения данной проблемы необходимо упростить систему назначения, продления, прекращения административного надзора, а в случае, если поднадзорный находится вне места, на которое распространялись ограничения более 10 дней, соответствующие документы необходимо передавать в ОВД по месту фактического нахождения, с целью продолжения наблюдения за поведением лица. Также стоит внести дополнение, обязывающее поднадзорное лицо по возвращении к месту постоянного проживания предоставить документы, подтверждающие исключительные обстоятельства, дающие ему право на краткосрочный выезд.

Следующей проблемой является розыск лиц, в отношении которых установлен административный надзор. [6] Вопросов с доставлением поднадзорного в районный отдел органов внутренних дел в городе не возникает, однако возникает вопрос о розыске и транспортировке найденного поднадзорного, в случае его территориального удаления от города. В этом случае функции по надзору могли бы осуществлять органы местного самоуправления. Соответственно, для этого необходимо наладить связь между органами внутренних дел и администрации населенного пункта. Говоря о взаимодействии органов внутренних дел и местного самоуправления, стоит также отметить возможность их сотрудничества в сфере трудоустройства всех лиц, находящихся под надзором, поскольку это увеличит воздействие воспитательных мер.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что, несмотря на важность института административного надзора, в нем присутствует ряд недоработок, которые необходимо переработать, ведь система исправления осужденных — механизм, где все элементы взаимосвязаны вне зависимости от того, на каком этапе отбывания наказания находится осужденный. Административный надзор также служит своеобразным средством исправления, но на постпенитенциарном этапе, но именно здесь будет сделан вывод о возможности повторного совершения лицом тех или иных преступлений.

Литература:

1. Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2г. — данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ.
2. Шиян В. И. Основные вопросы осуществления административного надзора // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. — 2016. — № 5 (1). — С. 123–128.
3. Корохова И. С. Проблемы правоприменения административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Актуальная проблема. — 2020. — № 1. — С. 7–12.
4. Карягина А. В. Проблемы и пути совершенствования административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2020. — № 1. — С. 87–91.
5. Балмочных с. Ю., Можяев С. А. Проблемы и пути совершенствования административного надзора за поднадзорными лицами при осуществлении ими краткосрочных выездов за установленные судом пределы территории в связи с исключительными личными обстоятельствами // Вестник Воронежского института МВД России. — 2022. — № 2. — С. 183–189.
6. Горовой В. В., Степанова Т. В. Проблемы осуществления административного надзора // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 2 (206). — С. 226–228.

Проблемные аспекты отказа в возбуждении уголовного дела

Равилов Айрат Радикович, студент магистратуры
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье рассматриваются основания отказа в возбуждении уголовного дела и основания отказа. Обуславливаются проблемные аспекты отказа в возбуждении уголовного дела и направления их оптимизации.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное дело, отказ в возбуждении уголовного дела, обвиняемый, проблемы отказа в возбуждении уголовного дела.

Problematic aspects of refusal to initiate criminal proceedings

Ravilov Ayrat Radikovich, student master's degree
Kazan Branch of the Russian State University of Justice

The article considers the grounds for refusing to initiate a criminal case and the grounds for refusal. Problematic aspects of refusal to initiate a criminal case and the direction of their optimization are determined.

Keywords: criminal process, criminal case, refusal to initiate a criminal case, accused, problems of refusal to initiate a criminal case.

Иногда граждане, ставшие жертвами правонарушений, сталкиваются с ситуацией, когда им отказывают в возбуждении уголовного дела. В результате права пострадавшего остаются нарушенными, а справедливость — не восстановленной.

Безусловно, лицо, пострадавший от преступления, стремится добиться наказания для виновного и его привлечения к ответственности. Для этого важно соблюдать все правила обращения в правоохранительные органы, задача которых — рассмотреть все возможные обстоятельства нарушения и определить степень его серьезности [2].

Перед вынесением решения об отказе в возбуждении уголовного дела проводится доследственная проверка, в ходе которой происходит рассмотрение заявления потерпевшего и сбор всех данных о правонарушении. Если в результате проверки правоохранительные органы приходят к выводу об отсутствии оснований для возбуждения дела, заявителю сообщается об отказе.

Основания для отказа в возбуждении уголовного дела по итогам проведения доследственной проверки должны быть значимыми и подкрепленными доказательствами (рис. 1).

В случае получения отказа в возбуждении уголовного дела, пострадавший вправе оспорить это решение. Согласно ст. 124 УПК РФ [1], обжалование может быть направлено прокурору, а согласно статье 125 УПК РФ [1] — в суд.

Обжалование отказов в возбуждении уголовного дела важно проводить по следующим правилам:

1. Детальный анализ постановления об отказе для дальнейшего планирования стратегических действий.
2. Составление нового заявления с указанием всех нарушений и обоснованием о том, почему решение об отказе можно считать незаконным.
3. Выбор органа для подачи заявления.
4. Подача нового заявления с дополнительной аргументацией и уточнениями.

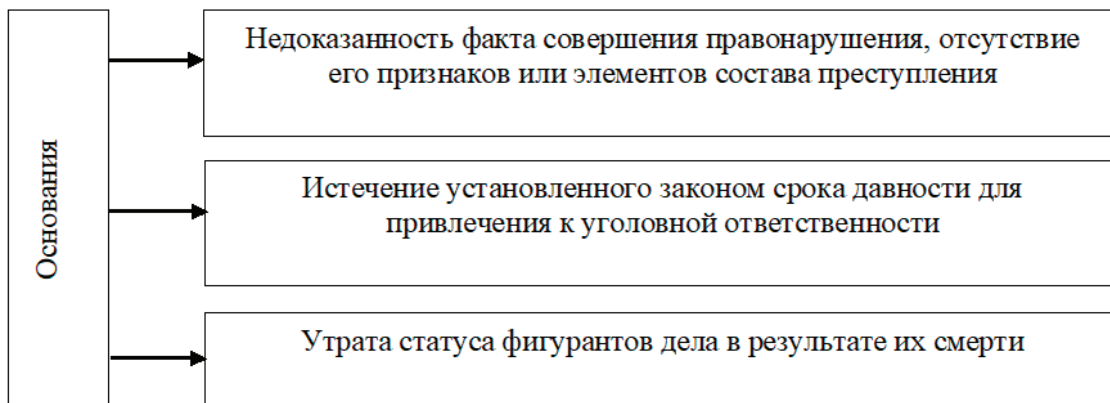

Рис. 1. Основания для отказа в возбуждении уголовного дела

В последнее время участилась тенденция отказов правоохранительными органами в рассмотрении уголовных дел.

В условиях современных реалий существуют следующие способы уклонения «недобросовестных» сотрудников в возбуждении уголовного дела. Представим их на рис. 2.

Безусловно, не все преступления, в отношении которых приняты отказы в возбуждении уголовного дела остались нераскрытыми, так как многие потерпевшие подают жалобы на действия правоохранительных органов. Или же дела возобновляются

после прокурорского надзора. Также отказ в возбуждении уголовного дела может быть отменен судебными органами [3, с.57].

Также встречаются случаи, когда граждане, которым не удалось добиться справедливого судопроизводства в России, обращаются с заявлением об отмене отказа в возбуждении уголовного дела в ЕСПЧ.

По нашему мнению, для оптимизации института отказа в возбуждении уголовного дела, необходимо следовать рекомендациям, представленным на рис. 3.

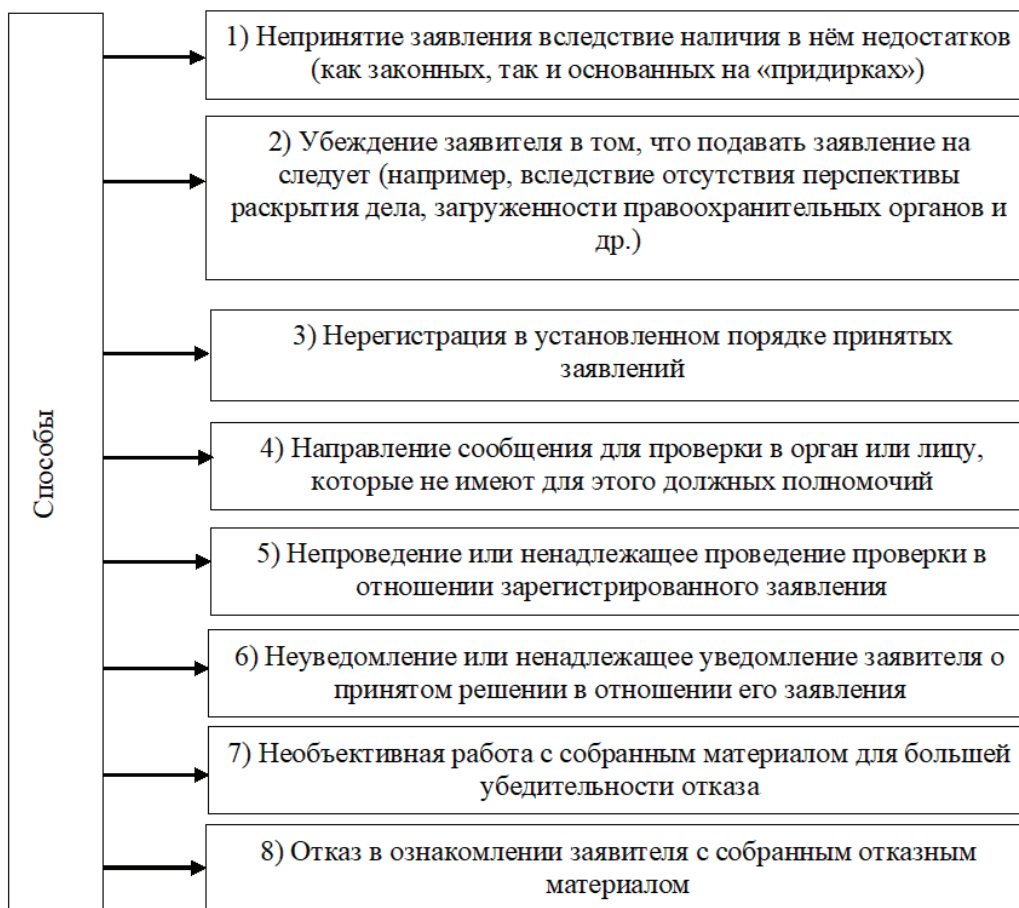

Рис. 2. Способы уклонения от принятия заявлений от потерпевших

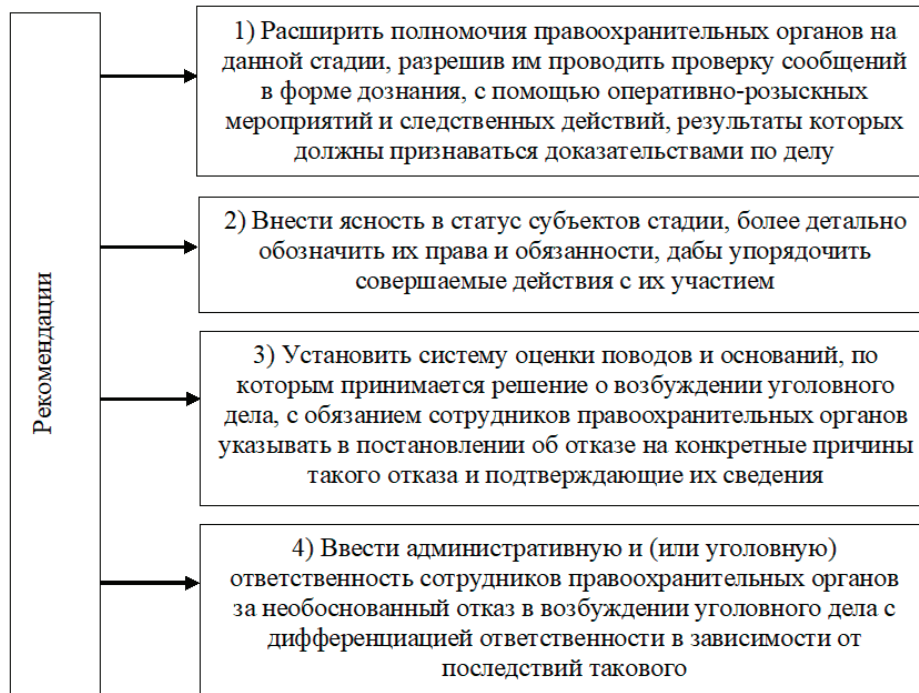

Рис. 3. Внесение изменений в стадию возбуждения уголовного дела

Таким образом, предложенные меры необходимо осуществлять комплексно, исходя из имеющихся на сегодняшний день существующих на данный момент положений, которые не должны быть

в диссонанс с ними, что должно в результате положительно сказаться на защите прав потерпевших, предотвращении новых и раскрываемости уже совершенных преступлений.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ.— 2001.— № 52 (часть I).— Ст. 4921
2. Исаков, О. О. Развитие института отказа в возбуждении уголовного дела в отечественном законодательстве / О. О. Исаков // Молодой ученый.— 2024.— № 11 (510).— URL: <https://moluch.ru/archive/510/111912/> (дата обращения: 19.03.2024).
3. Шербет, А. П. Проблемные аспекты отказа в возбуждении уголовного дела / А. П. Шербет // вопросы юридической науки.— 2023.— № 4.— С. 55–58.

Организационно-правовые проблемы отдельного содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных и пути их решения

Самар Данил Вячеславович, курсант

Научный руководитель: Морозов Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, подполковник внутренней службы
Кубасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк, Кемеровская обл.)

В данной статье нами были рассмотрены актуальные организационно-правовые проблемы отдельного содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Констатированы основные пути решения указанных проблем, а также сделаны основополагающие выводы.

Ключевые слова: подозреваемые, обвиняемые, осуждение, УИС, отдельное содержание, сотрудники, законодательство.

В соответствии с Концепцией развития российской пенитенциарной системы до 2030 года, важно проанализировать существующие недостатки в дифференцированном содержании

подозреваемых, обвиняемых и осужденных в следственных изоляторах. Это необходимо для понимания стратегии УИС России в достижении целей, изложенных в Концепции.

Раздельное содержание подозреваемых и обвиняемых в соответствующих категориях в местах их содержания под стражей преследует несколько целей. Во-первых, оно гарантирует беспрепятственное проведение предварительного и судебного следствия, а также защищает права граждан на неприкосновенность личности и здоровье. Во-вторых, оно предотвращает негативное влияние со стороны лиц с криминальным прошлым.

В контексте специфики российской уголовно-исполнительной системы авторы выделяют дополнительные цели раздельного содержания, такие как недопущение передачи запрещенных предметов, воздействия криминальной субкультуры и предупреждение правонарушений внутри мест содержания под стражей. Важно отметить, что раздельное содержание также препятствует контактам между различными категориями подозреваемых и обвиняемых, предотвращая переговоры, передачу предметов и переписку.

А.В. Сенатовым проводился опрос оперативных сотрудников следственных изоляторов УИС России, последние в большинстве случаев ответили, что возникает большое количество нарушений правил раздельного размещения в камерах, на что поступают акты прокурорского реагирования. Оперативные сотрудники объясняют нарушения отсутствие свободных мест, а также необходимостью размещения в отдельных камерах лиц с социально низким статусом [1, с. 116].

Сотрудники следственных изоляторов УИС России не понимают почему нельзя содержать в одной камере лиц, совершивших преступления сексуального характера, но по различным составам преступлений (ст. 131–135 УК РФ). Дело в том, что в отношении таких лиц от других лиц в камерах может последовать физическая расправа (особенно, если преступление совершено в отношении несовершеннолетнего). Также возникают вопросы запрета на размещения в одной камере лиц, совершивших открытые виды хищения имущества или насильственных преступлений.

Мы предлагаем отменить запреты на совместное содержание под стражей определенных категорий подозреваемых и обвиняемых, чтобы расширить возможности раздельного содержания. В частности, мы считаем целесообразным применять такие правила к более общественно опасным составам преступлений, таким как терроризм и экстремизм.

Для этого предлагается внести дополнение в статью 33 Федерального закона РФ от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ, предусматривающее возможность совместного содержания под стражей лиц, совершивших указанные выше преступления, с письменного разрешения администрации следственного изолятора. При этом решение о совместном содержании должно приниматься с учетом психологических и личностных характеристик подозреваемых и обвиняемых.

Федеральным законодательством, регулирующим содержание под стражей, не установлено понятие и категория осужденных, содержащихся в «специальном блоке». Единственный нормативный документ, определяющий данное понятие — Методические рекомендации по созданию и оборудованию в следственном изоляторе (тюрьме) специального участка для содержания отдельной категории лиц, утвержденные директором ФСИН России 26.05.2009. При этом, абсолютно каждый следственный изолятор УИС России имеет специальный блок для со-

держания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений террористического и экстремистского характера [2, с. 76].

У сотрудников органов прокуратуры могут возникать «вопросы» относительно размещения лиц в данном участке, поскольку он отличается от общих правил размещения. Спецблоки созданы для предупреждения негативного влияния таких категорий спецконтингента на иных лиц, содержащихся в следственных изоляторах УИС России. Тем самым, необходимо дополнить федеральный закон № 103-ФЗ ст. 33.1, определяющей содержание лиц, требующих дополнительной изоляции от основной массы подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений.

Другая проблема заключается в отсутствии четкого определения «безопасного места», в которое должны перемещаться подозреваемые и обвиняемые, которым угрожает опасность. Ни федеральное законодательство, ни Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов УИС России не содержат такого понятия.

Для решения этой проблемы предлагается внести дополнение в статью 19 Федерального закона № 103-ФЗ, в котором будет дано определение «безопасного места». Кроме того, в Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов УИС России необходимо включить раздел, посвященный порядку обеспечения безопасности лиц, которым угрожает опасность. В этом разделе должны быть подробно описаны все необходимые мероприятия, включая перемещение в безопасное место.

Кроме правовых изменений, необходимы изменения организационного характера. Так, необходимо продолжить работу по оснащению следственных изоляторов УИС России современными инженерно-техническими средствами охраны и надзора, а также внедрение прогрессивных способов организации службы [3, с. 236].

Следующий вопрос касается раздельного содержания курящих и некурящих лиц. Как отмечают в научной литературе, существует широкая судебная практика по взысканию компенсации за нарушение условий в местах принудительного содержания по данному основанию. Дело в том, что федеральное законодательство содержит норму о раздельном содержании «при наличии возможности», то есть императива в данном случае нет. К примеру, в одном из дел, подозреваемый болел бронхиальной астмой и содержался вместе с курящими лицами [4, с. 88].

Администрацией следственных изоляторов УИС России должны быть доказаны факты невозможности раздельного содержания и шаги, предпринятые к минимизации ущерба лицу, не курящему табачные изделия.

Сравнивая нормы российского и международного законодательства о раздельном размещении лиц, содержащихся под стражей, можно сделать вывод, что российское законодательство содержит больше классификационных признаков, на основании которых происходит раздельное размещение подозреваемых и обвиняемых в следственном изоляторе. В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными и в европейских пенитенциарных правилах не указывается на необходимость раздельного содержания подозреваемых и обвиняемых в зависимости от категории преступлений, которые они совершили. Российский законодатель пошел по иному пути, значительно расширив классификационные признаки раздель-

ного размещения подозреваемых и обвиняемых по камерам в зависимости от общественной опасности преступлений, что закреплено в ст. 33 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ. Российские требования в этой области являются более конкретными и детальными, чем международные.

Для устранения дублирования необходимо перефразировать второй абзац пункта 2 статьи 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (№ 103-ФЗ от 15.07.1995) следующим образом: подозреваемые и обвиняемые в совершении тяжких преступлений, перечисленных в Уголовном кодексе РФ, в частности:

1. убийство;
2. детоубийство;
3. причинение тяжкого вреда здоровью;
4. распространение ВИЧ-инфекции;
5. похищение;
6. изнасилование;
7. сексуальное насилие;
8. половые действия с несовершеннолетними;
9. торговля несовершеннолетними;
10. грабеж;
11. разбой;
12. вымогательство при отягчающих обстоятельствах;
13. терроризм;
14. организация и участие в террористических группах;
15. захват заложников;
16. организация и участие в незаконных вооруженных формированиях;
17. бандитизм;
18. организация и участие в преступных сообществах;
19. занятие высшего положения в преступной иерархии;
20. посягательство на жизнь судей или следователей;
21. посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов;
22. дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Кроме того, необходимо дополнить п. 2 ст. 33 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» абзацем следующего содержания:

– по письменному решению администрации места содержания под стражей, а также в зависимости от характеристики личности, психологической совместимости разрешается содержать совместно друг с другом подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных абзацем вторым п. 2 настоящего Федерального закона.

Данные предложения могут оказаться противоречивыми нормам международного законодательства, регламентирующего раздельное содержание заключенных. Размещение лиц совместно друг с другом может привести к возникновению конфликтных ситуаций и созданию неблагоприятной обстановки в следственном изоляторе. Оперативно-розыскная деятельность должна осуществляться в рамках закона и не должна нарушать права и свободы подозреваемых и обвиняемых, находящихся в следственном изоляторе. Поэтому любые действия администрации и оперативных подразделений ФСИН России

должны быть ограничены и контролируемы, чтобы не нарушать права заключенных и не создавать неблагоприятной обстановки в учреждениях следственных изоляторов.

Следует отметить еще одну нормативную проблему, связанную с размещением отдельных категорий подозреваемых и обвиняемых в специализированных блоках. При этом необходимо учитывать требования международного и национального законодательства, гарантирующих права заключенных.

В частности, речь идет о следующих правах:

1. Свобода передвижения.
2. Доступ к информации и связь с внешним миром.
3. Получение медицинской помощи.
4. Защита от насилия и дискриминации.
5. Защита от пыток и жестокого обращения.

Соблюдение этих прав является обязательным условием при размещении лиц в специализированных блоках.

Кроме того, важно учитывать, что размещение подозреваемых и обвиняемых в специальных блоках может иметь негативные последствия для их психического и физического здоровья, а также вызвать стресс и тревогу. Поэтому необходимо обеспечивать условия для сохранения здоровья и благополучия лиц, находящихся в специальных блоках.

В целом, предложение о размещении лиц в специальных блоках требует дальнейшего законодательного урегулирования и анализа его соответствия международным и национальным нормам права [5, с. 167].

В связи с необходимостью проявления более четкого и эффективного контроля над лицами, содержащимися под стражей, требуется изменить действующее законодательство. Однако, внесение изменений необходимо производить с учетом конкретных условий, в которых существует текущая система содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Поэтому, прежде чем вносить какие-либо поправки в законодательство, необходимо провести глубокий анализ текущих проблем и недостатков в работе системы содержания под стражей, а также определить те области, в которых требуются наиболее существенные изменения.

Убедительно подчеркиваем необходимость соответствия предлагаемых изменений конституционным гарантиям прав и свобод граждан. Любые поправки не должны препятствовать получению адвокатских услуг или участию в правовых разбирательствах.

Внесение корректировок в действующее законодательство представляет собой сложную и ответственную задачу. Она требует всестороннего анализа и учета разнообразных аспектов, таких как мнения профессионалов и запросы общества.

Констатируем организационно-правовые проблемы раздельного содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных, которые включают в себя следующие аспекты:

1. Недостаточность мест раздельного содержания. В большинстве российских следственных изоляторов отсутствует достаточное количество мест для раздельного содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Это приводит к тому, что они вынуждены находиться в общих камерах, что может нарушать их права и вызывать проблемы.
2. Недостаточность персонала. Для обеспечения раздельного содержания требуется больше персонала, который будет

отвечать за контроль и надзор за заключенными. Однако на практике отсутствует не только возможность найма дополнительных кадров, но и руководящих кадров, знающих механизмы реализации данного правового требования.

3. Качество раздельного содержания. Даже при наличии достаточного количества мест и персонала раздельное содержание может быть организовано некачественно. В некоторых случаях раздельное содержание фактически не проводится, а в других элементы связей сохраняются при мертвой формальности соблюдения требуемых уровней контроля.

4. Коррупция и нарушения правил. В некоторых случаях следственные изоляторы игнорируют требования закона по раздельному содержанию и экономят на обеспечении качественных условий для заключенных. При этом коррупция и нарушения правил зачастую подорвали и доверие населения к российской системе правосудия.

Для решения организационно-правовых проблем раздельного содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных нужны следующие меры:

1. Определение четкого количества мест раздельного содержания. Дополнительное финансирование должно быть выделено для строительства и ремонта помещений, предназначенных для раздельного содержания.

2. Набор и подготовка профессиональных кадров. Дополнительно должны быть набраны и подготовлены специалисты для работы с заключенными, осуществляющие раздельное содержание.

3. Улучшение качества проведения раздельного содержания. Это относится к повышению качества организации и контроля условий раздельного содержания, а также к проведению регулярных проверок и мониторинга со стороны уполномоченных органов.

4. Борьба с коррупцией и нарушениями правил. Важно принимать меры по укреплению прозрачности в работе следственных изоляторов, сильно навязывать ответственность за коррупцию и нарушение правил. Для этого должны быть разработаны специальные механизмы контроля и мониторинга со стороны органов правосудия и общественных наблюдателей.

5. Повышение осведомленности и образования. Следует активно проводить мероприятия, направленные на осведом-

ление граждан о правах, обязанностях и условиях содержания в следственном изоляторе, а также на превенцию нарушений прав заключенных.

Более глубокие изменения и реформирование данной области необходимы для эффективного осуществления раздельного содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Это возможно только когда сильно начнут новые практики и нормативно-правовые изменения. Однако, без консультации со стороны опытных международных экспертов российские органы государственной власти тяжело осуществляют изменения и реформирование в системе, особенно когда они касаются сферы правосудия.

Проблемы, связанные с раздельным содержанием подозреваемых, обвиняемых и осужденных в Российской Федерации, носят системный характер и требуют комплексного подхода к их устранению.

Необходимы следующие меры:

1. Увеличение количества мест содержания и привлечение квалифицированных специалистов.

2. Повышение качества раздельного содержания.

3. Борьба с коррупцией и нарушениями.

4. Расширение информированности и образовательных программ по данной теме.

Для эффективного реформирования системы правосудия государственные органы должны привлекать к консультациям экспертов, обладающих практическим опытом в этой области.

Также следует отметить, что в основе любых изменений и реформирования должны лежать защита прав и интересов человека, соблюдение принципа верховенства права и обеспечение справедливой и эффективной работы системы правосудия. Именно это должно быть главным ориентиром в работе государственных органов и общественности при разработке и реализации мер для улучшения условий раздельного содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных в России.

В целом, решение проблем раздельного содержания требует комплексного подхода и усилий со стороны всех участников этого процесса: государственных органов, правоохранительных органов, общественности и международных экспертов. Только тогда можно добиться значительного прогресса в этой важной сфере правосудия и обеспечить защиту прав человека и справедливость в системе правосудия в России.

Литература:

1. Сенатов А.В. Некоторые проблемы нормативного правового регулирования раздельного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2021. № 4 (49). С. 116–121.
2. Захряпин Р. И., Пискунов П. М. Особенности раздельного содержания подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений // Вестник науки. 2021. Т. 1. № 8 (41). С. 75–79.
3. Голубцова А.И. Особенности правового регулирования обеспечения личной безопасности подозреваемых, обвиняемых и осужденных // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт. 2021. С. 57–61.
4. Кокорева А. С. Особенности обеспечения личной безопасности подозреваемых и обвиняемых в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы // Научный взгляд современной молодежи на актуальные проблемы права, психологии и педагогики. 2021. С. 236–239.
5. Панченко В. Ю., Деменишин А. В. Применение правовых принципов и норм о раздельном содержании курящих и некурящих в местах принудительного содержания // Вестник Кузбасского института. 2022. № 3 (52). С. 88–95.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 12 (511) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 03.04.2024. Дата выхода в свет: 10.04.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.